

Аномальная зона. Герт С.И.

Герт Светлана Ивановна (Милова)

Аномальная зона

Фантастический роман

Часть 1.

25 авторских листов.

Адрес: г. Екатеринбург, ул. Восточная 26а, кв. 17.

mail: niki5583@mail.ru

тел.: 8 904 16 71 824

Глава 1.

16 июня 2014 года. Молния. Необычное природное явление в районе промышленного города Урала. Плотное облако синего цвета нависло над городом. Метеорологи сравнивают его с фронтальной грозой, но осадков над территорией не наблюдается. Губернатор просит соблюдать спокойствие, сообщая, что небо очистится и погода нормализуется. Местные жители в панике. Ходят слухи о выбросе в атмосферу металлургического гиганта. Однако толки опровергаются местными властями. Из города Екатеринограда срочно направлена лаборатория, которая прояснит ситуацию.

17 июня 2014 года. Облако над городом Лигат. Кажется, в загадочной России вновь происходят необъяснимые природные явления. Вслед за челябинским метеоритом, который вызвал взрыв 15 февраля 2013 года, вновь непонятная стихия опустилась на трехсоттысячный город средней полосы. Плотная тёмно-синяя местами чёрная облачная масса, подобно туману сгустилась над городом и окраины. Несмотря на призывы местных властей соблюдать спокойствие, население спешно выезжает. Многие носят защитные повязки. Одна из версии происходящего - утечка вредных веществ. Они, взаимодействуя с окружающей средой, и вызвали жуткий эффект. Лаборатории опровергают эту информацию. В прямом эфире производились необходимые замеры. Игнорировать эти результаты нельзя, так как вкупе с официальными представителями, в городе работает несколько независимых лабораторий, а также несколько энтузиастов одиночек. Жители надеются, что выступление президента прояснит ситуацию.

20 июня. Утром в Лигат введены дополнительные войсковые соединения и бригады врачей. Выезды из города заблокированы. Эти жесткие меры потребовались после того как необъяснимая инфекция стремительно косит людей, которые ранее покинули город. Медики бьют тревогу. Они не могут контролировать распространение заболевания, и не понимают причины его возникновения. Инфекция поражает дыхательные пути, затем стремительное повышение температуры и летальный исход. Ни одно лекарственное средство не помогает, а

Аномальная зона. Герт С.И.

только замедляет процесс заболевания. На данный момент около тридцати процентов эвакуированных людей погибли, а еще пятьдесят в тяжёлом состоянии. Царящая паника дает основание предполагать, что и эти данные занижены. Загадочным фактом является то, что ни одного случая заражения этим фатальным заболеванием среди жителей и мобилизованных извне сил на территории города не зарегистрировано. Медики склонны предположить, что поле, нависшее над зоной, влияет на течение заболевания, так заболевший человек, вернувшись на территорию зоны в половине случаев выздоравливает. На территории города не функционирует ни одно предприятие. Выведены те рабочие, которые поддерживают безопасность.

21 июня. Мэр города выступил с призывом соблюдать спокойствие. Он пообещал, что перебои с питанием будут устранены. В данный момент администрация контролирует все продуктовые склады. Завезена питьевая вода. Голод в ближайший месяц населению не грозит. Введено чрезвычайное положение. Участились случаи мародерства, но усилиями военной полиции они пресекаются. Состояние жителей можно описать как паника и страх. Они не верят словам мэра и ученых о скором завершении природного катаклизма. В последние часы ситуация ухудшается с каждой минутой. Завеса над городом стала почти непроницаемо чёрного цвета и лишь местами виднеются куски голубого неба. Облако усилило активность и стало двигаться по спирали, что ввергло ученых в шок. Почти геометрически четкое движение опровергает предположение об атмосферном происхождении облака. Некоторые очевидцы приписывают облаку человеческий интеллект, другие же полагают, что завеса появилась в результате эксперимента, не зря оно появилось в городе, где расположено несколько крупных заводов, производящие оружие.

22 июня. Перебои со связью, местами нет электричества. По словам специалистов, все линии исправны. Ученые зафиксировали некие волны исходящие от облака, но природа их не понятна. Они заявляют, что волны виновны в прекращении связи с большой землей. Активность облака по последним сводкам увеличилась, яркие сполохи света то и дело падают на землю. Несколько пожаров бушуют на западе

Аномальная зона. Герт С.И.

города и в пригородах. Зафиксированы незначительные толчки, что равняются 4 баллам по шкале. Пострадавших жителей доставили в больницу.

24 июня. Молния. Связи с городом Лигат практически нет. По ранее поступившей информации вся электронная техника вышла из строя. Службы города работают на дизельных трансформаторах. Зафиксированы световые вспышки и град раскалённых камней. Обнаружены случаи внезапной слепоты. На западе города бушуют пожары. Человеческие жертвы исчисляются десятками. Волны доходят до Владивостока и Европы. Они распространили по территории России аномальные происшествия. Так в Воронежской области зафиксирована жара, а в Сибири массовый мор птиц. Экологи бьют тревогу.

26 июня. По данным полученным из неофициальных источников с территории города были тайно вывезены военные, МЧС и врачи. Командованием ВС России предпринята попытка бомбардировки облака, однако официальные источники опровергают эту информацию, но независимые СМИ сообщают, что из одного секретного полигона было поднято в воздух около тридцати бомбардировщиков, из них не вернулся ни один. В самом городе царит настоящее стихийное бедствие, зафиксировано землетрясение и огненный шквал огня с неба. Дома уходят под землю в считанные секунды. На месте здания торгового центра образовалось в озеро из раскаленной лавы. Страдания населения оставшегося в городе трудно даже представить.

30 июня 2014 года. Официальный день траура. Больше половины населения погибли в десять дней бушующей стихии. Правительством России принято решение об объявлении территории города Лигат закрытой зоной. Выжившие жители какое-то время пробудут там до полного удостоверения в том, что им безопасно покинуть эту территорию. По последним данным около 100 тысяч человек выжили в бушующем пламени, в основном это жители пригорода и центрального района города, меньше всего пострадавшего от стихии. В данный момент связи с городом нет, и лишь изредка кратковременный сигнал сообщает о том, что люди нуждаются в помощи. Дым над городом практически рассеялся, но

Аномальная зона. Герт С.И.

при наблюдении со спутника территория выглядит непроницаемым черным скафандром. Излучение от города опасно для здоровья и жизни человека.

ГОД СПУСТЯ. Территория зоны города Лигат.

Утро только забрезжило, но охранник пункта А8 на границе аномальной зоны стряхнув остатки сна подошёл к ограждению из колючей проволоки. Из объёмной коробки он достал небольшой летательный аппарат, который он немного усовершенствовал, добавив к нему два устройства, напоминающие щипцы. Он запустил аппарат в воздух и закурил. Через десять минут он должен был вернуться с добычей. Возможно ему повезет и добыча будет стоить денег, как многие артефакты аномальной зоны. Вскоре охранник услышал жужжащий звук и его верный железный механизм приземлился в двадцати метрах от него, но уже здесь было видно, что он вернулся с добычей. Мужчина подбежал и приподнял аппарат, но отшатнувшись от него побежал к железной бочке служащей на посту емкостью для сбора мусора. Охранника отчаянно рвало. Летательный аппарат привез своему хозяину отрубленную человеческую руку.

Следователь Мережкин Павел Сергеевич уже не спал. Он просто лежал на кровати и смотрел на давно не белёный потолок, когда в окно тихонько постучались. Он встал и, потягиваясь, подошёл к окну. Там мелькнул красноватый длинный нос и чёрная спутанная шевелюра его помощника Зубкова. Он жестом руки пригласил его войти, а сам тем временем стесняясь своей застиранной и старой майки, торопливо натягивал тёплые брюки и свитер. Алексей Зубков прошёл в комнату, но сначала потеревил за уши собаку Мережкина по кличке Ферзь. Овчарка был ещё молодым псом, но крайне умным, а ежедневные тренировки сделали из него настоящего помощника Павлу Сергеевичу. Ферзь с недоверием относился ко всем людям кроме хозяина. Но отчего-то очень любил Зубкова. Пёс начинал тыкать в него носом и играть с ним. К слову сказать, Алексей следователю чем-то напоминал Ферзя, а Ферзь Алексея. Тот же цвет волос и выражение глаз. Пока они дурачились, Павел Сергеевич подкинул дров в русскую печь и поставил теплый

Аномальная зона. Герт С.И.

чайник и сковороду на плиту. Алексей опомнился и тут же скороговоркой начал выдавать информацию.

- Совершенно нападение на старого фотографа на улице Советской.

Мережкин убрал сковороду с журчащим маслом с плиты. «Стоило догадаться, ведь сорвать с дежурства могло только важное обстоятельство».

- Вызвал врачей? - Строго спросил Павел Сергеевич.

Алексей, поглядывая голодными глазами на раскаленную сковороду ответил:

- Так он мёртвый уже был.

- Так бы и сказал сразу. Тогда давай быстро позавтракаем и пойдем. - Недовольно пробурчал следователь, но вернул назад сковородку.

Быстро переложил в неё пшеничную кашу из котелка и ловкими движениями открыл банку с тушенкой. Сначала он выложил лишь половину банки, как и положено настоящему экономному русскому мужику. Но потом, взглянув на худенького Алексея и решив, что пообедать, да и поужинать им теперь не удастся, он опрокинул всё оставшееся мясо и стал аккуратно помешивать. Вкусный запах распространился по всему деревянному дому Мережкина. Он достал из банки два соленых огурца, и они сели завтракать. Зубков поначалу стеснялся, но потом уплетал завтрак за обе щеки, прерываясь лишь на односложные ответы.

- В каком часу обнаружили труп?

- Около двух часов назад!

- Свидетели?

- Бабка Аня сторожила теплицы на огороде, ну и увидела лежащего Перепелкина.

Подумала, что ему стало плохо с сердцем. Перевернула его, а он весь изрезан и без правой руки.

- Заголосила, наверняка на всю улицу.

Зубков кивнул. Павел Сергеевич торопливо перелил заваренный чай в термос.

Алексей продолжил говорить, вылизывая маленьким кусочком серого хлеба остатки на тарелке.

- Это дело рук чёрного человека. Только зачем ему понадобился этот пенсионер?

- Чай попьём позже. Собирайся. – Скомандовал следователь.

Аномальная зона. Герт С.И.

Ферзь уже стоял у двери и нетерпеливо подергивал хвостом. Они вышли в сени. Мережкин слегка подпёр дверь и повесил большой замок. Кто придет, будет знать, что они на выезде. Они сели на велосипеды и бодро, чтоб не успеть замерзнуть направились в сторону лисьей горы, где и располагался частный сектор. В нём и жил убитый.

Когда они пересекли мост и заброшенные конструкции старого завода они остановились. Спрятали велосипеды за кустом, привязав их цепью к сварной раме. Дальше они двигались осторожно. Хотя этот участок земли и относился к категории опасности 2, Мережкин и Зубков решили не рисковать.

Склон горы чем-то напоминал неправильную шахматную доску. Грунт местами зеленел свежей и сочной весенней травой, однако рядом были куски выжженной земли. Ферзь испуганно закрутился на месте, и Павел Сергеевич проходя по отмеченный столбиками опасный участок, взял пса на руки. Отдышавшись перед началом улицы, следователь с серьёзным видом направился к месту преступления. Несколько соседей находились возле дома и оживленно беседовали. Мережкин внимательно их оглядел, большинство из них были ему знакомы. «Надо с каждым побеседовать. Кто знает, вдруг подскажут мне зацепку».

Мережкин и Зубков поздоровались и направились в сторону огорода, где находился труп. Вокруг всё было аккуратно сложено и ухожено. Убитый старик был ещё довольно бодр и общителен. К тому же многочисленные родственники ему помогали. Рядом слышался плач дочери убитого. Мережкин направился к яблоне, возле которой лежал окровавленный труп. Зубков сразу отстал. Он ещё не привык к виду мёртвого человека, хотя в первые месяцы зоны, что только не происходило. Труп лежал перевернутым на спину, глубокие аккуратные раны в виде креста располагались на животе. На лице трупа сохранилось выражения удивления смешенного с ужасом.

- Врачи не приедут. Приказ Подорожникова. Там оборудование заработало. Пользуются этим моментом и делают операции. Даже старый Рюмин и тот задействован. - Зубков проговорил тихим голосом Павлу Сергеевичу, косясь на грядки со свежей зеленью.

Следователь выругался про себя для порядка, но знал, что Пётр Соломонович теперь будет работать без сна и отдыха пока зона дает короткую передышку и позволяет оборудованию функционировать. Сейчас в больнице каждый человек на вес золота, раз военный хирург Рюмин, друг отца Мережкина помогает.

Следователь достал свой огромный блокнот и принялся зарисовывать место преступления. Рисунки хотя и были не очень профессиональными, но понятны и кратки. Провозившись со схемами сорок минут (он даже попытался зарисовать выражение лица жертвы), Мережкин осмотрел сантиметр за сантиметром всю землю в диаметре тридцати метров. Он досадно покачал головой, все улики и следы были утоптаны любопытными зеваками.

Рассвело и становилось теплее. Пар начал подниматься с охлажденной после ночи земли. Павел Сергеевич расстегнул свою старую замшевую куртку и потянулся за термосом с чаем. Вдруг на мгновение ему показалось, что рука убитого пошевелилась. Он наклонился над трупом. «Ну конечно показалось». Сглотнул слюну Павел Сергеевич. Но рукав дернувшейся руки всё же привлек его внимание. Кусок влажной бумаги, вернее, обрывок листа прилип к внутренней стороне рукава жертвы. Мережкин осторожно достал его и расположил на чистом листе блокнота. Неизвестный шифр из цифр и букв был написан уверенным каллиграфическим подчерком. Алексей подошёл к начальнику, пока тот разглядывал листок и спросил:

- Павел Сергеевич родственники в нетерпении, а свидетелям скоро на работу. Когда вы их опросите? Я предварительно заполнил все формы, чтобы вам сэкономить время.

Мережкин с благодарностью посмотрел на Алексея. «Молодой, но такой смысленый». Саднящие душу воспоминания неожиданной волной нахлынули на него. Он вспомнил своего сына. Такого родного и такого далекого. И его слова при последней встрече. Вспомнил и того юношу, чью жизнь он прервал двумя точными выстрелами. Мережкин поморщился и промолвил отчего-то севшим голосом:

- Сейчас опрошу.

Родственники, прибывшие к утру сидели на веранде за старым деревянным круглым столом. Женщины плакали, мужчины тихо что-то обсуждали. Вдалеке

как-то радостно пах и сиял новенький, простой деревянный гроб. Увидев заходящего следователя, они встали с мест и тихонько поздоровались.

- Вы не против того, что я проведу допрос в доме?

Дочь убитого фотографа кивнула и провела его по тёмному, пахнущему травами коридору в горницу. «Этому старику повезло, его любили и достойно похоронят».

Зона ожесточила людей. Павел Сергеевич отчетливо помнил дни, когда трупы по несколько дней лежали на улицах и лишь спустя время военные хоронили их в общей могиле. Мёртвые животные так и лежали, разлагаясь несколько недель.

В горнице сидело шесть человек. Они бы совсем заскучали, если бы не старик Борода, также присутствующий здесь. Он был способен травить байки сутками, не останавливаясь даже на перерыв. Его и решил Мережкин оставить напоследок.

Впрочем, ни опрос соседки, обнаружившей труп, ни людей подошедших позже не дал никакого результата. Они ничего не видели и не слышали подозрительного или рассказывали о вещах, не имеющих отношения к делу. Все твердили о любопытном характере старика и его прошлых заслугах и даже о его гигантских огурцах, выращенных на огороде. Лишь дочь поведала о пропаже старого плёночного аппарата, с которым любил ходить убитый. Да соседка твердила, что видела вдалеке бегущего чёрного человека.

Мережкин поморщился. Он уже три года разыскивал преступника в чёрном облачении, который до закрытия города Лигат убил нескольких человек. В числе убитых значились заместитель мэра города и неофициальный хозяин региона авторитет Хмелик. «Неужели опять начнется эта полоса убийств». Тогда Мережкина отстранили от дела. Когда убийства, несмотря на все мобилизованные силы, продолжались, то Павла Сергеевича обвинили в бездействии. Но Мережкин не прекращал поиски и напал на след, но завеса, которая навсегда изменила жизнь горожан, перечеркнула все труды. Он чувствовал, что убийца рядом. Он даже ощущал этот запах мокрого дерева и солёной крови, который был присущ убийце. А однажды ему подбросили письмо с фотографией молодого парня, на которой было написано: Мы с тобой одной крови!

Родственники по просьбе Мережкина осмотрели всё, но фотоаппарат так и не обнаружили, как и старых плёнок. Павел Сергеевич опросил всех свидетелей,

кроме Бороды, который свидетелем и не был, а просто шёл мимо и появился, чтобы поддержать родственников убитого. «Ага, как же поддержать, пронюхать что случилось, а потом мгновенно разнести сплетни по городу». Мережкин еле сдержал улыбку. Борода был одет, несмотря на начало лето в тулуп и валенки. Старик, грустно поблескивая передним золотым зубом проговорил:

- Я хоть и не почётный свидетель убиения, но всё-таки для вас человек полезный. Мы с Веней были хорошо знакомы.

Пока Ефим Иванович Борода вещал сквозь рыдания, Павел Сергеевич осматривал окружающую обстановку. Если плёнки похищены из дома, то преступник был здесь.

- Правда, этот Перепелкин был мерзавец! Господи прости!

Борода перекрестился трижды, закатив глаза к потолку.

- Ведь о мертвых только хорошо. Но всё равно он пакостник. Давеча с неделю назад приходит ко мне в гости и просит на время мою охотничью винтовку. Дак я ему говорю, она не исправна. А он всё одно дай и дай. Я ему вторю, ты разумеешь или не разумеешь не рабочая она. Уток он собрался, видите ли, пострелять. Я кричу, починю. Ну, я прямо так и разошелся. Говорю даже Ванечка Петров золотые руки не смог, а ты старик сможешь. В общем, поругались мы тогда, еле помирились. Ушёл он от меня. А через три дня замечаю, нету винтовки. Катюшку соседку спрашиваю, не видала ли кого? Да говорит фотограф забежал к вам, а я ему сказала, что вы в город ушли. Вот ведь не задача. Прихожу к нему, а он на десять запоров закрыт и спрашивает меня из-за забора. Кто идет? А я как рассержусь, что не видно кто, Я Борода, кто ещё. Он тогда не сознался, конечно. Но могу сказать одно, боялся он шибко, а чего боится и не говорил.

Мережкин проверил запоры на окнах. Они были недавно починены. Одно из окон, выходящих в огород, привлекло его внимание. На нём был выбит запор, он висел на одном гвоздике. Внимательно осмотрев Мережкин понял, что открыли его из дома. Взглянув через окно, Мережкин напротив увидел место, где ещё некоторое время назад лежал труп. «Загадка! Зачем надо было выбивать окно, чтобы снаружи напасть на старика-фотографа? Проще дожидаться, когда он зайдет вовнутрь! И

следы борьбы. Мог ли старый человек так защищаться!» Борода продолжал трещать.

- А впрочем, хороший был Веня человек. Помнится, как свадьба у сыновей, а он без просьбы придёт и всех сфотоует и нате вам, пожалуйста, фотографии как подарок. Золотой всё же был человек.

Мережкин спиной услышал звук всхлипываний и последующего смачного сморкания. Дверь открылась. На пороге стоял Зубков. Пора было уходить. По лицу Алексея он понял, что поступил ещё один вызов. Следовательно на всякий случай снял отпечатки со створки окна и двинулся к выходу.

- Ефим Иванович пройдем с нами, ответишь на вопросы по дороге.

Мережкин знал, что ничего существенного больше не добьется, зато родственников фотографа он оставит в покое, и не будет просить выпить за покойника. Ферзь ласково клюнул в руку Мережкина, и они начали свой спуск с горы.

Боярский Рудольф Владимирович проснулся в отличном расположении духа, что в последнее время с ним случалось не часто. Он пригладил рукой свои густые чёрные волосы, уже начинающие седеть и пошел умываться. За своим обликом он тщательно следил. Кувшин с горячей водой уже был приготовлен. Он быстро умылся, оделся, тщательно зачесал волосы в аккуратную прическу и внимательно осмотрел себя в зеркале. Черты его лица по отдельности были некрасивы, небольшие глаза, заостренный нос, тонкие губы, но стоило ему улыбнуться и задействовать своё природное обаяние, и он превращался в настоящего красавца. Только проницательный и осторожный человек, по дьявольскому блеску в глазах понимал, что перед ним человек жестокий, опасный и очень умный.

Рудольф Владимирович уже три года был избранным мэром города Лигат. Он с ухмылкой теперь вспоминал, как радовался, что смог без особых усилий обойти конкурентов и занять пост градоначальника такого крупного города-завода. Теперь ни один человек не стал бы ему завидовать. То бремя ответственности, что легло ему на плечи, было способно сломить любого. Мэр спустился вниз и прислушался к звукам в лаборатории. Там стояла мертвая тишина и на удивление

не чувствовалось никаких неприятных запахов. Значит, Мирон ещё спит, а ночь экспериментов в лаборатории прошла без эксцессов. Он быстро позавтракал в одиночестве, радуясь, что сегодня утром не увидит лицо несостоявшегося зятя. В столовую зашёл его помощник Танаев. Мэр поморщился от запаха перегара. Они вместе сели в машину и поехали на очередной утренний осмотр города. Обезд совершался ежедневно, кроме воскресенья. Никто кроме Рудольфа Владимировича не знал, куда он сегодня направится. В один из охраняемых объектов, в столовую, на склад, или в лабораторию. Всем казалось, что он только садясь в машину, решает куда ехать, но это было не так. В голове у мэра был недельный план посещений, о котором никто не догадывался. Эти проверки держали всех в напряжении и страхе. В городе не работали ни сотовые телефоны, ни стационарные. Заранее успеть предупредить о скором появлении начальника никто не мог, хотя и пытались на подъездах ставить мальчиков посыльных. Но даже самый быстрый ребенок не бежит быстрее автомобиля.

В зоне бензин был дорог и не каждый был в состоянии содержать свой автомобиль. Все жители постепенно пересаживались на велосипеды и мопеды, так как городской транспорт тоже не работал. Мэр был бы рад отказаться от этих проверок, но таким трудом установленный контроль над населением нужно было удерживать. Машина тем временем пересекала главную площадь Ленина, на которой напротив театра драмы располагалась виселица. Мэр поморщившись, отвернулся, а Танаев отхлебывая из кружки кофе с коньяком (он не любил рано просыпаться) высунулся в окно. Виселица уже несколько месяцев не видела новых клиентов, но в период массовых мародерств, мэру пришлось публично казнить преступников. Это противоречило законам Российской Федерации, но зона словно создала своё маленькое государство из людей, которые старались выжить.

Мэр покосился на начальника охраны Танаева Петра Васильевича и спросил:

- Опять ночь провёл в игральном клубе?
- Что так заметно?
- Вид у тебя свирепый. Но это даже хорошо. Сейчас поедим на склад продуктовый. Там нагло воруют. Надо их хорошенько напугать и парочку начальников поменьше арестовать на недельку. Допросить с пристрастием.

Аномальная зона. Герт С.И.

- А потом? – насупился Танаев.

- Выпустить и вернуть на прежние должности.

- До следующего происшествия?

Они проезжали по главному проспекту и набережной. Этот район меньше всего пострадал от пожаров и землетрясения, здесь почти не чувствовалось влияние зоны. Кроме воздушного фонтана, над которым любые вещи зависали, игнорируя законы гравитации. Однако проспект выглядел жалким и неухоженным. Мэр посигналил Мережкину, который ехал на велосипеде рядом, но тот был весь в своих мыслях и вряд ли это заметил. Зато его подручный чуть не наехал на столб, так засмотрелся. Вдали виднелись опустелые, закопченные пожаром дома жилого района. Боярский зажмурил глаза и погрузился в свои мысли, Танаев задремал.

Вдруг машина резко затормозила. Мэр налетел на Петра Васильевича. Благо он был комплекции русского богатыря и Боярский даже не ушибся. Он пригладил волосы и вышел на улицу. Водитель спешно поднимал с земли мальчугана лет восьми. Водитель по-свойски осматривал мальчугана и оправдывался:

- Выскочил на своём велосипеде, словно чёрт из табакерки. Мало что ли тротуаров.

Черноволосый лопоухий мальчик весь красный от поездки не растерялся:

- Где вы видели тротуары?

Мэр заулыбался, мальчик показался ему знакомым, он потрепал его по голове.

- Езжай ка ты дружок в больницу, скажешь от Рудольфа Владимировича.

Он сунул ему в руку маленькую плитку шоколада, изъятую из кармана курящего рядом Танаева. Мальчик благосклонней посмотрел на мэра и произнес деловым тоном:

- Зачем в больницу? Придёт вечером дядя и осмотрит.

Мэр повернулся, услышав сзади стук каблуков. Впрочем, все мужчины стоящие в этот момент на улице наверняка засмотрелись. В сторону аварии бежала молодая девушка, в простом чёрном облегающем платье. Темноволосая, она бежала с такой кошачьей грацией на довольно высоких каблуках. Простой покроей платья, а также стянутые тугим узлом волосы не смогли скрыть кричащую красоту этой женщины. Женщины мэра.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Володька. С тобой все в порядке? - Чуть хриплым голосом прокричала девушка и с угрозой посмотрела на присутствующих.

Увидев блеск желания в глазах Боярского, опустила глаза. Володька уже деловито жевал маленький кусок шоколада. Мэр немного отвел девушку в сторону:

- Всё в порядке. Но мальчугана надо проводить домой. Мало ли что случится. Он летает как сумасшедший.

- Это племянник Подорожникова. Я сама за ним не досмотрела.

- Мы никому не расскажем. Ты как всегда прекрасно выглядишь.

- Мы не виделись неделю...

- Я был занят, но про тебя не забывал ни на минуту. Мне пора.

Валерия Липская, так звали женщину, поспешно уводила Володьку к своей маленькой кулинарии, которую она открыла на центральной улице. Валерия была уже два года неофициальной любовницей вдовца Боярского. Мэр всегда выбирал для себя самое лучшее и дорогое. Никто не сомневался, что красавица и далеко не глупышка Липская рано или поздно привлечёт его внимание. Машина подъехала к центральным воротам склада и Боярский, вернув на своё лицо суровое выражение, стремительной походкой направился к охраннику. Рабочий день начался.

Вера Васильевна Подорожникова раскрасневшаяся от быстрой ходьбы сидела в уютном кресле в бытовом помещении пекарни. Она была молодой женщиной с довольно крупной фигурой, выразительным лицом с карими глазами.

- Володя как ты не понимаешь, ведь ты чудом остался живым!

Вера, как и все близкие люди, переоценивала опасность происшествия, отчитывала Володю и расстроенную Липскую. Её дочь и сын с удовольствием жевали свежие булочки.

- Зачем ты вообще так быстро нёсся на велосипеде?

Племянник, теребя оттопыренное ухо и поглядывая на булочку пролепетал:

- Я хотел догнать следователя Мережкина, чтобы рассказать ему, что я видел чёрного человека.

Вера встрепенулась.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Какого человека? Где ты видел?

- Того, о котором все говорят. О преступнике. Я видел его ночью на Лисьей горе. Он бежал в сторону развалин. И на его голове что-то светилось.

Вера от страха и возмущения подпрыгнула в кресле.

- Что ты делал ночью на лисьей горе?

- Смотрел на блуждающие огни. Борода мне сказал, что ночью они превращаются в корабли и плывут по небу.

Липская сунула в руки Володьки булочку и отправила детей смотреть, как резвятся на кухне котята. Валерия достала тонкую сигарету и закурила в открытое окно. Затем, опомнившись, потушила сигарету.

- Извини, я забыла, ты не переносишь табачный дым. Знаешь, сегодня ночью на лисьей горе убили старика фотографа. Говорят, что чёрный человек. Его подчерк.

Вера помрачнела и вздохнула:

- С тех пор как пропал его отец, я совсем не знаю, как с ним быть. Ночью ему снятся кошмары. А недавно пришел и говорит, что видел на улице папу. Побежал к нему, но не догнал. Ещё вот эта авария.

Вера помрачнела, и Валерия поспешила приподнять её настроение.

- Думаю, что всё будет в порядке. Я видела, что машина ехала медленно. Но я постараюсь стрясти за это для вас лишний паек.

- Да уж он нам не мешает. Тебя вот объедаем всем семейством.

- Перестань. Вы мне не чужие. Хотя Пётр и мог сходить и попросить для вас лишние талоны. Он пропадает в больнице. Без него там не справятся. А живёт на каше и воде.

Вера вздохнула и, поднимаясь со стула произнесла:

- Ему всё некогда. Ладно, спасибо тебе мы пойдем.

Вера направилась к выходу, а Валерия с грустью подумала о том, как ей не хватает залиvistого смеха подруги.

Мережкин неторопливо ехал в сторону дома. Безопасная дорога была длиннее, но пересекать кладбище он не рискнул. Голова была занята мыслями об убийстве. Всё надо было разложить по полочкам. Мысли путались, давили воспоминания.

Именно в такие волнительные дни, на него накатывала тоска и депрессия. Павел Сергеевич считал, что его личная жизнь не сложилась. Женился он поздно в тридцать лет, но все равно не удачно. Жена была молоденькая и так и не смогла полюбить его. Однако родила ему сына, которого в младенчестве и раннем детстве Мережкин любил очень сильно. Он заботился о нём лучше родной матери, которая через год после родов загуляла с любовником. Павел Сергеевич долго терпел и не затевал скандала, несмотря на косые взгляды, думал, что она одумается. Но жена забеременела от другого мужчины и, забрав сына, уехала в соседний крупный город. Видел он сына редко, мешала жена, а через год, привезя сына на неделю в Лигат, он обнаружил, что стал для сына дядей, а тот другой папой.

Мережкин горел от горя, и всю свою энергию пустил в работу. Боль притупилась, а сын рос и всё больше превращался в копию приёмного отца торговца. Павел Сергеевич регулярно отсылал сыну половину зарплаты, и жена перестала со временем отдалять от него сына, но время было утеряно, и сын рос для него чужим человеком.

Одно радовало Мережкина, что останься он здесь с ним в Лигате, то зона могла поглотить его или он мог погибнуть от руки мародеров. Руки того же следователя, который не разобравшись расстрелял невинного юношу. Мережкин знал, что постепенно мысли и чувство вины отойдут на задний план, и он сможет трезвым рассудком расследовать преступление.

Подъехав к дому, он обнаружил припаркованный внедорожник мэра. «Надо же. Не одному мне сегодня паршиво на душе». Дверь была аккуратно открыта. Во дворе стояли два охранника. Зайдя внутрь дома, он обнаружил накрытый нехитрый стол, во главе которого стояла открытая бутылка коньяка. На лавке лежал пакет с костями для Ферзя. Овчарка при виде пакета завилала хвостом. «Надо же вкусный обед способен подкупить даже самого верного пса».

Рудольф Владимирович подошёл и по-мальчишески обнял его. Мережкин почувствовал, что рад этому неожиданному гостю. На столе уже наготове стояла шахматная доска. Павел Сергеевич тщательно вымыл руки и присел к столу.

- Давненько ты не заезжал ко мне, уже и шахматы успели запылиться.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Конечно. Ведь тебя в гости не дозовешься. Пугает мой дом или лаборатория моего чудо зятка?

- Скорее твоя обширная охрана.

Мэр горько рассмеялся. Поднял бокал и предложил:

- Что ж начнем.

Первая партия была по привычке быстрая. Они называли её разминочной. Мэр и следователь были друзьями. Старыми друзьями. Настоящими друзьями. Они знали друг друга с рождения, но по-настоящему стали дружить только в 8 лет. Рудольф Владимирович, в то время мальчик Рудя не заводил друзей. Он был самым настоящим лидером среди детворы, со всеми общался, пакостил, но не дружил. У него во дворе была своя шайка, каждый член которой безоговорочно подчинялся его Рудиной воле.

Однажды их маленькая толпа нарвалась на мальчиков постарше. Они сразу вычислили в толпе лидера. Поймав его у пустующих гаражей, решили хорошенько отдубасить, чтобы впредь не лез туда, куда не надо. Трусливые друзья тут же разбежались, и Рудольф остался один на один с пятью тринадцатилетними подростками. Его бы сильно побили, если бы не вмешался проходящий мимо мальчик Паша, который пошёл коротким путем чтобы успеть в волейбольную секцию. Услышав крики Руди, он, не думая ни о чём попытался его отбить от распалившихся подростков. Павел был лишь на год старше Рудольфа, но был выше плечистей. К тому же в рюкзаке у него оказались три небольших гантели и свисток. Удачно брошенные гантели и свист заставил парней разбежаться. Павел проводил побитого мальчика домой. И никому! Никому о случившемся не рассказал. Он продолжил жить своей спокойной жизнью.

Так как жили они в одном дворе, Рудя поначалу ждал, что Павел будет напрашиваться в друзья, но время шло, и вскоре аккуратно навязываться в друзья стал уже он. Они сдружились, хотя были очень разными. Рудольфа восхищала способность Павла никогда не врать и быть глубоко порядочным человеком. Он, будучи от природы другим, хотел иметь рядом такого человека. Жизнь шла, и их связь, то становилась тесной, то на какое-то время прерывалась. Став мэром, все

Аномальная зона. Герт С.И.

ждали, что Мережкина будет ждать повышение, однако всё вышло наоборот. Один Рудольф Владимирович знал, что следователь Мережкин на своем месте.

- Говорят, у тебя сегодня был день богат на события.

- Намекаешь на ложный вызов священника Тихвина?

Мэр рассмеялся, разговором он просто тянул время, обдумывая комбинацию.

- Мне передали, что вы с Ферзем полдня искали якобы украденные инструменты, а они преспокойненько находились в подсобке.

Сытый Ферзь игрался у входа с одной из костей, услышав своё имя, подал голос.

- Да этот забавный Тихвин совсем растерялся. Его сплавил подальше папаша, после того как он чуть не спалил приход. Или что-то накуролесил.

Мережкин сделал ход. Он удачно выстроил защиту, хотя мысли его были далеко от шахмат.

- По крайней мере, он не убежал как многие и пытается что-то наладить. Я думаю, его высокопоставленный отец каждую минуту жалеет о своём решении.

- Да нам в чём-то повезло, наши дети далеко от опасности. Это меня радует.

- Есть вести о дочке?

- Она рвётся сюда. Хорошо, что это невозможно! Только стремится она не ко мне, а своему ботанику!

Мережкин не смог спрятать ухмылку. Рудольф Владимирович со всеми поддерживал ровные отношения. Но только один вид жениха дочери делал его невыдержанным упрямым человеком.

- Ты просто ревнуешь. Он замечательный. Починил нам аппаратуру.

Мэр жестом показал, что дальше говорить об этом не желает. Мирон был для него как красная тряпка для быка.

- А как же убийство фотографа? Это был чёрный человек?

Павел Сергеевич мгновенно помрачнел.

- У нас половина преступлений принято списывать на чёрного человека.

Преступления совершают люди, а не мифические призраки.

- Призраки призраками, но очередная паника в городе мне не нужна. Ты наверняка знаешь о нашем тяжелом положении. Два последних продовольственных

Аномальная зона. Герт С.И.

поступления были бессмысленны. Зона испортила продукты за час, так как будто они хранились пятьдесят лет.

- А запасы на складах?

- Они не безграничны. Но все же, какие твои мысли об убийстве? Обожаю, когда ты начинаешь строить из себя Шерлока Холмса!

Рудольф Владимирович неожиданно выиграл партию и сейчас разлил по второму бокалу коньяка. Мережкин с аппетитом ужинал. Коньяк ударил ему в голову.

- Дело не простое. Известно одно убитый фотограф кого-то боялся. Он запечатлел на фотоаппарат, то, что ему знать не следовало. Казалось, укради или отбери пленку и хорошенько напугай старика. Но убийца словно смаковал процесс преступления. Он получал от этого удовольствие.

- Напоминает твоего маньяка чёрного человека.

- В таком случае он нашел для себя напарника. На месте преступления было два человека. К тому же обнаружены следы борьбы.

Мэр рассмеялся:

- Они что дрались друг с другом за право укокошить бедного старика?

Мережкин пожал плечами, взял свой портфель и достал из него файл с найденным документом.

- Как ты думаешь, что это может быть?

Мэр аккуратно взял листок и осмотрел его.

- Шифр или просто набор цифр. Где ты его нашел?

- В руке убитого.

Рудольф Владимирович торопливо вернул листок. Кто-то аккуратно постучал в дверь. Затем зашел охранник мэра и сказал, что следователя ожидают на улице.

Мережкин наигранно свирепо взглянул на друга. Тот, улыбаясь самой дружелюбной улыбкой, развел руки в стороны. Мол, я личность значимая и мне без охраны никак. Мережкин накинул куртку, предварительно убрав улику в портфель. Портфель вынес в соседнюю комнату, и лишь затем вышел на улицу.

Оставшись один, Рудольф Владимирович помрачнел и на его довольно моложавом лице прорезались морщины. Он подошел к окну, выходящему на довольно

Аномальная зона. Герт С.И.

запущенный огород и, достав из кармана небольшую рацию, нажал на ней кнопку вызова. Подождав с полминуты на том конце ответили.

- Ты не прибрал за собой. Исправь это.

Собеседник молчал. Мэр нажал кнопку прерывания вызова и набрал другой номер. В трубке властвовала тишина. Он постоял, немного слушая гудки.

Отключился. Спрятав трубку в карман, он потёр виски и задумчиво посмотрел на шахматную доску.

По голосу Мережкин ещё на пороге узнал непрошеного гостя. На лавочке его ждал Борода с маленьким лопоухим мальчиком Володькой, который буквально блестел глазами и нетерпеливо подпрыгивал на месте.

- Павел Сергеевич, мы не могли ждать!

- Вот я вам привел ещё одного свидетеля. – Пробурчал старик.

Володька, перебивая деда прокричал:

- Я видел его! Он бежал в сторону горы. Весь чёрный и в руках у него был огонь.

- Минутку. По порядку кто бежал?

- Как кто? - В голос сказали Борода и Володька Никитин. - Убийца! Чёрный человек!

Борода, рукой попросил мальчика помолчать. Что для него было невыносимо, и он жестами рассказывал больше, чем старик своими богатыми на красочные эпитеты предложения.

- Давеча как с неделю назад я Володьке рассказывал про вылетающие из земли огни. Ну, те, что на склоне горы. По привычке немного приукрасил, а сорванец сбежал ночью из дома и поплёлся один их смотреть. Как живым вернулся, дурья башка. Пришёл он ночью на гору и залез на дерево як пташка. Услышал крик, испугался и притих. А потом увидел, как по направлению к ротонде бежал чёрный человек.

Мережкин достал небольшой блокнот, всегда лежавший в кармане его куртки, и собрался записывать описание предполагаемого преступника. Но юный свидетель совсем отвлёкся от рассказа. Он уже стоял возле автомобиля и заглядывал внутрь. Охранники улыбались. Хоть какое-то разнообразие. Да и Борода уже с любопытным видом заглядывал через забор во двор. Павел Сергеевич подробно

Аномальная зона. Герт С.И.

расспрашивал описание, но мальчик путался или не рассмотрел, как следует. В итоге бегущий оказался худым мужчиной похожий на довольно широкого в плечах Мережкина. Отправив нерадивых свидетелей домой. Мережкин вернулся в дом.

Володька Никитин сидел возле пруда. Рядом находилась заряженная червяком простенькая удочка. Маленький котёнок Бимка развалившись, спал рядом. Не клевало. Рыба в пруду водилась, но клевала редко, слишком много рыболовов охотилось на неё. Рыбачить Володьку Никитина научил отец, ещё до закрытия города. Они вместе с матерью или тётёй выезжали на старенькой машине за город и, расположившись на берегу пруда отдыхали. С этих выездов Володьке запомнился запах жареных сосисок и залиvistый смех матери. Она часто смеялась, порхала по жизни словно бабочка. Она с сыном любила играть в прятки и догонялки. Она сама на самом деле была в душе ребенком и по характеру и по возрасту. Родила она Володьку, когда ей исполнилось восемнадцать. Ей все давалось легко, воспитывать сына, учиться в институте и быть женой. Она и погибла, едва Володьке исполнилось семь. В конце августа её перебегающую дорогу сбил грузовик. Она увлечённо болтающая по телефону не посмотрела по сторонам, а водитель не успел затормозить. С тех пор Володька не любил август, и начало учебного года совпавшее с похоронами матери.

Через год пропал его отец. Он ушел на завод на смену и не вернулся. Это было во время решительных толчков землетрясения зоны. Сначала Володька ждал возвращения отца и часто бегал на проходную завода, где работал отец, хотя она и располагалась в довольно опасном участке зоны, где часто калечились люди.

Сейчас у мальчика самым близким человеком стала его тётя Вера.

Через некоторое время после пропажи отца она завела с ним серьёзный разговор. В аномальную зону попали списки погибших вне зоны и выживших. Имени отца в них не было. Тетя Вера сказала, что он теперь почти взрослый мужчина и, что не стоит ждать возвращения отца. Володька тогда пообещал, что постарается стать ответственным и благоразумным. Но он все равно ждал и плакал по ночам.

Вечерело. Но Володька не спешил домой, он ждал задерживающегося на работе своего дядю врача Подорожникова. Только ожидающий племянник и собственные

дети могли его заставить почти вовремя уйти с работы. Володька поменял мёртвого червяка на свежего. И вновь закинул удочку. Вдалеке он увидел тёмную фигуру. Она не очень походила на Подорожникова. Он погладил теплого котенка и вновь обернулся. Как странно! Фигура еще пару секунд назад едва виднеющаяся вдалеке, теперь была в пятидесяти шагах от Володьки. Лица было не рассмотреть, тёмная одежда обезличивала фигуру. Володька слез с ограждения моста и повернулся к идущему человеку. Он теперь стоял в десяти шагах от мальчика. Лицо человека было задернуто платком. Сердце мальчика бешено заколотилось. «А вдруг это и есть убийца черный человек! Он узнал о том, что он видел его ночью и пришёл за ним». Страх парализовал его ноги, и он не мог сделать ни шагу. Фигура медленно отвела платок, и теперь ясно было видно лицо. Володька издал вопль и кинулся к чёрному человеку.

- Папа, папа. Я знал, что ты живой!

Он сделал несколько шагов, но подвернув ногу, упал на асфальт. Через мгновение сильные руки поднимали его и посадили на что-то мягкое. Это был его дядя, а сидел он на куртке.

- А где папа?

- Какой папа?

Не понял осматривающий его Подорожников.

- Мой папа. Я видел, я видел его. Он живой.

- Когда ты упал, здесь никого не было.

Володька отрицательно покачал головой. Большая надежда зажглась в его маленьком сердце.

Глава 2.

Весна на зоне наступила поздно. Активное цветение деревьев началось только в начале июня. Почти все черемухи, яблони и сирень воспользовавшись потеплением, оделись в цветочные наряды. Город Лигат даже в пору своего рассвета в восьмидесятых годах вряд ли мог похвастаться красотой. Серые, жёлтые, тёмные здания, малое количество зелёных насаждений. Вредные выбросы и цветные облака. Вот настоящий облик промышленного гиганта. Но заводы уже год не функционируют, а свежая зелень и головокружительные ароматы вселили в местных жителей нотку надежды и того щемящего чувства, чем-то похожее на то, которое испытываешь когда смотришь на спящего грудного ребенка. Нежность и надежда на короткий миг вернули жителям зоны надежду на будущее.

Журналист молодая женщина Мария Фёдоровна Беккер казалась единственным человеком, которого не трогает эта красота. Уже в семь утра она была готова к работе и сидела возле сквера. Она ждала своего оператора Правдина. Беккер было тридцать лет, но выглядела она лет на пять моложе. Копна рыжих волос собранная в строгий узел, ни грамма косметики, узкие джинсы и широкий пуловер с кроссовками делали её похожей на подростка. По меркам провинциального города

Лигат Беккер была звездой. Она являлась восходящей звездой журналистики. Мария снимала репортажи во всех уголках мира, в том числе в тех местах, где происходила война и катаклизмы. Всегда смелая, собранная и упертая. Её узнавали на экранах телевизоров. В глазах зрителей она была хрупким ангелом. Но беззащитной и слабой она никогда не была.

Среди коллег о ней отзывались как о жестокой, циничной, идущей по головам стерве. В двадцать шесть лет она уже вела авторскую передачу на центральном телевидении и фонтанировала кучей идей. Она была звездой, только никто и не догадывался, что за неделю до прибытия в город Лигат, освещать события на зоне, её понизили до рядового репортера и убрали с эфиров на центральных каналах.

Сейчас, зависимые от её репортажей телеканалы не вспоминали об этом. Но тогда год назад она оказалась на зоне раздавленной предательством любимого человека.

Наконец вдалеке показалась сутулящаяся фигура оператора Правдина, одетого в объёмную клетчатую рубашку. Он нёс в рюкзаке камеру и кучу всяких приспособлений. Вдруг зона опять перекроет их съемки, загипнотизировав камеру. Вот уже неделю длится их бездействие. Беккер, чтобы совсем не затухнуть, начала писать небольшие статьи и очерки. Но у неё не было особого писательского дара. Но, по крайней мере, время было занято. Подойдя к девушке Михаил, по привычке ковыряя в зубах, спросил:

- Куда идём?

- Ты опоздал. - Прощешила Беккер, хмурясь от запаха пива, исходящего от помощника.

Правдин взглянул на часы и удивленно спросил:

- Разве мы не на восемь утра договаривались?

- На семь.

Мария не говоря, ни слова двинулась к северной стороне зоны. Правдин догнал её и, поравнявшись с ней, стал насвистывать бодрую мелодию.

- Такая красота! Я подобного никогда не видел.

- Снять бы эту красоту поскорее. Через неделю здесь будет такой же унылый пейзаж. Проверял камеру?

Аномальная зона. Герт С.И.

- Всю ночь провозился. Слабенький сигнал есть. Но мы же собираемся снимать на возвышенности парка. Там всё должно исправно работать.

Они направлялись к северной части города в Парк Пионеров. Там было самое большое скопление цветущих деревьев, к тому же по слухам там активизировались огненные источники. Главной сложностью было попасть туда сквозь оцепление охраны и не нарваться на огненный обстрел около горящих луж. Ранее у Беккер был пропуск, позволяющий ей проходить сквозь оцепление. Ей его подарил импозантный помощник мэра Потёмкин. Но Мария благодаря ему прошла в закрытые помещения военного завода и наткнулась на ежедневный объезд мэра. Боярский в тот день осыпал её комплиментами и даже подвёз до дома. Но на следующий день приехал военный в форме и, обыскав весь дом, изъясил заветную бумажку. Потёмкин тогда развеял её тоску за ужином и даже обещал при первой возможности вернуть его, но Мария знала, что это просто слова.

Они подошли к ограждению из колючей проволоки. На нём висел ромб оранжевого цвета. Категория опасности 5. Не самая большая, но на этом участке зоны возникают мощные звуковые волны и можно навсегда оглохнуть. Правдин достал из рюкзака наушники для себя и Беккер. Срезав проволоку, они аккуратно перелезли на другую сторону. Они не торопясь прошли около трехсот метров на вершину холма, как вдруг Правдин остановился как вкопанный. Беккер с беспокойством и злостью глянула на него. Он показал ей жестом на ногу, в которой торчал большой оранжевый шип. В этот момент сработал сигнал включения камеры. Аппаратура заработала. Беккер быстро наложила с помощью своего нашейного платка тугую повязку и сняла с плеч Правдина тяжелый рюкзак. Он, попрыгав на одной ноге, осторожно пошевелил другой.

- Дойти до людей сможешь?

Беккер до смерти не хотелось возвращаться. Такой шанс нужно было использовать на сто процентов. Она была готова со злости за неосторожность треснуть помощника по голове. Правдин кивнул головой в знак согласия.

- Только скажи, что напоролся на шипиху возле лодочной станции. Она там частенько появляется. Тянется к воде. И не тьяни, иди сразу в больницу. Хромым ты мне не нужен.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Естественно. Ты меня здорового еле выносишь.

Мария попробовала сочувственно улыбнуться, но у неё получилась лишь жалкая пародия на сострадание.

- Ты же знаешь, что я без тебя не справлюсь.

- Осторожно с камерой. Я только утром её окончательно починил.

- Справлюсь.

Беккер одела рюкзак на хрупкие плечи и довольно быстро направилась к нужному месту. Она сильно устала, когда взобралась на холм. Какое же разочарование её ждало, когда добравшись до места, она не обнаружила ни цветущих яблонь, ни огненных водопадов, а только огромную канаву, куда собственно вся эта красота и провалилась. Рядом провал осматривала выездная лаборатория, работники которой были облачены в защитные костюмы. Они размечали столбиками зону опущения грунта. Один из химиков лаборатории подбежал к Марии, которая от усталости присела на землю.

- Здесь находится опасно! Советую немедленно покинуть зону!

Сверкающий толстыми очками молодой человек, старался придать голосу угрожающий оттенок.

- И вам доброе утро Мирон.

- О Мария, доброе утро, я вас не сразу узнал.

Липкий пот стекал по лицу и груди журналистки.

- Пару минут и я исчезну. Только немного передохну.

- Я думаю, вам стоит быстрее уйти. Скоро придут военные, а с ними вы знаете трудно договориться.

«Щепетильный Мирон. Чтобы я без тебя делала». Марии он нравился, она даже однажды отчаянно с ним флиртвала. Все-таки этот человек живет рядом с мэром. А он даже не понял намека, весь в своих исследованиях. «Аномальный Кулибин». Но полезный человек.

- Поняла. Через минуту меня не будет.

- Вам лучше пойти в ту сторону.

Мирон показал рукой в направлении городских товарищеских садов.

- Спасибо!

Беккер понеслась с той скоростью, на какую только могла быть способна. Она смогла отдышаться, только покинув ограждение. Она достала камеру и проверила, работает ли она. Мария растянулась на траве. Это ощущение ей было знакомо. Ощущение когда не можешь дышать, очень напоминало ей то чувство, которое она испытала, когда узнала о предательстве любимого человека. Мария мало кого в жизни любила. Немного отца, бабушку. Только его она любила по-настоящему. Он был её начальник, почти владелец канала, молодой, богатый, властный. В его улыбке было что-то змеиное. Они сошлись сразу: амбициозная, идущая по головам журналистка и он, большой босс, жадно ищущий идеи и свежие лица. Она дарила ему идеи, он воплощал их. Она работала двадцать часов в сутки, он финансировал проекты, она заносилась и грубила коллегам, а он укрощал её. Через два года каторжной работы его канал стал популярным. А Мария видела себя его женой и напарником. Всё закончилось для неё внезапно и болезненно. Конечно, она замечала его холодность и эгоизм, но не предавала этому значения. Сама была такой.

В один прекрасный день после телевизионной премии, на которой он получил награду, он, улыбаясь своей змеиной улыбкой, сообщил ей, что контракт канала с ней не будет продлен. Их связь тоже должна прекратиться. Это был удар в самое сердце. Беккер оставила три ссадины на его лице. А он через месяц женился на другой женщине. На богатой дочери одного телевизионного магната. Бывшие коллеги откровенно издевались. Другие каналы не брали на работу, все были наслышаны об её неговорчивом характере. Наконец Марию взяли простым корреспондентом новостей. Так она оказалась на зоне. Через три месяца нечастых выходов в эфир мужчина со змеиной улыбкой предложил ей сотрудничать только с ним. Она ответила, что его предложение не самое заманчивое и подписала контракт с его конкурентами.

Мария встала с земли. Ей были неприятны эти воспоминания. Она начала снимать находящийся за дорогой лес, как внезапный рёв мотора заставил её вздрогнуть, она оступилась и упала вместе с камерой в лужу. Пуловер и лицо Марии было в грязи, но она даже не подумала об этом, все мысли были сосредоточены на камере. Аппаратура была исправна, только запачкана. Рычащим рёвом оказался звук

подъезжающего мотоцикла. Парень на скутере подкатил к Беккер и остановился. Мужчина снял шлем, и на обозрение Марии предстал молодой парень лет двадцати с открытой широкой улыбкой. Он нагнулся над камерой и спросил:

- Вам помочь? Вы не ушиблись?

- Идиот! - В ответ прорычала Беккер. - Ты напугал меня, и я уронила камеру.

Парень слегка опешил и стоял с широко распахнутыми глазами, пока Мария вытирала с лица грязь. Она зло посмотрела на него, но представив, сколько ещё ей идти пешком, сменила гнев на милость.

- Извини. Паршивый выдался денёк, да ещё, кажется, ногу растянула, передвигаться больно.

Эта была неправда. Беккер из-за ресниц смотрела на парня. «Неужели клонет на такой дешёвый прием». Парень покрепче привязал коробку, находящуюся на сиденье скутера.

- Садитесь, я отвезу вас, куда скажете, только сначала доставлю груз по назначению.

Беккер улыбнулась и протянула руку в знак знакомства.

- Мария. Будем знакомы, и называй меня на ты!

- Я знаю, как тебя зовут. Смотрю твои репортажи. Однажды ты запустила в отца пончиком, когда он отказался отвечать на вопросы. Я Сергей кстати.

Сергею тоже было удобнее называть её на ты. Он улыбался. Он не обижался за отца.

- Воробьёв. - Проговорила Беккер, усаживаясь удобнее.

Сергей всю дорогу болтал о пустяках, рассказывая истории о своём средстве передвижения. «Надо же на зоне ещё сохранились позитивные люди, а не вечные нытики». Ей сразу пришел на ум депрессивный оператор Правдин.

Они объехали часть домов в частном секторе. Сергей рассказал, что уже полгода работает курьером, развозит письма и медикаменты. А самое главное в его должности то, что ему выдают дополнительные талоны на бензин. Он любил скорость, жаль, что его мечта приобрести гоночный мотоцикл с закрытием зоны так и не исполнилась. Беккер слушала в пол уха, но старалась улыбаться и держаться дружелюбно. Парень в будущем мог оказаться полезным. Они

остановились возле дома, где жили Подорожниковы и Сергей занёс последние лекарства. Во дворе резвились дети. «Не тратьте же кадры на детей». Подумала Мария. Сергей стоял возле двери и болтал с девушкой, которая приглядывала за малышами. Затем он помахал женщине в окне и подошёл к Беккер.

- Ты чем-то озабочена?

- Сюжет сорвался. Хотела снять огненные фонтаны на фоне цветущих деревьев, но там оцепление, лаборатория и военные. Сейчас никаких мыслей нет. Снимаю всё подряд.

Лицо Сергея озарилось, и он повернулся к девушке и позвал её:

- Катя иди, пожалуйста, сюда.

Девушка подошла. Вблизи она казалась совсем юной. Скуластое лицо без грамма косметики, конопушки и гладко зачёсанные волосы. Мешковатый покрой платья не шёл к её худенькой фигуре, а большие ботинки со шнурками смотрелись нелепо. Казалось, девушка сделала всё, чтобы казаться непривлекательной. Сергей общался с ней как со старой знакомой. «Одноклассники или из одной компании». Подумала о них Беккер.

- Катя ты сказала, что пострадавших привезли с «Красного камня» с места рядом с берёзовой рощей?

- Да. Пострадавшие ещё ругались, что лаборатория и полиция работают в другом месте и не едет. Там дежурит Лёшка Зубков и отгоняет людей.

- Ты говоришь, что там забили огненные фонтаны?

Девушка пожалала плечиками. Она старалась не смотреть на Беккер и постоянно обращивалась, посматривая, чем заняты дети.

- Пострадавшие были с ожогами.

Сергей поблагодарил Катю и, скомандовал Марии садиться. Завёл скутер, и они уехали в сторону «Красного камня». Если бы Сергей оглянулся, то он бы увидел, как долго Катя провожает его глазами.

Воробьев и Беккер очень быстро добрались до места. Зубков долго не хотел их пускать, им пришлось взять его с собой. Увиденное зрелище заставило всех открыть рты. На фоне цветущей рощи из земли били два фонтана огненных брызг. Земля в окружности брызг уже почернела и выгорела, но не портила окружающей

картины. Брызги большого фонтана были огненных цветов. От цыплячьего желтого до бордового. Искры переливались на фоне неба. Звук шипения раздавался повсюду. Маленький фонтан был меньше по размерам и искры его были всех оттенков голубого. Пока мужчины смотрели на огненное шоу, Беккер уже настраивала камеру. Зубков поторапливал Марию, скоро должна была подъехать военная полиция и отцепить участок. Худой черноволосый помощник следователя Алексей отправился на прежнее место и пообещал немного задержать военных, отправив их по более длинной дороге.

- Ты не мог бы подержать камеру? - Спросила Мария Сергея.

Он подошел и аккуратно взял камеру из её рук. Мария направилась небольшими шагами всё ближе и ближе к жерлу, выплевывающему огонь. Они несколько минут выбирали самое удачное место для съемки. И как только Сергей включил камеру, а Беккер начала говорить давно кружившийся в голове текст, случилось чудо. Жерло начало извергать огни неопишуемой красоты. Беккер и Воробьев сделали два дубля. Сняв окружающие окрестности, они быстро собрали вещи и уехали с этого места. Беккер охватило пьянящее чувство победы, которое очень давно не посещало девушку, она, крепко обняв Сергея, повернула лицо навстречу ветру. Сергей что-то ей кричал смеющимся голосом, но она не понимала ни слова. На прощание она поцеловала его в щеку. Сергей смотрел на неё блестящими глазами. Она чувствовала, что встретится с ним очень скоро.

Мережкин сидел в своём рабочем кабинете. Окна он открыл настежь и приятный ветерок дул в спину. Розовые лепестки от цветущей во дворе яблони залетали внутрь и покрывали пол и стол. Старая замшевая куртка висела на гвозде возле входа. Термос и кружка стояли рядом на тумбочке. Небольшой томик Булгакова с яркой закладкой притаился среди аккуратно сложенных стопок бумаг. Павел Сергеевич сидел и задумчиво смотрел на ватман формата А0, прилепленный к стене возле рабочего стола. На бумаге был настоящий коллаж из рисунков, фотографий и карт. Мережкин аккуратно приклеивал на него информацию с места убийства фотографа Перепелкина. На схеме виднелось две нарисованных чёрных фигуры со знаками вопроса.

Следователю было трудно работать в последний год слишком много правонарушений, а опытных сотрудников осталось немного. Большая часть теперь занималась охраной объектов и складов. Паек больше, а работы меньше. Военная полиция пыталась держать город в повиновении. Но справедливости ради стоит сказать, что количество преступлений стало меньше. Мережкин почти год был уверен, что убийца по прозвищу чёрный человек покинул Лигат до его закрытия от внешнего мира. Конечно, периодически возникали сообщения о его появлении, но при проверке это оказывались совсем другие люди. Но сейчас Павел Сергеевич чувствовал, что это он. Всё это время он просто вёл себя тихо, но жажда крови вновь проснулась в нём. Следователь знал, что теперь он вновь затаится, но найти его гораздо проще. Город в изоляции, а количество жителей сократилось до ста тысяч.

В дверь постучались. Мережкин быстро завесил свою схему от посторонних глаз. Он стеснялся своих художеств. Следователь откашлялся и пригласил визитёра войти. Было воскресенье и посетителей быть не должно. В кабинет сначала проник приятный запах духов, а затем показалась фигуристая брюнетка. Липская Валерия сегодня выглядела ещё прекрасней. Густые волосы волнами струились по плечам. Одета она была в простое серое платье, лишь алый шарф и туфли на высоких каблуках делали её образ нарядным. Павел Сергеевич засмотрелся. «Редкая красавица, только, что её сюда привело?»

- Пожалуйста, Валерия присаживайтесь.

«Вот старый дурак засмотрелся на грудь, а у самого рубашка потрепанная и вид старого замшелого пня. Неужели они и вправду ровесники с Рудольфом».

Липская села. Она оглядывалась по сторонам, с любопытством осматривая кабинет.

- А у вас здесь уютно.

Как только она заговорила, аура неземной мистической красавицы практически рассеялась. Говорила она просто, ясно с явным уральским выговором. Что-то немного вульгарное было в её произношении и жестах. «Негранёный алмаз».

Подумал Мережкин. Женственность Липской пробирала даже его.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Я пришла к вам с просьбой. Ночью ограбили мою булочную. Унесли немного. Мы стараемся не оставлять продукты на ночь, но разбили витрину, а вы знаете стекло большого размера сейчас найти трудно.

Павел Сергеевич сразу принял деловой вид.

- Свидетели есть? А где был ваш охранник?

Мережкин достал чистый листок бумаги и стал фиксировать заявление.

- Свидетелей полно, только никто не расскажет. Я бы заявлять на них не хотела, но припугнуть шпану всё же стоит. Это бродячие подростки. Ребята посильнее отбирают у них талоны или они проигрывают их и в конце месяца голодают. По сути, они никому не нужны.

Павел Сергеевич отложил ручку в сторону и потёр виски. Он знал тех ребят, о которых говорила Валерия. Одичалые подростки, живущие в развалинах по своим правилам.

- Охранник может их описать?

Липская усмехнулась. Глаза её сузились.

- Он уснул, и проснулся, когда на него одели пустой пыльный мешок. Вы не могли бы мне налить водички?

Павел Сергеевич засуетился, ища в шкафу чистый стакан.

- Вам бы заменить охранника. Но заявление лучше оставить, вдруг нападение вскоре повторится. Ну а продукты мы вряд ли вернем.

Липская ещё раз огляделась по сторонам и подошла к окну.

- И не нужно. Какая красота за окном. Просто будит душу. Не люблю такое настроение. Сразу же чувствуешь себя слабой.

Мережкин топтался рядом и что-то мычал.

- Я пойду. Извините, что побеспокоила. Сколько у вас документов! До свидания.

Цокая каблуками по старому дощатому полу, она вышла. Проходя по коридору, она открыла два шпингалета на окнах. Только потяни снаружи и окно откроется. «Какой забавный следователь, хранить ключи от сейфа рядом с сейфом. Полная глупость и святая простота. Рудольф знал, что говорил». Подумала Валерия. В сумочке у неё лежал новенький слепок сейфового ключа.

Городская центральная больница располагалась по счастливой случайности в центре города и поэтому практически не пострадала от огня и землетрясения зоны. Здание было серое и обшарпанное, но добротное и большое. Благодаря усиленному труду врачей удалось сохранить оборудование и персонал, а главное порядок. Одновременно работали две операционных. Трансформаторы удалось буквально захватывать штурмом, но свет и оборудование у больницы было.

Муж Веры Подорожников Пётр Соломонович теперь работал здесь и стал для города буквально незаменимым человеком. По трагической случайности зоны сильно пострадали именно больницы. В городе они располагались рядом с лесным массивом и превратились в обломки они тоже все вместе. Врачей в городе оставалось мало, в основном детские врачи районных отделений, а талантливых хирургов практически единицы. И если проблемы снабжения медикаментов как-то решались, то нехватка кадров была неразрешимой проблемой.

Вера Васильевна и в те времена, до нападения аномальной зоны видела мужа редко из-за его большой занятости, теперь и вовсе привыкла во всем полагаться только на себя. Иногда острое как бритва чувство обиды захватывало её. В свои двадцать восемь лет она осталась одна с тремя детьми. Все заботы о детях и хозяйстве легли на женские плечи. Скучный паек едва растягивался на месяц. Огород, конечно, выручал, но подрастающим детям не особо нравилась свекла и морковь. Руки Веры огрубели от постоянной стирки и ношения огромных вёдер с водой. Иногда она залезала на чердак и, прикрыв рот кулаком, выла от бессилия и страха.

Пётр Соломонович уже третий день не приходил домой, а лишь посылал весточки. Утром она собрала детей и решила пойти к мужу самой. Вера прошла по длинному коридору, дети с любопытством смотрели по сторонам и старались не капризничать, так как обещали это матери. Медсестра подошла к Вере и сказала, что Пётр Соломонович в операционной, но скоро закончит и подойдет к ней. Вера присела в очередной раз, почувствовав приступ дурноты. Она прикрыла глаза и постаралась потушить приступ гнева. Но он растаял сам собой, когда она увидела осунувшееся лицо усталого мужа. Он присел на скамейку и обнял жену. На лице женщины выступили слезы. Вера уткнулась в плечо мужа.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Что-то случилось? - Взволнованно спросил врач.

- Нет, всё отлично, дети здоровы. Володька больше никуда не уходит, без спроса. Только вот еды осталось на три дня. Тебе нужно сходить и взять дополнительные талоны.

Пётр Соломонович вздохнул. Он не любил ни о чём просить. Чувствовал себя неловко, но чувство вины за голодных детей пересиливало.

- Хорошо, зайду сегодня после смены.

Вера не ожидала, что муж так быстро сдастся. Они сидели молча. Врач играл с детьми и те мило хихикали.

- Володька опять видел отца. Уверяет, что он живой и скоро придёт домой. Он даже снится ему, да и мне начал.

Врач сильнее прижал к себе жену.

- Не переживай. Просто лето и парень мучается бездельем. Его нужно чем-нибудь занять. Это пройдёт.

В конце коридора показалась девушка Катя, одетая в халат медсестры, аккуратная косынка скрывала ей волосы и лишь голубые глаза сияли тревогой. Увидев Веру, она немного остановилась, ей было неудобно прерывать их разговор. Но профессионализм пересилил. Она, посмотрев на Веру и детей виновато промолвила:

- Пётр Соломонович, привезли тяжелого больного, нам одним не справиться.

Хирург похлопал Веру по плечу и, шепнув что-то ей на ушко, пошёл вслед за Катей. Вера подошла к завешанному окну и дала волю слезам. Комок в горле долго не отпускал её.

Подорожников и Катя направились в приёмную. Медсестра Катя была любимицей Петра Соломоновича. Он видел в ней большой потенциал и будущего талантливую врача. Катя окончила медицинский техникум с отличием, но поступить в медицинский институт с первой попытки у неё не получилось. Она приехала домой и через неделю чёрная завеса нависла над городом. Но она не отчаивалась, сутками работала в больнице, ассистировала при тяжёлых операциях. Не боялась любой даже чёрной работы. Подорожников знал, что по пустяку она его не потревожит.

Аномальная зона. Герт С.И.

Увидев пациента Подорожников на секунду опешил. Это был молодой человек, лет двадцати пяти, что-то детское было в его искажённых болью чертах лица. Волосы коротко пострижены. Тело человека было покрыто ожогами в виде кругов правильной геометрической формы. Кроме того большое количество порезов и гематом покрывало его тело, но самыми тяжелыми ранами оказались вмятина на голове и рваная рана в области живота. Больной издавал сильные звуки отчаянной боли. Что-то знакомое мелькнуло в облике пострадавшего, хотя Подорожников мог поклясться, что никогда не встречал этого человека.

- Готовьте операционную! - Скомандовал врач.

Катя подумала о том, что доктор без отдыха уже третьи сутки. Она схватила каталку и повезла её по направлению к операционной. Страдающие глаза больного с надеждой смотрели на неё, не отводя глаз.

Мережкин весь вечер копался в огороде. Вскрывал грядки, высаживал овощи и латал старенькую теплицу. Он любил работать с землей. Это его успокаивало, к тому же глупо в такие тяжелые времена не думать о пропитании. Он был запасливым человеком, и прошлогодних семян ему хватило, чтобы засеять свой клочок земли. Он почти засадил площадь и присел на завалинку, задумчиво смотря на заходящее солнце.

- Бог в помощь! - Послышалось из-за забора.

Вскоре открылась калитка, и во двор протиснулся старик Борода. Ферзь немного полаял для порядку и вновь развалился в ногах Павла Сергеевича. Борода присел рядом со следователем и достал из кармана пакетик с табаком, стал закручивать из старой газеты самокрутку.

- Будешь? Этот табак я лично выращивал, лучше магазинного. - Предложил он Мережкину.

Павел Сергеевич не отказался. Табак оказался крепким, но приятным. Они посмотрели на солнце.

- Сёдня опять раньше на двадцать минут. - Пробурчал Борода глядя на свои старенькие наручные часы.

Мережкин вопросительно посмотрел на Бороду.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Зона опять чудачит. Сёдня солнце гуторю зашло раньше на двадцать минут, а вчера на десять, а неделю назад позже на час. У меня куплен настенный календарь и на нём написано, когда всходит и заходит солнце. И я проверяю каждый день и делаю записи.

Мережкин хмыкнул в ответ, затягиваясь папиросой.

- Ещё я заметил, что иногда день пролетает быстро, будто зона крадёт эти часы или наоборот день длится дольше обычного. Вы конечно, народ занятой и не замечаете этих перемен, а мы старики всё чувствуем. А давеча пошёл к Рюмину, зуб удалять, болел, зараза целую неделю и ничего не помогало. Пошёл я эту паскуду вырывать, иду и думаю, вот как бы сделать так чтобы раз и за секунду все прошло. Попросил зону. Помоги, мол, милая и вправду боль как рукой сняло, я даже вырывать его не стал. Вот смотри.

Борода широко открыл свою беззубую пасть, тыкая внутрь рта пальцем.

- Я после того дня стал с зоной разговаривать. Иду на рыбалку или по грибы, а прошу зону помочь и ведаешь ли, я редко возвращаюсь с пустыми руками.

Он достал обтрепанный пакет, в котором находились две довольно крупных рыбины. Павел Сергеевич рассмеялся.

- Ах вот почему Ферзь так благосклонно тебя принял сегодня.

Пёс, услышав свое имя, встал и завилял хвостом.

- Может, ты веришь тем байкам, что где-то на зоне секретное место, где сбываются мечты?

Борода задумчиво расчесывал свою густую бороду.

- Отчего не верю, все может быть и место это. Только вот я думаю, что зона это живое существо, которое за нами наблюдает. Помогает или наоборот наказывает или просто смотрит на нас, читает мысли, присматривает.

- Эта зона закинула в твою голову такие мысли?

Оба рассмеялись. Солнце почти зашло за горизонт, и луна на небе стала приобретать золотистый оттенок. В воздухе пахло цветами, и расхотелось.

- Сёдня похоронили убитого дружка фотографа. Давненько не видал стоко людей в одном месте. Красиво и приятно.

Мережкина кольнуло чувство неловкости, человек убит, а он преспокойненько сидит, дышит воздухом и не занимается расследованием. А Борода описывал похороны и поминки как какой-то праздник.

- Решил заказать себе у Петрова новенький гроб, хочу на тот свет отправиться красиво, токо обязательно из порядочной древесины, а не из какого-нибудь гнилья. В новеньком костюме. Чтоб перед своей старухой предстать при полном параде.

Мережкин подавил смешок и ответил:

- А тебе не рановато об этом думать, кто же будет следить за временем на зоне, да и рыбкой подкармливать.

- Это ты прав. Всем некогда делать наблюдения. Давеча встретил этого малахольного Мирона, ну этого зятка мэра и показываю ему свои наблюдения, ну тетрадку то свою. А он хлопает своими блюдцами и смотрит на меня как баран. Пожал мне руку и убежал. Не зря его тесть не любит.

Павел Сергеевич представил эту картину и подумал, что должно быть Мирон не понял, что ему говорил Борода. Иногда он изъяснялся очень косноязычно. Мимо сидящих мужчин быстрой летящей походкой плыла худенькая медсестра Катя.

- Добрый вечер! Как ваше здоровье Ефим Иванович?

Борода весь просиял.

- Хорошо дочка, ноги вот побаливают, но ведь возраст. Нынешней осенью уже семьдесят шесть лет мне будет.

- Зайдите как-нибудь в больницу, я для вас выпишу мазь. Будете мазать ноги, когда заболят.

Растроганный Борода схватил пакет с рыбой и, забыв, что принёс его для Мережкина, сунул в руку Кати. Но Павел Сергеевич не возражал, он предполагал, что Катю вряд ли дома ждёт горячий ужин.

- Это тебе дочка. Свеженькая!

- Спасибо!

Катя попрощалась и побежала в сторону дома. Домой ноги не несли и только мысли о мягкой подушке с одеялом грели её. Они жили втроем, она, мама и вечно пьяный отчим. Дом у них был похож на развалюху, но на деле оказался довольно крепким, выдержав довольно сильные толчки землетрясения. Во дворе было тихо.

Это внушало оптимизм, возможно отчим не придёт сегодня домой и даст ей выспаться перед очередной сменой. Она зашла домой. Мать готовила овощной суп, который неприятно пахнул, но тарелка с овсяной кашей, стоящая на столе выглядела аппетитно. Катя вымыла руки и жадно набросилась на еду. Она старалась, не ссорится с матерью, а наоборот отвлечь её от плохих мыслей о скором возвращении отчима.

- Сегодня привезли странного больного. Никто не знает кто он такой. Он весь покрыт ожогами правильных геометрических форм. Пётр Соломонович четыре часа над ним трудился.

- Ну и ты разумеется. На этот паек совершенно невозможно выжить. У тебя что-нибудь осталось?

Мать устало посмотрела на Катю. Она отрицательно покачала головой. «Как она постарела за этот год. И опять свежие синяки на руке». Катя зло прошептала:

- Нам бы хватало, если бы не он. Свои талоны он тратит на выпивку.

Мать молча села и склонив голову, теребила руками полотенце. Катя злилась на мать, но и жалела её.

- Я запишусь на бесплатный паек в больнице.

Мать не очень поверила в его существование, но приободрилась. Катя быстро поела, вымыла в тазу тарелку, и немного погрев постоянно мёрзнувшие руки над печкой, ушла в свою комнату. Комната была маленькая около 7 метров. В неё с трудом поместился платяной шкаф, маленький компьютерный столик, диван и стеллаж для книг. Взглянув на комнату, никогда не догадаешься, что здесь живет такая серьезная и собранная девушка, как Катя. Мягкие игрушки захватывали всё свободное пространство, цветные подушки покрывали диван, яркие плакаты с героями сериалов висели на стенах.

Катя подошла к стеллажу выбрала книгу по медицине. С надеждой взглянула на компьютер, но электричества не было. Она присела на диван, поближе к окну. С улицы послышался скрип калитки и пьяный голос, выкрикивающий ругательства. «Нализался скотина». Катя вышла в коридор и посмотрела на своего отчима, он был настолько пьян, что до утра был не опасен. Бить мать он не будет. Катя взглянула с упреком на мать, которая укладывала отчима на полу и вернулась в

комнату, закрыв напоследок дверь на задвижку. Читать расхотелось. К тому же из-за усталости и злости у неё разболелась голова. Она легла на диван, обняв большого мягкого бегемота с большим животом, из-за которого у него было прозвище «Пузан». Взяла в руки книгу, но читать не стала, а достала из неё фотографию, которую использовала в качестве закладки. С фотографии белозубо улыбался Воробьев Сергей.

Подорожников Пётр Соломонович перед выходом из больницы обходил палаты с тяжелобольными и пациентов после операций. Ему было так спокойнее, чем мучится дома от незнания. Делал он это быстро, так как хорошо знал диагноз каждого. В последнюю очередь хирург прошел в палату к необычному больному. Он знал, что жить больной будет, но в каком качестве это могло показать только время. Он надеялся, что сделал всё возможное, чтобы парень мог жить полноценной жизнью. Доктор подошёл поближе. Что-то знакомое в этих чертах смущало его. Больной был бледен. Подорожников по привычке начал прощупывать пульс, вдруг рука больного дернулась. «Что происходит? Больной должен выйти из наркоза только через час». Рука пошевелилась снова, и вскоре всё тело человека задергалось в конвульсиях. Подорожников всем телом навалился на больного, но вскоре он немного успокоился, и лишь нервная дрожь мучила его. Подорожников крикнул медсестре, чтобы она принесла нужный препарат. Больной вновь затрясся и скорчился от боли. Он уставился на доктора своими красивыми синими глазами, и с трудом выговаривая слова произнес:

- Петя! Петя! Опаа опасность! Красная стрела!

Забегала сестра, и Пётр Соломонович ввёл лекарство. Больной затих. Доктор стал его осматривать. «Интересно откуда он знает мое имя? И что значит «красная стрела»? Знакомое и устрашающее было в этих словах.

Глава 3.

Старый заброшенный завод ярким пятном осветился в лучах уходящего солнца. Трубы словно излучали холодный металлический свет, холодные тени плясали свои завораживающие танцы. Но никто из жителей не замечал этой красоты, все давно привыкли к этим молчаливым развалинам советской индустриализации. Стемнело быстро, что было необычно в летний вечер. На небе практически не было звезд, и луна не изволила появиться на небе. Лишь странные цветные сполохи время от времени освещали небо. Фигура человека одетого в тёмную одежду,

Аномальная зона. Герт С.И.

словно из воздуха появилась на платформе завода. Она, не пробыв на ней и пару секунд, скрылась в тени. Через несколько минут появился ещё один человек, он был неуклюж, плотно сложен и постоянно оглядывался по сторонам, словно боялся оступиться. Фигура в тёмном появилась из тени и кивнула в знак приветствия. Они посмотрели друг на друга. Более плотный недовольно промычал:

- Не мог назначить более безопасное место?

Фигура в тёмной одежде рассмеялась и ответила:

- Что эти развалены, будят в тебе воспоминания?

- Принёс то, что я просил?

Мужчина в чёрном облачении достал из потайного кармана куртки, файл с листом бумаги, который бы без труда узнал следователь Мережкин. Это была улика, найденная на теле убитого старика Перепёлкина.

- Где камень?

Плотный вынул небольшой мешочек. Фигура в чёрном открыла его, там оказалась запаянная капсула с небольшим камешком, погожим на графит.

- Не вздумай вскрывать. Это опасно!

Второй рассмеялся:

- И не подумаю. Случись это и все питейные и игральные заведения потеряют своего главного клиента. Они мне дороги. Я не хочу их расстраивать. К тому же женщины. Прекрасные женщины будут плакать. Хотя тебе это неизвестно.

Человек с плотным телосложением недовольно хмыкнул. Сзади послышался звук падающих с платформы камней, он оглянулся, а когда он повернулся человек в чёрном бесследно исчез. Вместе с лестницей, которая соединяла платформу с землей. Она находилась на высоте трех метров от уровня грунта. Плотный человек достал рацию и недовольным голосом попросил о помощи.

Дом мэра города Боярского Рудольфа Владимировича располагался, как и следует месту жительства высокого начальника в самом живописном месте города. Из окон виделся очаровательный вид на городской пруд и парк. Дом был небольшим, двухэтажным, но с цокольным этажом, в котором теперь располагалась лаборатория его зятя Мирона и гараж. Увидев этот дом никто бы и не догадался,

что в городе очень редко включается электричество и топливо для трансформаторов очень дорого. Отделка дома была выполнена из дорогих и качественных материалов, везде горел приглушенный свет, играла легкая опереточная музыка. В гостиной, где в камине, несмотря на лето, горел огонь (прихоть хозяина) был накрыт стол к ужину. Приборов было четыре, но сидело только два человека, сам мэр и его начальник охраны Танаев Пётр Васильевич. Мэр был как всегда элегантен, в белоснежном пуловере и аккуратно зачёсанными назад волосами. Он был в плохом настроении, и даже виски не расслабил его. Танаев напротив сидел со спутанными волосами в плотной чёрной водолазке и весь обливался потом. Налитые кровью глаза блестели неприятным блеском. Он был немного пьян. Мэр со злостью посмотрел на него. Перед Танаевым он редко сдерживал свои чувства.

- Что там с опасным участком номер 18? Есть жертвы? И по какой причине не было людей? Я хочу знать!

Танаев поперхнулся и выругался про себя. «И откуда только он обо всём узнает первым? Это случилось несколько часов назад, наверняка у него уши во всех подразделениях». Это было отчасти правдой.

- Силы были брошены на другой участок. Меня не было на месте и мои люди не сориентировались. Да и погибла всего одна столетняя бабка.

Мэр улыбнулся, но в его голосе слышались стальные нотки.

- Твои люди боятся без тебя и шага ступить. Ты их запугал. Им легче бездействовать, чем испытать на себе твой гнев. Я поставлю тебе помощника.

Танаев виновато молчал, стараясь чтобы ни одного слова протеста, не вырвалось с его губ. Он боялся мэра. Опасался всегда. Что-то дьявольское было в его словах и поступках. Пётр Васильевич уважал силу и всегда чувствовал, если человек сильнее или слабее себя. Слабых он давил и не уважал, а перед сильными личностями он робел. Он знал, что кого бы ни поставили рядом с ним, он постарается стереть его в порошок. Он сам добровольно уйдет.

- А ты не думаешь, что найдется человек, который однажды вздёрнет тебя ночью? С твоим послужным списком, который тянет на пару пожизненных сроков, никто и не расстроится.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Если у тебя плохое настроение, не стоит кусать меня.

Танаев был прям и обычно говорил то, что думает и это обезоружило мэра, который за это и любил этого похожего на маньяка соратника.

- Дела сейчас плохи для всех. Тебе известно, что продовольствия хватит ещё на три недели. Твои молодчики первыми взбесятся, посидев голодными, сутки и возможно голод притупит их страх. Нам не нужны беспорядки.

- Их и не будет. А как же наши друзья на материке? Они не помогут голодающим?

- Они давно не получали то, что им действительно нужно. И в этом есть и доля твоей вины. Им нужно что-то предложить взамен. Новые находки.

Танаев насупился, словно съел что-то кислое.

- Мы делаем что можем. У нас за месяц погибло два бойца.

- Значит, не достаточно делаете. Привлеките новых людей. Любых людей.

Пётр Васильевич посмотрел в сторону двери, разговор ему был неприятен и он ждал, что кто-нибудь войдет, и он прервется. Но никто не появлялся. Наконец он парировал:

- У вас есть запасы, мы можем отдать что-нибудь из них, пока не нашли другое.

У Рудольфа Валентиновича был скрытый сейф, о местоположении которого знал он один. Туда складывались самые интересные и дорогие артефакты зоны. Но он не спешил с ними расставаться. «Копит, а потом выторгует для себя обратный билет, а о нас наверняка забудет».

- Я поставил к тебе наблюдателем Потёмкина. Пусть вникнет в суть работы в дозволенных рамках, разумеется. Он мутит воду, нужно сделать так чтобы со стороны он казался одним из нас. Понимаешь?

- Ты просто хочешь избавиться от этого слащавого хлыща и отправляешь его ко мне! - С пол оборота завёлся Танаев.

- Недооценивай врага и не считай его идиотом. Ты в последнее время расслабился и распоясался. Зона этого не любит. Потёмкин тебя дисциплинирует. И ещё.

Держи своих псов при себе. Они много гадят.

Они принялись за десерт. Затем принесли крепкий кофе. Очень редкий и ценный для зоны продукт. Пётр Васильевич попытался сгладить обстановку и прибегнул к козырю в рукаве.

Аномальная зона. Герт С.И.

- У меня есть для вас пару старинных карт. Мы разгребали завалы в старом музее. Я в них ни черта не смыслю, может они подойдут для вашей коллекции.

Боярский улыбнулся кошачьей улыбкой.

- Неси. Ты всё также для души занимаешься мародерством.

Танаев возмутился:

- Я ведь сказал, что мы разгребали завалы, там и нашли.

Боярский знал, как побольнее уколоть подчиненного. В начале хаоса зоны Танаев ограбил не один ювелирный магазин и богатые дома. На зоне у него было прозвище «Мародер», и это было одним из самых дружелюбных к нему эпитетов. Танаев заерзал на своем стуле. Но уходить не хотелось. Очень уютно было в этой гостиной.

- Вижу, дела действительно идут неважно, раз ты решил сорвать свое недовольство на мне. Ну что ж давай у меня толстая кожа.

Мэр улыбнулся. В этот момент в гостиную впорхнула черноволосая красавица Липская Валерия. Она была ослепительна и совсем не напоминала ту просто одетую владелицу маленькой булочной. Яркое красное платье подчеркивало все достоинства её женственной фигуры, волосы тяжелыми волнами ниспадали на плечи. Сбоку на причёску были приколоты три алых розы из сада мэра, такого же алого цвета. Она была похожа на Кармен, кокой её любят изображать на обложках дешёвых романов. Она что-то весело прощепетала своим грудным голосом.

Она явно не ожидала увидеть в гостиной уже подвыпившего Танаева. Она наряжалась только для своего любовника. Валерия подошла к столу и с аппетитом начала есть предложенную еду. По выражению лица Боярского она сразу же считала усталость и злость.

Пётр Васильевич пожирал женщину глазами, похотливый взгляд словно ощупывал её тело. Валерии захотелось прикрыться, но она наоборот расправила плечи и злым взглядом в упор посмотрела на Танаева. Он отвернулся к камину, но украдкой всё же смотрел на неё. Липская не любила Танаева, он был груб и похотлив, и даже её положение при мэре не избавляло её от пошлых намеков. Она никогда не говорила об этом Рудольфу Владимировичу, но опасалась ночью, запирая все замки. Она не

Аномальная зона. Герт С.И.

боялась насилия с его стороны. За эти годы она научилась постоять за себя, но одна мысль о его прикосновении вызывала в ней тошноту.

- У вас есть шампанское?

Боярский посмотрел на улыбающуюся Валерию. Он любил, когда она вела себя так весело и свободно, любил её жажду жизни и всегда отменный аппетит. Его раздражали женщины, слишком трясущиеся над своей фигурой.

- Есть что отпраздновать?

- Разумеется, мою булочную ограбили два раза за последнюю неделю. А главное на этих беспризорных детей нет никакой управы. И мне их жаль. До них нет никому дела.

- Считай это благотворительностью. А мы сейчас попросим Петра Васильевича усилить охрану на этом важном участке.

Танаев облизал свои полные губы и ответил:

- Разумеется. Я лично буду проверять этот объект ежедневно. Обожаю вашу выпечку.

Принесли шампанское, и Липская осушила первый бокал залпом.

- Зачем же лично, вполне достаточно парочки ваших профессионалов. Только они придут с оружием, и будут отпугивать моих клиентов.

Валерия была из семьи алкоголиков, мать иногда торговала своим телом, в то время когда выглядела ещё хорошо. Липская выбилась в люди сама, уйдя из дома в шестнадцать лет.

Музыка выключилась, и подул сильный воющий ветер зоны, он начинался внезапно и так же заканчивался. Послышался звук капель дождя, из окна резко засквозило.

Рудольф Владимирович подошёл к электрическому щиту, встроенному в стену, открыл его и нажал несколько кнопок. Все окна в доме закрылись ставнями.

Наступила тишина. Мэр очень заботился о своем комфорте и дом за год приобрёл несколько систем защиты. Липская почувствовала себя лишней, так как возможно она мешала важному разговору. Она осушила второй бокал и, взяв в руки ещё полную бутылку, направилась к выходу.

- Я пойду наверх. Буду ждать тебя там.

Повернувшись к мужчинам, она ещё раз взглянула в их лица. Она прочитало похоть на одном и кажущееся равнодушие в другом. Развернувшись на высоких каблуках, она вышла, так и не попрощавшись с Танаевым. Валерия знала, что мэр в определенном смысле по-настоящему не влюблен в неё. Он как эстет выбирал для себя только лучшее. Она и была дорогой красивой женщиной, к тому же не болтливой и не обидчивой. Она чувствовала его кожей, смену настроений и никогда не надоедала, вовремя держала дистанцию. Она одна знала, чего ей это стоило.

Валерия вернулась в город три года назад. До этого она семь лет прожила в столице. Никто не знал об этих годах её жизни, она не любила об этом говорить. Все могли только догадываться. Однако она приехала с красным дипломом МГУ и крупной суммой денег. Ходили слухи, что диплом ей купил очередной папик, и деньги он ей дал, когда она получила от него отставку. Это было не правдой. Училась она сама, упорно грызя гранит науки. Нанимала репетиторов, ей исправили её речь, убрав своеобразный уральский акцент. Она стала почти леди. Почти. Так как привычка выживать и манеры остались при ней. В ней не часто, но виделась голодная девчонка, вырвавшаяся из нищеты. Деньги она привезла небольшие (пришлось продать машину и все драгоценности), но сумела правильно ими распорядиться. Она открыла несколько салонов красоты и фитнес центр, магазин недорогой одежды. Она была в долгах, но путем экономии сумела выплатить большую часть за два года. Слухи о столичных покровителях тоже были ложью. Валерия любила молодых мужчин немного старше себя, успешных и сильных.

В Москву она приехала с подругой, почти без денег. Подружке зацепиться не удалось, и она через полгода вернулась домой. Трудоспособность и красота Валерии помогли ей выжить. Она устроилась официанткой в дешёвом кафе, но постепенно ей удалось попасть на работу в дорогой французский ресторан. Валерия понравилась его хозяину и стала его любовницей. Поступить в МГУ у неё получилось только с третьего раза, когда ей помог с протекцией один из профессоров, которого она часто видела в ресторане с любовницей. Небольшой шантаж и деньги все решили, и она с плохими знаниями оказалась на бесплатном

отделении самого престижного вуза страны. Учиться и работать было сложно, но она как то успевала и то и другое. Любовник продал ресторан и бросил её, но она уже крепко стояла на ногах.

Снимала комнату недалеко от центра и получила работу администратором в одном столичном клубе. Получив диплом и устав от бессмысленной столичной кутерьмы, она вернулась. Встреча с мэром была случайной. Он подвозил в салон свою дочь, с которой Валерия когда-то училась в младших классах. Боярский сразу положил на неё глаз и однажды пригласил в ресторан. Валерия сразу влюбилась в его интеллект и силу, но долго не переходила черту, опасаясь сразу же после постели потерять его. Она влюбилась всей своей горячей натурой и была отравлена общением с сильным состоявшимся мужчиной. После него все мужчины казались мелкими и ничтожными. Их роман длился уже два года. Он то появлялся в её жизни, то опять исчезал на пару недель. Но ни одного слова упрека и недовольства он от неё не услышал.

Валерия поднялась по лестнице на второй этаж. Она никак не могла привыкнуть к фотографиям жены и дочери, которые висели по всему лестничному полету. С портретов и фотографий смотрели улыбающиеся лица счастливой семьи. Дочку мэра Боярскую Ольгу она хорошо знала. Они не были, подругами им помешала ими стать безумная зависть Валерии. Это была детская слепая зависть. У Ольги была любящая мать и отец, деньги и дом. Всё то, чего у Липской никогда не было.

Валерия остановилась у старинного комода, на котором стояли фотографии. Жена мэра умерла пятнадцать лет назад от рака. Но и сейчас взяв в руки фотографию, Валерию кольнуло чувство ревности. Рудольф Владимирович очень любил свою жену. Она была настоящей леди из богатой интеллигентной семьи. Валерия представляла её ангелом и в детских мечтах она рисовала маму именно такой. Кто бы мог подумать, что сейчас она является любовницей её мужа. Валерия долго всматривалась в черты её лица, такие мягкие и женственности. Хрупкая блондинка с синими мечтательными глазами. Валерия была абсолютной противоположностью. Их объединяло одно, они любили одного человека. Валерия положила рамку фотографией вниз и пошла в сторону своей спальни. Сделав несколько шагов, она вернулась и поставила рамку, так как она стояла. «Видимо, я

Аномальная зона. Герт С.И.

пьяна. Она же мертва». Валерия вздрогнула, когда сзади послышался мужской голос.

- Добрый вечер Валерия. Ты не могла бы мне оказать услугу.

Повернувшись, она увидела худощавого мужчину в старой потрепанной майке с фотографией Эйнштейна, который показывает язык и в линялых джинсах серого цвета, все в бурых пятнах, но в элегантных вычищенных до блеска ботинках. Лицо человека блестело лысоватым лбом. Нежная улыбка и толстые линзы очков делали его беззащитным и трогательным, что было не совсем так. Валерии нравился Мирон. За его абсолютное равнодушие к её внешности, а также их объединяло одно чувство. Ощущение незваных гостей в этом доме.

- Добрый вечер. Чем же я тебе смогу помочь? Принести тебе ужин?

- Нет, спасибо, я попил чаю. Мне нужна кровь.

Валерия рассмеялась, вспомнив недавно увиденный фильм про вампиров.

- Нужно миллиграмм 300. Но...

Он посмотрел на стройную фигуру невысокой Валерии.

- Но для вас это много. Хотя бы сто тридцать.

- Да хоть всё сердце. Без него спокойней жить. Мне не жалко, но я выпила уже полбутылки шампанского.

Валерия показала на полупустую бутылку, стоящую на полу.

- Это не страшно, Алкоголь не повлияет.

- Тогда идем.

Валерии было неприятно отдавать кровь, но находится одной, ей хотелось ещё меньше. Они спустились в подземную лабораторию. Увидев окружающую обстановку Валерия ахнула. На полу валялись осколки стекла. Синий дым с неприятным запахом валил из толстостенной реторты. Везде стояли кружки с недопитым чаем. Куча химических препаратов стояло на полках. В довершении картины, на одном из столов стояли клетки с мышами и крысами.

- О! Я всегда думала, что в фильмах преувеличивают, когда показывают лабораторию чокнутых профессоров.

Мирон рассмеялся и помог Валерии прилечь на кресло, а сам доставал стерильную иглу.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Да внешний вид не очень. Но я тружусь один. Была одна лаборантка-помощница, но её уволил Рудольф Владимирович. Сказал, что она шпионила. По мне так он всё придумал. Я ничего такого не замечал.

Валерия попыталась расслабиться, и не смотреть в сторону руки, из которой капала кровь.

- Вы так рассматривали фотографии. Ольга мне рассказывала, что вы в детстве дружили.

«Как бы ни так. С вредной дочкой богатеньких родителей никто не хотел общаться. Впрочем, как и со мной. Мы часто в школе оставались в пару на занятиях. Но дружба»!

- Да мы учились в одном классе. – Осторожно заметила Валерия.

- Ольга в детстве была такая хорошенькая!

«Да это действительно любовь, если вспомнить Ольгины кривые зубы и брекеты».

- Ты, наверное, страшно по ней скучаешь? Вы расстались за неделю до свадьбы.

Валерия знала историю из уст мэра. Дочка, приехав в гости, привезла с собой этого молодого нищего учёного и заявила, что выходит за него замуж. Мэр был в бешенстве и не понимал, за что его можно было полюбить. Теперь за глаза он называет несостоявшегося зятя «лупоглазым чокнутым». В нём говорила ревность, Мирона было за что полюбить. Хотя выбор Ольги Валерию очень удивил.

- Надеюсь, свадьба состоится. Не будут же нас здесь мариновать вечность. - Сказал Мирон, давая мышам еду из мешка.

- Может тебя выпустят раньше. У тебя тесть мэр города.

- Не выпустят. Я недавно посмотрел списки на выезд. Против моей фамилии написано не выездной. Я отважился спросить у Рудольфа Владимировича, что это значит. А он ответил, что я как ученый химик являюсь необходимым человеком до полного открытия зоны. А вы записаны?

- Да и я довольно близко до начала. Думаю, через тридцать лет очередь дойдет и до меня.

Оба рассмеялись.

- Будем надеяться.

Из зоны иногда выпускали. Было уже несколько случаев, когда извне приходило разрешение на выезд. Но это были люди выдающиеся, либо за них платили огромную сумму денег. Но было ещё одно условие. Человек должен быть бесполезным для зоны. Например мэр Боярский несмотря на свои миллионы не получит разрешение. Он нужен здесь. Да и он не особо рвался наружу, если бы не дошедшие до него слухи, что его дочь пытается проникнуться сюда.

У Валерии закружилась голова и она закрыла глаза и подумала о том, что Рудольф намеренно не выпускает Мирона. Он ему нужен здесь. Он полезен. Да и Ольга устав от ожидания найдет себе лучшую кандидатуру в мужа на взгляд отца.

- Все мы заложники зоны. - Проговорила Валерия.

Она открыла глаза. Над ней склонился Мирон.

- Вы уснули, и я не стал вас будить.

- Сколько я спала.

- Всего полчаса.

Валерия подошла к зеркалу привела себя в порядок и, попрощавшись, направилась в свою комнату. Возможно, Боярский ждёт её там.

Рудольф Владимирович не спал, он с утра был в плохом настроении. Его душевное спокойствие нарушил один звонок. Иногда Боярский ненавидел свой мобильный телефон больше похожий на рацию. Он редко работал. Пока даже самые гениальные умы ничего не могли поделать с влиянием зоны. Но сегодня они смогли дозвониться. Очередные указания мэр выслушал спокойно. Но аппетиты чиновников извне росли с количеством вырученных денег. Они просили необычные порождения зоны. Красные камни, которые излучали свет, желтый песок, который использовался в качестве топлива и даже болотную жижу с уникальными оздоровительными свойствами. Впрочем, любой предмет, вывезенный из зоны, приобретал баснословную стоимость. Иногда Рудольф Владимирович думал о том, как же повезло жителям России. Кладезь полезных ископаемых, топлива, лесов, всё, что только душа пожелает и еще один подарок – аномальная зона. Она способна совершить очередную индустриальную революцию, дать вечный

двигатель. Прорыв в медицине и промышленности. А как бездарно используются эти богатства!

Рудольф Владимирович взял переносной чемоданчик, принесенный из городской лаборатории, и пошёл в подвал к Мирону Швецу. Ему не нравился зять, и он не прилагал усилий, чтобы узнать его поближе. Боярский очень любил дочь и к его сожалению она быстро выросла и превратилась в женщину. Она напоминала ему покойную жену манерами, голосом, походкой.

Рудольф родился в прекрасной интеллигентной семье. Мать была известным на город хирургом с ученой степенью. Проводила исследования по пересадке сердца. Отец крупный чиновник, с тонким чутьём. Он был ярким коммунистом, когда это было выгодно, приобрел либеральные взгляды в период перестройки. Родители приходили домой только ночью и не занимались его воспитанием, доверив сына бабушкам и дедушкам. Дома он был ангелом, а во дворе настоящим бандитом. Когда Рудольфу исполнилось четырнадцать, на пороге родительского дома возник участковый и внятно объяснил родителем о возможном тёмном будущем своего сына. Учиться Рудольф тоже стал хуже. Мать и отец, преодолев шок от этого известия, обратили своё внимание на практически взрослого сына.

Они были умны и начали действовать быстро. Сменили район на более престижный, перевели сына в лицей и полностью поменяли круг его общения. Отец отныне разрешил сыну присутствовать при неформальных встречах в кругу своих друзей. На этих посиделках обсуждалась политика, партию и события в мире. Отец знал, что Рудольф во всем хочет быть первым и подстегивал в нём это желания. Проторчав в двоечниках пару четвертей, он взялся за ум и учёбу. Возле шалопаю и весельчака Рудольфа сразу образовалась компания, так называемой золотой молодежи. В этой среде он и познакомился со своей будущей женой. Она была дочерью председателя партии, птицей высокого полета, воспитанной настоящей леди своей матерью искусствоведом. Наталья. Так звали девушку, была необыкновенной красавицей и умницей. Возле неё крутилась куча воздыхателей, но она общалась со всеми ровно, никого не выделяя. Рудольф был старше девушки на год и в то время как они познакомились, он стал студентом, а она училась в десятом классе. Он взял её штурмом по принципу «пришёл – увидел – победил».

Он влюбился и не оставил соперникам ни единого шанса. Учась в соседнем городе, за двести километров от Лигата, он каждые выходные мотался туда и обратно, только чтобы сводить Наташу в кино или погулять в парке. Наталья поначалу не обращала на него внимания, но вскоре оглянувшись, она поняла, что он, пользуясь своим бандитским прошлым, разогнал всех ухажеров. Они поженились спустя два года. Она научила Рудольфа Владимировича держаться в обществе и заводить знакомства, она придала ему лоск и манеры, что выделило его среди руководителей на периферии.

Молодые красивые и страстно влюбленные они составили прекрасную пару. Тесть, понимая, что Рудольф вцепился в Наталью мёртвой хваткой, стал способствовать ему в карьере. Вскоре родилась дочь Ольга, а Рудольф окончил университет с красным дипломом. У него были прекрасные рекомендации, острый ум и способность нравиться всем. Его карьера стала взлетать вверх.

Они прожили счастливые пятнадцать лет. Года, конечно, не были безоблачными и спокойными. Затем пришло несчастье. У Натальи обнаружили рак, и она сгорела за полгода. Дочь училась и отдалилась от него, живя своей жизнью. А Боярский остался в Москве, где в то время трудился, один. Он словно ушёл в спячку на несколько лет. Карьера застопорилась. Он задыхался в столице и сам попросил о переводе на родину. Ему пошли на встречу в регионе требовались новые перспективные кадры. Несколько лет он проработал в администрации, а затем его избрали мэром города. Это было всем выгодно, столичным начальникам и местным авторитетам. Боярский сумел заинтересовать всех. Его выбрали на второй срок, так как конкурента такого масштаба не обнаружилось. А через год свершилось событие перечеркнувшее жизнь города. Он стал аномальной зоной.

Мэр остановился перед портретом Ольги, и в очередной раз пообещал себе, что будет с Мироном мягче. Он зашёл в лабораторию. Мирон спал на рабочем столе, аккуратно расположив свою блондинистую начинающую лысеть голову между пробирками и инструментами. Мэр покашлял, и Мирон соскочил со стула. Он начал крутить головой и смотря вокруг своими слепыми глазами. Швец нашупал на столе очки, при этом уронив две пробирки на пол. Мэр ухмыльнулся и сел на

Аномальная зона. Герт С.И.

чистый свободный стул. Поставил на пол чемоданчик и ногой подвинул его в сторону Мирона.

- Добрый вечер Рудольф Владимирович.

Мэр кивнул в знак приветствия. Зять вновь стал его жутко раздражать, когда он увидел несколько чашек от чая, расставленных, где попало.

- Что в нём? - Спросил Мирон, указывая на чемоданчик.

- Последние пробы грунта и воды, а также экземпляры камней с пепелища.

- Но там ведь опасная зона, как вам это удалось?

Мэр удивился наивности зятя и, оглядываясь по сторонам, увидел фотографии Ольги и Мирона прилепленные к стене.

- Ты просил и я достал. Только исследуй внимательно, мои люди рисковали жизнью, добывая это. Нам нужно найти новые источники энергии и должны они быть не в мизерном количестве.

Рудольф Владимирович намекал на небольшой осколок светящегося камня, который нашел Мирон и выяснил, что он излучает постоянную энергию. Жаль, что этого заряда не хватило, чтобы ярко зажечь лампочку. Мирон потратил на это почти месяц времени и много химических реагентов, что взбесило мэра.

- Есть новости от Ольги? Говорят, зона затихала на некоторое время.

- Я разговаривал с ней, как и ты, месяц назад.

На самом деле мэру удалось поговорить с ней несколько минут, но она так волновалась за Мирона, что Боярский из вредности не стал ему об этом говорить. Мирон сидел с расстроенным выражением лица.

- Я думаю с ней все в порядке. Я считаю, что Ольге крупно повезло, что она уехала из города купить свадебное платье. Окажись она здесь, еще, не известно осталась ли она в живых. Ты и сам провалялся, первый месяц в бреду.

- Я с вами согласен, так лучше. Я займусь образцами утром.

Повисла неловкая пауза. Мирон не знал, что сказать, а мэр рассматривал лабораторию, тоже не находя подходящих слов.

- Я пойду. Спускайся ужинать, а то ты совсем засел здесь как в берлоге.

Наступили долгожданные летние деньки, и город повеселел. Девушки наряжались в нарядные платья и прогуливались по набережной. Немного забылись суровые холодные дни зимы. Все старались отогреться и насладиться иллюзией нормальной жизни и не думать о том, что в зоне каждый день погибают люди от необъяснимых явлений. Городская библиотека располагалась в центре города и занимала целый этаж ветхого старого дома. Его нельзя было снести, так как он являлся памятником архитектуры, а отремонтировать не хватало средств. В последний год изоляции библиотечный центр стал одним из самых популярных мест города. Такого рассвета и интереса она не знала лет двадцать.

Катя Попова вышла из дома пораньше, чтобы перед работой заскочить сюда и взять книги. Но это не было единственной причиной, а лишь предлогом, чтобы поговорить с Воробьевой Фаиной Леонидовной мамой Сергея. Она прошла по длинному сырому коридору. Зимой старались хорошо отапливать помещение, чтобы не испортить книги. Это было несомненной заслугой Воробьевой. Она лично записывалась на прием к мэру, просила поспособствовать бывшего мужа, набрала волонтеров среди молодежи. И библиотека стала местом тусовок читающей молодежи.

Катя зашла в читальный зал и увидела за столом тучную фигуру с темной короткой стрижкой. Фаина Леонидовна сидела даже сейчас завернутая в цветастый палантин и запоем читала книгу, но при этом она умудрялась смотреть одним глазом на присутствующих посетителей. Катю она заметила сразу по её легкой походке и худенькой фигурке. Воробьевой нравилась Катя, а та тянулась к ней, так как была влюблена в её сына Сергея и старалась наладить отношения с людьми близкими к нему.

- Добрый день Фаина Леонидовна. У вас сегодня так мало народа. Удивительно, даже помещение выглядит большим.

Воробьева ответила приятным мелодичным голосом. Она любила петь и в то время когда она с душой выводила песни, то выглядела почти красавицей.

- Все выбрались загород или на пляж.

Загородом в зоне называлось небольшая деревня в десяти километрах от города и тоже попавшая во власть зоны, а пляжем открытое место возле лодочной станции на городском пруду.

- А ты идёшь опять на смену? Красивое платье.

Кате хотелось произвести впечатление, и она надела лучшее платье.

- Да я сегодня работаю. Пётр Соломонович попросил выйти и ассистировать ему.

- Он тебя совсем загонял. Вот, я отложила тебе книги и добавила одну от себя.

Нельзя читать книги только по медицине.

Катя не знала, как свести разговор к теме дня рождения Сергея, но Фаина Леонидовна сама завела об этом разговор.

- У Сергея через неделю день рождения. Он мечтает получить мотоциклетный шлем. Где его найдешь в наше время. Ума не приложу? Придётся дарить талоны на бензин. Он этому, по крайней мере, обрадуется.

Катя улыбалась, она и не предполагала, что так легко выудит необходимую информацию. В библиотеке появилась растрепанная фигура Алексея Зубкова. Он был одет в любимую форму полицейского, в которой ему было невыносимо жарко. Он приветливо помахал Кате и свалился на стул, чтобы отдышаться. Он всю дорогу бежал. Не говоря ни слова приветствия, он протянул список Фаине Леонидовне.

- Это литература для Мережкина. Пожалуйста, это срочно, а то я совсем забыл о нём. Мне нужно возвратиться на объект через полчаса.

Он говорил с такой просящей интонацией и так сложил свои почти девичьи руки перед лицом, что женщины улыбнулись, а Воробьёва засемила к стеллажам со скоростью, на которую только могла быть способной.

- Представляешь в районе развалин опять дом ушел под землю и вынырнул за сто метров от своего прежнего места. Ты можешь себе это представить?! Нет, всё же там гиблое место и что Павла Сергеевича туда вечно тянет. – Проговорил Алексей, обращаясь к Кате.

- Я была там пару раз, и мне показалось, что там спокойно.

- Спокойно! Да ты шутишь. Кстати говорю вам официально. Даже не думайте собирать грибы в городском парке. Уже отравилось несколько человек, а

Аномальная зона. Герт С.И.

заводскую столовую вообще закрыли на несколько дней. Это же надо, чтобы пришло в голову собирать и есть грибы, которые выросли в половину человеческого роста!

Фаина Леонидовна вернулась минут через десять, неся в руках несколько книг.

- Одна на руках, пусть Павел Сергеевич приходит через неделю.

Зубков соскочил со стула и, одевая фуражку, схватил книги подмышку и побежал.

Пока он ждал, то умудрился умять пол тарелки печенья и сейчас торопился скрыться. Катя попрощалась и тоже вышла, направляясь в сторону больницы. Одна мысль сверлила её мозг. Где она может раздобыть шлем? «Сейчас подобный шлем лежит где-нибудь в пустующей квартире, никому не нужный». Она мысленно уже расставалась с идеей искать его, когда вдалеке увидела фигуру Липской Валерии. Она шла в простом белом платье футляре и в босоножках на высоком каблуке. «И как только она умудряется так одеваться в обносившейся зоне? Правильно говорила Вера, что если надо что-то достать, то она обращается к Валерии».

Липская доставала для детишек Подорожниковых лекарства и одежду. Вера смущалась, но Валерии каждый раз удавалось рассеять её тревожное смущение, и со смехом отвергала деньги и талоны предлагаемые взамен. Липская поравнялась с Катей и, остановившись, поздоровалась приятным голосом. Это придало Кате уверенность, и она отважилась спросить.

- Валерия Ивановна, можно обратиться к вам с просьбой?

Липская удивилась. Горожане не любили её, особенно недолюбливали женщины, опасаясь реакции своих мужей. К тому же некоторым людям не удавалась преодолеть чувство зависти к уму, красоте и успеху Валерии. О ней много сплетничали и ненавидели за положение при мэре.

- Конечно. Что ты хотела?

- Вы не знаете, где можно купить шлем для мотоцикла? Можно не новый.

Валерия удивилась. Судя по одежде Кати денег ей хватает только на еду. А сколько будет стоить шлем у торгующих барыг! Наверняка не дешево. Но вслух ответила:

- Вряд ли я тебе помогу, вот если бы тебе понадобилась одежда или косметика, но шлемов у меня никогда не было, ни дома, ни в продаже в моем магазине. - Валерия

Аномальная зона. Герт С.И.

говорила самым приятным голосом, чтобы сгладить отказ. - Но если вдруг я его где-нибудь увижу, то обязательно передам тебе.

Сзади послышался угрожающий голос и женщины вскрикнули. Тут было чему испугаться. Сзади стояла, широко ухмыляясь, мужская фигура в странной одежде. Шляпа прикрывала сальные по плечи волосы. Он был бы красив, если бы не широкий нос с горбинкой и густые брови. Это был Сталкер. Прозвище, взятое из книги Стругацких, но которое прилипло к нему. Да и ему самому оно очень нравилось. Звали его Солонин Марк Валерьянович. Катя быстро попрощалась и ретировалась. Липская нахмурила брови.

- Опять следишь за мной? Я же предупреждала тебя, увижу, скажу Танаеву.

Сталкер рассмеялся, показав на удивление ровные и красивые зубы.

- И не думал, просто шёл мимо и решил поздороваться. Да и что мне твой Танаев, если мне что-то понадобится. Не бесись, мне нравится смотреть на тебя, и я буду периодически появляться. Вдруг твой любовник позабудет про тебя. Или, в конце концов, вдруг я тебе понравлюсь. Только позови и я приду!

Он наклонился к уху Липской и она отстранилась, но не сразу, задержавшись на несколько секунд. Что-то сильное и мужское было в нём. Он это заметил.

- И не подумаю. Ты мне противен!

- Ты могла бы меня поблагодарить.

- За что?

Липская не на шутку разозлилась, её глаза блестели ненавистью.

- Я поставил к твоей булочной ребят, больше никто не посмеет к ней приблизиться. А если рискнут, будут иметь дело со мной. Ты рада?

- Я об этом не просила!

Липская откинула его руку, тянущуюся к ней и, ускорив шаг, вскоре скрылась за поворотом. Всё это время, Сталкер не отрываясь, смотрел ей вслед. Желание и нежность читались в его глазах. Затем он растворился в воздухе, так же быстро, как и появился.

Мережкин Павел Сергеевич вместе с помощником Зубковым и собакой Ферзем патрулировали район развалин в Западной части города. Раньше здесь

располагался район под названием «Северка». Он был немного в отдалении от другой части города. Здесь располагалась мебельная фабрика и Химический завод. Этот район больше всех пострадал от землетрясений и других страшных проявлений зоны, таких как штормовой ветер и каменные дожди. Это место, ранее выглядевшее как один из самых зелёных и новых районов города, теперь состоял из развалин домов. Кое-где дома выглядели как новые, а по соседству такой же дом лежал в пыльных руинах.

Они шли медленно, опасаясь новых ловушек и сюрпризов зоны. Вперед наострив свои уши, крался Ферзь, он понимал окружающую опасность и вёл себя как истинный помощник. Затем шёл Мережкин, неся на плечах объёмный рюкзак, а в руке держа прибор, который реагировал на опасность. Он состоял из нескольких проволок присоединенных к деревянной ручке и выглядел забавно. Когда Боярский передал его ему, он не принимал его всерьёз, а наоборот посмеивался. Но однажды он спас ему жизнь и после этого события Павел Сергеевич стал всегда носить его с собой.

Сзади шёл Алексей Зубков, он редко бывал в таких опасных местах. Он посмеивался про себя над начальником, который выглядел забавно с железками в руках.

Сегодня Мережкин не хотел брать его с собой, но он буквально увязался следом. Теперь он был этому не рад. Безмолвие этого места наводило ужас. Многие считали, что оказавшись здесь, человек мог потерять рассудок. Следовательно в это не верил, но чувствовал накачивающее чувство страха и ужаса, словно холодные щупальца проникают внутрь его. Послышался гул, и они замерли. Всё стихло, и они продолжили свой путь.

Целью этой вылазки было осмотреть пустынные дома и опасные места. Также до Мережкина доходили слухи, что здесь укрывались люди не с самой хорошей репутацией. Преступники, сбежавшие из тюрьмы и прочие странные личности.

Они прошли в неповрежденный дом, только окна кое-где отсутствовали. На первом этаже было спокойно. Они зашли в одну из квартир, здесь, кажется, уже побывали мародеры, все шкафы перевернуты, и ненужные вещи были разбросаны на полу. На окнах стояли засохшие цветы, пахло плесенью и затхлостью. Павел

Сергеевич поднял с пола валяющийся журнал «Теленеделя», на нём стояло число за две недели до внедрения облака. С обложки смотрело улыбающееся лицо актрисы. От неё повеяло праздником и другой жизнью. Они вышли и стали проверять квартиры дальше, почти во всех брать было нечего, только одна на седьмом этаже показалась на вид нескрытой. Мережкин залез в свой рюкзак и, провозившись несколько минут, открыл дверь. Они вступили в квартиру, и ахнули. Она была не тронутая. В ней всё напоминало о прежней жизни. Всё отсырело, но некоторые вещи были в сохранности. На столе в гостиной стоял высохший аквариум, скелеты рыбок прилипли ко дну.

Мережкин бегло осмотрел квартиру и пометил её номер в блокноте. Если таких квартир они обнаружат ещё парочку, то сюда отправят людей, которые отберут нужные предметы. Осмотрев дом, они спустились вниз. Пока ничего аномального они не увидели, только посреди двора была разлита огромная зелёная лужа, к которой было страшно подойти. Ферзь своим лаем предупредил их, что туда не стоит соваться, и они направились в сторону заводоуправления и парка отдыха. Пейзаж выглядел спокойным. Мережкину пришлось прикрикнуть на Алексея, чтобы он не терял бдительности. Они пересекали парк, когда неожиданно сработал прибор в руках следователя. Они стали оглядываться по сторонам, но увидели лишь несколько крупных птиц, которые кружились над ними кругами.

- Падальщики. Твари. Сейчас что-то случится. Бежим к тому красному зданию.

Они во всю прыть рванули, заскочив в выбитое окно. Мужчины присели на пол стараясь отдышаться. Мерзкий звук послышался всюду. Они быстро достали беруши и сунули себе в уши. Мережкин накинул куртку на голову овчарки и сильно прижал её к себе. На их счастье звук длился не больше трех минут и прекратился так же неожиданно, как и начался. Они огляделись. Раньше здесь были кабинеты работников завода, куча папок пылились в стеллаже, от сырости стал гнить пол. Они медленно направились к выходу. Мережкину показалась, что тёмная тень мелькнула впереди. Он протёр глаза и ничего не сказал Зубкову, повернул в обратную сторону. Алексей понял, что сейчас не время задавать вопросов и молча послушно пошёл за начальником.

Павел Сергеевич решил пройти к балкону третьего этажа и оглядеться. Сердце бешено застучало в его груди. Идя по коридору, они не заметили ничего необычного, только им показалось, что дом слегка задрожал. Они вышли на балкон, весь в ржавчине и гнили, в углу даже начала расти березка. Они осмотрелись. Балкон позволял осмотреть все четыре стороны горизонта. Ничего подозрительного не было видно. Мережкин достал фляжку из рюкзака и, сделав несколько глотков, передал Зубкову. Следователь ещё раз внимательно посмотрел в сторону парка и удивился тому, что не увидел этого сразу. На земле лежали мертвые птицы стервятники. Они покрывали землю, и что-то зловещее читалось в их позах.

- По крайней мере, их можно не опасаться. – Весело заметил Алексей.

- Они возможно спасли нам жизнь.

Они двинулись по периметру здания и стали внимательно осматривать окружающую обстановку. Мережкин пожалел о том, что забыл положить в рюкзак бинокль. Они опасались каждого куста и здания. «Кажется, ни один нормальный человек не сможет здесь долго прожить. Даже закоренелому преступнику хочется выжить». Стоявший позади Зубков прошептал испуганным голосом:

- Посмотрите, там что-то движется!

Он показывал пальцем в сторону заводской проходной. Оттуда словно привидения струились чёрные немного прозрачные тени, очень похожие на людей. «Может нам только кажется, что они прозрачны. А это живые люди». Ноги сами собой понесли их к выходу. Они пролетели два лестничных пролета и, выбежав через центральные двери, рванули в противоположную сторону от напугавших их фигур. Они добежали до остановочного комплекса и спрятались за ним. Павла Сергеевича посетило ощущение дежа вю. Так же он был испуган тогда. Также бежал, опасаясь за свою жизнь, так же думал о людях дурно и, не разобрав лишил невинного человека жизни. Он весь внутренне вскипел и его черты лица огрубели и приняли злобное выражение.

- Оставайся здесь и жди меня. Я пойду, проверю, что там происходит. -

Скомандовал он Зубкову.

И значительно облегчив рюкзак, взяв самые необходимые вещи, он короткими перебежками побежал вперед. Ферзя они крепко привязали к железным перилам. Он на прощание жалобно заскулил вслед хозяину. Он бежал и прятался за препятствия, попадавшие ему на пути. Довольно быстро он добрался до места. Спрятавшись за сваленные в кучи плиты перекрытия, он замер в пятидесяти метрах от проходной. Вокруг стояла гробовая тишина, Павел Сергеевич чувствовал лишь стук своего сердца. Подождав несколько минут, чтобы восстановить дыхание он немного выглянул, чтобы осмотреться. Тени исчезли, и он не заметил ничего необычного.

«Что за чёрт. Неужели мне все это показалось, Но Зубков тоже их видел!» Он набрал полные лёгкие воздуха и вышел из укрытия. Следователь сделал несколько шагов в направлении двери проходной, прислушиваясь к каждому шороху. Вдруг отчаянный вопль раздался из глубины завода. Это был человеческий крик. Мережкин остолбенел и на несколько секунд замер, но затем бросился к дверям. Он зашел внутрь помещения. Здесь было сыро и темно, запах серы обволакивал пространство. Он достал из кармана фонарик и включил его. Внутри было чисто и казалось, что не прошел год со дня остановки завода. Следователь крикнул. Эхо разнесло звуки его голоса в лабиринты здания.

- Здесь есть кто-нибудь живой? Ау! Кому здесь нужна помощь?

Но никто не ответил. Мережкин осматривал помещения и маленькими шагами продвигался вперед. Вдруг фонарик, мигнув на прощание несколько раз освещая темноту отключился. «Что за чёрт. Надо отсюда выбираться». Мережкин повернулся к выходу и остолбенел от ужаса, он мог поклясться, что два немигающих глаза уставились на него. Неожиданно из темноты выкатился величиной с грецкий орех небольшой шарик. Он излучал приятный желтый свет. Докатившись за метр до Мережкина, он остановился. Вслед за ним выкатился еще один такого же размера. Фигура с глазами начала приобретать контуры. Что-то воронье было в ней.

Мережкин похолодел от ужаса. Затем выкатилось еще пару шаров, коридор осветился как при искусственном освещении. Перед ним предстала фигура молодого человека, о которой он предпочёл бы забыть. На него смотрел, блестя

своими зелёными глазами юноша. Это был тот парень, которого по ошибке застрелил Павел Сергеевич год назад. Тогда он защищал склад с медикаментами от мародеров. В городе творилась страшная паника первых недель зоны. Мережкин не спал третий день, но свободных людей не было, и он стоял на посту. Банда шла напролом, она была хорошо вооружена и находилась под кайфом. Мережкину уже доложили, что от их рук погибло два сотрудника полиции, его коллеги. Тогда заметив фигуру, копающуюся в ящиках с медикаментами, он направил свой пистолет в его сторону. Он мог поклясться, что видел в его руках оружие. Он прокричал предупреждение, но его слова потонули в очереди выстрелов доносившихся из соседнего помещения и чей-то отчаянный крик. Это решило всё, и он нажал на курок.

Только через несколько дней он узнал страшную правду. По трагической случайности он убил молодого юношу. Он совсем не принадлежал к бандитам. Парень воспользовался паникой и пробрался внутрь, чтобы достать лекарства для своей больной сестры.

Мережкин тяжело воспринял это и только усилием воли он через некоторое время вернулся к работе. Он нашёл семью парня и достал для его сестры лекарства, которых ей хватит на два года. Для этого он продал всё ценное, что у него имелось. Мэр Боярский быстро замял дело и убеждал друга, что это происшествие было лишь случайностью. Но Мережкин постоянно чувствовал муки совести, которые могла заглушить только работа. И теперь этот парень стоял и смотрел на него. Следователь с ужасом обнаружил, что фигура прозрачна, словно вся состоит из потоков воздуха. Крик ужаса вырвался из его рта. Он выронил фонарь и, не разбирая дороги, ринулся в направлении выхода.

Он сильно ударился и поранил ногу, но продолжал свой бег. Выскочив наружу, он вдохнул свежий воздух и немного ослеп от солнечного света. Больше всего на свете ему захотелось поскорее покинуть это гиблое место. Но он не был трусом и, собрав свою волю в кулак, он вновь направился к проходной. Он чувствовал внутри что-то живое и внушающее ужас, но шёл туда. Неожиданно сильный порыв ветра начал его сдувать с места. Пищащий звук раздался справа.

Следователь остановился и повернулся. Он увидел бегущего человека, который двигался по направлению к неизвестному аппарату, похожего на стеклянный стакан. Стекло аппарата светилось всеми цветами радуги. Человек заскочил внутрь стакана и аппарат, закрутившийся словно юла, исчез, растворившись в воздухе. Земля затряслась от подземных толчков. Мережкин посмотрел в сторону заводского здания и увидел, как тёмные фигуры толпятся внутри и начинают просачиваться через открытую дверь.

Тряска земли усилилась, и грунт под ногами начал словно превращаться в болото. Следователь побежал в сторону оставленных Зубкова и Ферзя, но пробежав несколько метров, он споткнулся и упал. Ему не хватило сил встать, так как земля стала с усилием, словно пылесос затягивать его под землю. Он предпринял несколько попыток выбраться, но они не увенчались успехом. Павел Сергеевич уже начал прощаться с жизнью, как вдруг голос Зубкова позвал его. Он ответил ему, вскоре Алексей протянул ему длинную палку. Мережкин изо всех сил вцепился в неё. Постепенно Зубков сантиметр за сантиметром вытянул его, и тряска земли прекратилась. Зубков ошарашенно оглядывался по сторонам. Наконец спросил начальника:

- С вами все в порядке? У вас вид как будто вы увидели покойника.

- Примерно так все и было.

Они встали с земли и, озираясь, пошли к привязанному Ферзю, который отчаянно лаял вдалеке.

- От чего затряслась земля? Я еще такого не видел. Как только ваша фигура скрылась из вида, я сразу понял, что с вами не всё ладно и кинулся на помощь. Как хорошо, что эта коряга оказалась рядом. А то я не знаю, как бы я вас вытащил.

У Зубкова от перенапряжения случился непрекращающийся поток слов. Он говорил и говорил. Произнося фразы, он чувствовал себя защищенным. Мережкин же напротив не мог вымолвить и слова. Во рту пересохло и язык прилипал к нёбу. Они отвязали овчарку и направились к железной дороге, чтобы коротким путем выбраться из опасного места.

- Павел Сергеевич, что вы увидели внутри? Я удивился, как вы быстро оттуда выбежали. Там были эти прозрачные фигуры чёрного человека?

Аномальная зона. Герт С.И.

Мережкин нахмурился, и глубокая складка образовалась на его лбу.

- Ничего там не было, только чёрный туман. Наверное, он образовался от смешения химических веществ.

- Возможно. - Согласился покладистый Алексей Зубков.

Они шли быстрым шагом и довольно далеко ушли. Зубков напевал тихим голосом строчки из популярной песни. Он увлекался рэпом.

- Знаете. Мне иногда кажется, что все небылицы, типа комнаты желаний, неземных существ и нового оружия правда. Я каждый день убеждаюсь, что живем мы в удивительном заколдованном и опасном месте.

Мережкин молчал. Послышался гудок едущего поезда. Вдалеке показался новенький блестящий очень длинный поезд. Вагоны, доставляющие грузы в аномальную зону представляли собой стальные запаянные цистерны, толщина стенок которых была десять сантиметров. Только так грузы приходили в целости. В обычных вагонах продукты и вещи, пересекая границу зоны, словно старели на несколько лет. Превращаясь в труху, и лишь малая часть груза приходила в целости. Запаянные вагоны, соединенные вместе напоминали нитку, на которую нанизаны продолговатые бусины или на длинную гусеницу.

– Ура! Наконец то они решили пополнить наши запасы. Сегодня на зоне будет весело!

Алексей искренне радовался. Каждый раз прибытие вагонов с провиантом воспринималось как праздник. «Интересно, что на этот раз мэр отправил из аномальной зоны»? Подумал Мережкин. Как правило, содержимое отправляемых назад вагонов не сообщалось.

Поезд догнал их и с весёлым стуком пронёсся мимо. Павел Сергеевич засмотрелся на них и обратил внимание на список цифр и букв, выгравированных на них. В этой последовательности что-то показалось ему знакомым. И вдруг его озарило. Это был порядок цифр, написанный на листке бумаги в руках убитого пенсионера фотографа.

Затем этот листок выкрали из его сейфа, но он их помнил наизусть. «Что бы это значило»?

Аномальная зона. Герт С.И.

Огромный диск луны освещал корпус машины мэра, припаркованного в районе парка. Прохожих на улицах уже не было. Люди опасались прогуливаться ночью. Мэр, как всегда аккуратно одетый, сидел на заднем сиденье и просматривал бумаги. Его вид выражал, то, что он никуда не торопится. В дверь тихонько постучали три раза, а затем тёмная фигура в шляпе села в салон. Сталкер с усмешкой смотрел на Боярского, а тот жестом не поднимая глаз от страницы, показал, что ему нужно время, чтобы дочитать. Сталкер снял шляпу и стал разглаживать своей пятерней торчащие волосы. Мэр достал из портфеля фотографию и показал её гостю.

- Мне известно, что это сделал ты. Я думаю, тебе не захочется, чтобы об этом все узнали. За мое молчание я прошу о маленькой услуге.

Сталкер улыбнулся, но в его глазах прочиталось зло и презрение, но на какие то секунды.

- Я сомневаюсь, что услуга будет маленькой. Что ты хочешь?

- Лишь совсем небольшая просьба. Спустится в шахту за «вороним глазом».

- Действительно небольшая услуга. Насколько мне известно, оттуда не вернулись два ваших опытных бойца. Спецы. Почему вы думаете, что у меня получится?

Мэр улыбнулся кошачьей улыбкой.

- До этого наше сотрудничество было успешным. К тому же я не жадный. Вместо двадцати процентов от выручки, ты получишь тридцать. Я всегда держу своё слово.

- Я не сомневаюсь в вашей щедрости дорогой мэр, но я соглашусь не из-за вашего шантажа и денег. Я просто хочу знать, что за тварь живёт в пустующих цехах. Мне не нужен помощник. Я справлюсь один.

Больше Сталкер не сказал ни слова, а только помахал шляпой в знак прощания и вышел из машины. Тут же растворившись в окружающем ночном пейзаже. В воспоминание о том, что он здесь был, остался лёгкий табачный запах. Мэр размял затекшие суставы и скомандовал ехать домой. Дорогой Рудольф Владимирович старается отогнать тревожные мысли, крутящиеся в его голове. Он достал рацию, но она не работала. Добравшись до дома, он сразу поднялся в спальню, где его

ждала Валерия. В доме было спокойно и пахло свежестью и цветами. Он наклонился, чтобы поцеловать любовницу, но она лежала с открытыми глазами и улыбалась ему. Он сходил в душ и прилёг в нагретую кровать. Валерия обволокла его своими объятьями.

- Я скучала. Боюсь одна оставаться в твоём доме.

Мэр улыбнулся. И стал накручивать её локон себе на палец.

- То есть здесь, где полно охраны и сигнализация тебе страшно. А в твоей крошечной квартирке на краю зоны нет?

- Ты же знаешь, о чём я говорю. От зоны не спасет никакая охрана. Здесь я чувствую чье-то присутствие.

Они немного помолчали. Валерия спросила Боярского ласкающим голосом:

- Скажи мне, почему ты не хочешь выпускать Мирона из зоны? Ты бы мог поспособствовать его высылке. У тебя есть связи и деньги. Твоя дочь была бы счастлива.

Боярский нахмурился.

- Он мне нужен здесь. Мирон умен и компетентен своей области. Такого второго мне не найти.

- А я значит, легко заменима! Я довольно высоко значусь в списке.

- Ты бесценна. - Прошептал он, страстно её целуя. - Но ты как экзотическая птичка должна быть на свободе.

Разговор был окончен. Но в груди у Валерии сердце заныло тупой болью. И страстная ночь не смогла избавить от этого ощущения.

Глава 4.

На железнодорожной платформе, в зоне отдаления семнадцать стоял немолодой человек, тучный с залысинами и детским взглядом из-под очков. Одет он был в потертый костюм тёмно-синего цвета, из которого выглядывала белоснежная помятая рубашка, обутий в серые потертые ботинки. В руке у него была трость, рядом стоял объёмный саквояж. Груда остальных коробок и чемоданов были свалены в кучу рядом. Его вид был необычен и забавен, старые вещи сочетались с дорогими брендовыми. Например, при потертом костюме он носил модное дорогое пальто. Весь его холёный вид выдавал в нём иностранца.

Было всего пять часов утра, и редкие работники поглядывали на него с любопытством. Человека звали Денкер Самуил Денисович, это был знаменитый ученый. Вскоре прибежал человек, одетый в военную форму и обратился к нему на плохом английском. Денкер замотал головой и ответил:

- Нет, нет. Не утруждайте себя. Я прекрасно говорю и понимаю по-русски. Я прожил в Ленинграде до тридцати лет.

Военный черноволосый мужчина вздохнул с облегчением. Редкий работник его ведомства чисто и хорошо говорит на иностранных языках. Сказывалось отсутствие практики. Хотя за последний год в районе зоны, были представительства многих государств, неправительственных организации и

фондов. Но они предпочитали нанимать хороших переводчиков, дабы не возникло принципиального непонимания и ошибок восприятия.

- Самуил Денисович, вам сказали прибыть сюда к семи утра, а сейчас только пять! Денкер похлопал своими белесыми ресницами, затем посмотрел на свои часы и хлопнул по макушке.

- Я вчера перевел их на местное время, но должно быть что-то перепутал.

- Вероятнее всего, да и зачем вы добирались сюда на частном автомобиле? Возле гостиницы дежурил личный автомобиль, специально прикреплённый к вам.

Ученый удивился. Видимо он не ожидал такого внимания к своей персоне. А военный хмурился, предвидя разнос у начальника, за то, что проморгал этого старика.

- Проверьте весь ли багаж на месте.

Денкер тут же засуетился, уронил трость, ударился ногой о чемодан, затем сел на одну из коробок и пролепетал:

- Я думаю все в порядке. Мужчина, который меня подвозил хороший человек. Не побоялся остановиться, перетаскал безропотно все коробки и показывал мне фотографии своих детей. Я дал ему за это сто долларов.

«Еще бы он не прыгал над тобой, он столько за день зарабатывает, а от гостиницы до станции всего минут десять ехать».

- Вот что мы сделаем, сейчас пройдем в кабинет, чаю поьем. Зачем же мерзнуть на воздухе, вы заполните последние документы, и будем ждать ваш вагон-капсулу.

- Правда, что они очень неудобные? – Пролепетал Денкер.

Военный нахмурился, Он никогда не задавался этим вопросом.

- На них передвигались всего несколько человек, и я вас уверяю, всем понравилось. Главное расслабиться, включить музыку, одеть наушники и послушать приятную музыку. В последние дни стоит благоприятнейшая магнитная обстановка. Вчера в зону был отправлен состав с провиантом и вашей лабораторией. Всё прошло удачно. Поезд благополучно доехал.

Они прошли вовнутрь станции, где пахло сыростью вымытого дощатого пола.

Коридоры были пусты, только вдалеке показалась тучная хмурая женщина. Она несла поднос с чаем и сахаром и с любопытством поглядывала на учёного.

«Вот же камикадзе смертник. Старый человек. Вот смерти и не боится».

Подумала эта женщина, поставила поднос, открыла упаковку с вафельным тортом и скрылась. Денкер с удовольствием разделся и начал греть руки о стакан. Затем положил три ложки сахара, тщательно размешал и с удовольствием сделал первый глоток. Он закрыл глаза и подумал о том, что Дженнифер и дети на другом конце земного шара должно быть завтракают и разговаривают о нём. Он уже начал скучать по ним, хотя прошла всего неделя как они расстались. Самуил Денисович точно знал, что расстались они навсегда. В его голове тут же всплыли мысли, а не ошибку ли он совершает, отправившись в опасную аномальную зону.

- Самуил Денисович вы меня слышите?

Рядом стоял военный и аккуратно тряс его за плечо.

- Ой, извините, я задумался. Я совсем не спал этой ночью. Что вы хотели мне сказать?

Сопровождающий темноволосый мужчина про себя выругался, но не подал виду, а серьезным немного неуместно торжественным голосом произнес:

- Я как ответственное лицо должен ещё раз, а точнее последний раз спросить вас, не передумали ли вы посетить зону. Вот вам документ еще раз внимательно прочитайте и распишитесь, если вы согласны.

Он передал Денкеру листы, с отпечатанным мелким шрифтом текстом. Учёный махнул рукой и сразу подписал бумаги затем положил их на стол.

– Я всё прочитал ещё месяц назад, да и к чему это. Я готов.

Военный аккуратно положил листы в папку и сел пить чай. Денкер оглянулся по сторонам и подумал о том, что за тридцать лет не так много и изменилось.

Провинция осталась прежней. Те же хрущевки, грязь на улицах и здоровое выражение на лицах, не характерное для вечно спешащей Москвы. Время шло медленно, но вскоре здание стало заполняться людьми. Денкер догадался, что вся эта шумиха собралась вокруг его персоны. Он знал, что ему придется выйти к журналистам и дать короткое интервью. Он был готов. Только боялся, что приступ сильной боли помешает задуманному. Он ещё с утра принял две сильные таблетки обезболивающего.

Но все прошло быстро и спокойно. Его окружило несколько серьезных людей в костюмах, и сопровождали до самого погружения в капсулу. Вопросы журналистов были заранее согласованы, и всё прошло гладко. Напоследок его сфотографировали для новостных выпусков, и сопровождающие ловко провели его в раздевалку. Здесь он облачился в мягкий костюм. На голову одели шлем и сняли очки. От этого Денкер почувствовал себя беспомощным. Его усадили в капсулу-вагон и подробно объяснили о двух остановках на пути в аномальную зону. Показали красную кнопку, которую стоило нажать, если вдруг капсула остановится, и будет стоять на рельсах неподвижно более тридцати минут.

Он лег и закрыл глаза. Музыка слушать не хотелось, и он убрал звук на регуляторе громкости. Капсула завибрировала, и он понял, что движение началось, через час он должен быть на месте. Страшно не было, а только дискомфорт от тесного пространства. Глупые мысли лезли ему в голову, и еще было непонятное ощущение, что это с ним подобное происходило и раньше. И он вспомнил. Это было пятьдесят три года назад. Он гостил у бабушки в деревне. Стояла зима с лютыми морозами. Он с отцом пошёл в баню. Она находилась в метрах ста от бабушкина дома возле пруда. В парилке было угарно и маленькому Сёме стало плохо. Отец укутал его в полотенце и одеяло и на санках привёз обратно. У него было тоже ощущение, как и сейчас находясь в этой капсуле.

Воспоминания детства были для Денкера радостными и светлыми. Его родители любили его до безумия. Мама пышная украинская хохотушка, пела ему песни и кормила борщом с пампушками, отец известный физик-ядерщик. Он был интеллигентным евреем, и, вовремя разглядев в сыне способности к науке, сделал всё, чтобы их развить. В дом приходили репетиторы, приносились научные труды. Отец помогал ему решать сложные задачи. Окончив школу с красной медалью, он легко поступил в университет и завершил обучение с отличием. Его заметили и взяли в НИИ, где работали известные ученые. Денкеру было, у кого поучиться.

Он был хорошим теоретиком и умел разглядеть мельчайшие нюансы в опытах. В двадцать семь он защитил кандидатскую диссертацию и был в числе молодой прогрессивной группы ученых, работающих в области исследования сверх прочных и лёгких материалов для космической промышленности. Они сделали немало

открытий. Денкер каждую свободную минуту проводил в лаборатории, личная жизнь его не складывалась, что очень беспокоило его престарелую мать. Родители умерли за год до развала Советского союза, и он остался один. Но у него оставалась наука. Тёмные времена страшных девяностых отбросила страну далеко назад. Лаборатория влачила жалкое существование, учёные уходили, им нужно было кормить свои семьи. Чиновники напрямую говорили, что сейчас разработки в этой области им не нужны, да и лаборатория тоже. Как же потом спустя пятнадцать лет они пожалеют об утрате таких научных кадров!

Денкер выживал, продавая ценные вещи и реликвии, он ушёл из лаборатории один из последних, стараясь до конца довести общие исследования. Но и он однажды сдался. Через три месяца пребывания без работы в четырех стенах дома ему позвонил один из его коллег и предложил работу в Америке. Он долго думал, оторваться от России было болезненно. Но без работы было ещё хуже. Но срок контракта был всего год и он согласился. Денкер уехал с одним чемоданом, оставив квартиру для присмотра дальним родственникам. В Америке ему понравилась, не смотря на страшную тоску по родине. Он продолжил свои изыскания, точнее сказать он продолжил работу над той темой, которой прежде занималась вся их блистательная группа учёных. Ему дали большую лабораторию, трех помощников, переводчика. Сняли маленький уютный дом в пригороде, наняли личного водителя с автомашиной. Ему создали все условия для комфортной жизни, и он работал не покладая рук.

Самуилу Денисовичу повезло, его открытие было востребованным здесь и сейчас. В сорок три года он в компании трех ученых получил Нобелевскую премию. К его чести он предпринял попытки вписать к исследованиям, тот коллектив ученых из СССР, но ему отказали. Посмеялись над его попыткой. И чувство вины не покидало его. Вскоре он женился на своей соседке, и жизнь приобрела смысл. Денкер не видел, какой пейзаж его окружает за окном, но до мельчайших подробностей мог его представить. Пока оформлялись все документы, он тщательно изучил, всё, что касалось зоны, и возможно внимательным взглядом учёного увидел намного больше, чем следовало. Он видел выжженную, словно после извержения вулкана лунную поверхность, которая извергает странные звуки,

Аномальная зона. Герт С.И.

а рядом зелёные островки леса и болот. Столбы тумана разноцветного цвета и обычный уральский пейзаж. И огромное количество заборов и колючей проволоки. Денкера удивляло количество военных вокруг линии зоны. Было непонятно охраняют ли зону от людей или людей от зоны. Было ощущение большой тюрьмы, где томятся невинные люди.

После второй остановки Денкер заметно занервничал, он с опасением думал о том, что его ждет в городе Лигат. Наконец капсула остановилась. Минутная тишина показалась ему часом. Наконец он услышал постукивание по толстой металлической оболочке, Самуил Денисович почувствовал привкус крови во рту. Капсулу раз герметизировали, и Денкер был ослеплен ярким солнечным светом. Ему аккуратно помогли вылезти, и ученый с изумлением увидел, как сотни глаз смотрят на него.

Мережкин Павел Сергеевич не мог заснуть всю ночь и только под утро яростный крик будильника разбудил его дрему. Следователь был спортивен и крепок, но являлся уже не молодым человеком. Произошедшее в поселке «Северка» на развалинах дала о себе знать. Всё тело саднило и болело, вывихнутая лодыжка ныла, а с ладоней слезала кожа, словно после ожога, но главной травмой для него было душевное потрясение. Оно глубоко пряталось внутри. На зоне бывали случаи, когда позитивный человек, нечаянно попавший в опасный периметр, постепенно становился нытиком и неврастеником. Часто такие люди гасли от тоски или заканчивали жизнь самоубийством. Мережкин знал, что эта беда его не коснулась, но в этом надо было убедить других.

Впечатлительный Зубков немного преувеличивал состояние и настроение начальника. Это дошло до ушей мэра Боярского и за следователем установили негласный надзор. Мэр знал, что Мережкин трудоголик, поэтому ему дали полежать с недельку и вызвали на работу. Сегодня он должен был выполнить важную миссию. Встретить чокнутого американского профессора, который настолько сбрендил, что решил пожить и поработать в аномальной зоне.

Мережкин поднялся с постели, наложил тугую повязку на ногу и стал колдовать над завтраком, который состоял из маленькой рыбины и нескольких картошек в

мундире. Он украсил тарелку сежей зеленью, которую принесла заботливая медсестра Катя, когда навещала его. Поев и накормив любимого пса, следователь оделся и вышел на улицу. Куртка была лишней, так как неожиданно потеплело. Он направился на вокзал пешком, не взяв Ферзя и не поехав на велосипеде. Дабы не испугать гостя.

Еще издали он увидел, как толпа народа идет туда же. На зоне было крайне мало развлечений и приезд нового человека стало новостью месяца. Ходили всякие небылицы, что это американский шпион и чуть ли не молодой красавец. «Вот же женщины удивятся, когда из капсулы извлекут плюгавенького старика». Он протиснулся к платформе, отчаянно толкаясь локтями и показывая документы. Его встретил человек из администрации и сияющий голливудской улыбкой Потёмкин Дмитрий Валентинович. Мережкин старался держаться приветливо, несмотря на головную боль и раздражение от того, что в это время он мог бы заняться своими прямыми обязанностями, а не быть сопровождающим.

Капсулу вскрыли только через несколько минут, подвели инструменты. Публика вытянула шеи от любопытства. Наконец из капсулы показалось лицо серого цвета со слегка обвисшими щечками, седыми волосами и лукавыми глазами. Мужчина хлопнул себя по голове и снова нырнул в капсулу, вернулся он уже с одетыми на носу круглыми очками. Учёному помогли встать на платформу, так как он слегка покачивался от усталости. Он посмотрел на толпу и приветливо помахал рукой. И заговорил на чистом русском:

- Добрый день жители города Лигат. Я счастлив, что добрался сюда в целости.

Толпа удивленно перешептывалась. «Какой же это американец, по виду и разговору чистый русский облезлый ученый». Мережкин протиснулся к Денкеру и, обняв его сзади, потащил к припаркованной рядом машине. Ученый засеменял ногами и кажется, был рад скрыться от посторонних глаз. Усевшись, он протянул руку и представился:

- Денкер Самуил Денисович. Ничего что я так. Привык обращаться к людям полным именем. Я сам из Санкт-Петербурга, долго жил в Москве, но несколько раз бывал в этом городе в восьмидесятых. Внедрял свои разработки на химическом заводе. Не предприятие было, а настоящий гигант!

Мережкин начал присматриваться к гостю. Тот явно хотел добиться его расположения. «Наверное, думает, что я какой-то важный человек, а не рядовой следователь».

- Мережкин Павел Сергеевич. Следователь в полиции. Я вас сопровожу к гостинице, где вы будете жить. Там вас осмотрит доктор, и вы отдохнете с дороги и осмотритесь.

Денкер проговорил обиженным детским голосом:

- Зачем доктор? Я прекрасно себя чувствую. Дорогу я перенес хорошо, даже поспал.

Мережкин пожал плечами, как бы говоря - это ваши дела. Вдруг он увидел впереди скопление людей в военной форме. Навстречу выбежал молоденький военный и замахал руками. Машина остановилась. Следователь обратил внимание, что в салоне загорелась тревожная кнопка. Заставив ученого сидеть спокойно, он выскочил и подошел к тому месту, где толпились люди. У него вырвался вздох отчаяния от увиденного происшествия. На месте небольшой пятиэтажной гостиницы, которая еще утром стояла здесь образовалась воронка метров двадцати. Видны были только обломки кирпичей. Вид был жуткий.

- Там были люди? Сколько здесь погибло?

К нему подошел Танаев, докурил сигарету и выбросил в воронку.

- Предполагаем, что там находилась заведующая, повар и горничная. Остальные люди ушли на вокзал. Повезло.

Мережкин мысленно проговорил отрывок из молитвы и перекрестил воронку. Он был знаком с заведующей. Очень приятной женщиной. Одно время он всерьез думал о романе с ней. Но не сложилось.

- Эй. Что за хмырь прошёл через ограждения? А вы куда смотрите. Эй, папаша отойдите! Или хотите присоединиться к погибшим? - Танаев орал своим зычным голосом, а Мережкин даже не оборачиваясь, понял какого «хмыря» он имел в виду.

Он постучал по плечу начальника охраны и тихонько проговорил:

- Это прибывший учёный, который должен был здесь остановиться. Куда нам теперь его девать?

Аномальная зона. Герт С.И.

Танаев с той же интонацией снова заорал:

- Папаша идите сюда, и хватит записывать, оступитесь, а нам потом за вас отвечать. Садитесь в машину.

- Куда же мне его везти?

Мережкин, похоже, ни один задумывался над этим. Денкер помахал рукой и продолжил что-то записывать в блокнот. Затем нехотя направился к машине.

Подошёл элегантный Потёмкин и, пожав всем руку, кроме Танаева. Тот демонстративно её не подал, а Дмитрий Валентинович лишь усмехнулся на этот жест. Он огляделся и проговорил:

- Я думаю, наш уважаемый мэр Рудольф Владимирович будет рад познакомиться с нашим гостем.

«Очень сомневаюсь». Подумал Мережкин, но все же решил поступить так. Они молча проехали до мэрии. Прошло пять минут, и он повёл ученого на третий этаж. Там, кажется, их уже ждали так как, улыбаясь приветливой улыбкой, их встречала молоденькая секретарша мэра. Она провела их в комнату отдыха, где был накрыт стол. Мережкин думал, что в этот момент он попрощается с Денкером, но увидев накрытый стол, решил ненадолго задержаться. Лёгкий завтрак напомнил о себе чувством голода. Денкера обед не интересовал, он спросил у помощницы о целостности своего багажа.

Павел Сергеевич быстро поел. Он посмотрел на притихшего нобелевского лауреата и ахнул. Тот был серого цвета, держался за сердце и хрипел. Одной рукой он судорожно пытался достать таблетку из кармана. Следователь соскочил и ловко сунул тому капсулу под язык. Ему становилось легче, помощница побежала вызывать врача. Павел Сергеевич положил учёного на диван и укрыл пледом, того колотило от холода. «Кто знает, как на него подействовала зона. Она и здоровых молодых мужчин не жалеет, а это существо словно божий одуванчик».

Денкер повторял тихим голосом, что ему лучше и на самом деле он слегка порозовел и даже выпил кружку теплого чая. В комнату зашла кареглазая помощница и привела с собой злого, словно чёрт врача Подорожникова. Он вспомнил своё состояние два часа назад и подумал, что вероятно Петра Соломоновича оторвали от важных дел. Мережкин тепло попрощался с Денкером,

Аномальная зона. Герт С.И.

пожелав ему здоровья и удалился. Подорожникову хватило взгляда, чтобы понять, что вызвали его не так уж и напрасно. Он вымыл руки в тазике с водой и начал осмотр. Лицо его хмурилось, а Денкер сидел с видом обреченного. Наконец врач проговорил:

- Вас нужно осмотреть в больнице, взять анализы.

Денкер прошептал, дрожащей рукой доставая папку из портфеля, с которым он не расстался даже в капсуле:

- Не надо больницы. Я вам всё сам покажу.

Подорожников сел и начал осматривать карту больного, которая была в папке.

Хотя она была на английском, но Пётр Соломонович, кажется, всё понимал.

- Неоперабельный рак значит. Решили напоследок уме... побывать в самой аномальной зоне мира? Всё же пройдёте в больницу, я должен убедиться в том, что вам не стало хуже после поездки. Что вы принимаете?

Денкер показал бутылочку с лекарствами. Врач кивнул и помог больному собраться. Больница встретила их не приветливо, гас свет, и все суетились. Денкер шёл по коридору, опустив глаза. Навстречу им санитар вёз каталку с больным.

Подорожников узнал в нём того пострадавшего, который говорил ему про красную молнию и опасность. Тот лежал спокойно улыбался и смотрел по сторонам, но заметив больного ученого, страшная гримаса ярости исказила его лицо. Он стал указывать в Денкера пальцем и орать нечеловеческим голосом.

- Ты. Это ты скотина...

Больного затрясло, к нему подскочил санитар, а Подорожников торопливо завел Денкера в кабинет. Он выглядел расстроенным. Врач постарался его приободрить:

- Извините его. Ему сильно досталось. Он несёт, сам не зная что. К тому же его никто не может опознать, а сам он, кажется, тоже не знает кто он. Вам кстати он не знаком? Я спрашиваю так, вдруг вы когда-нибудь встречались.

Денкер отрицательно покачал головой.

- Ну и забудем о нём. Начнем подробный осмотр.

Медсестра Катя Попова одной из первых подбежала к больному. Взяла его лицо руками и постаралась успокоить. Наткнувшись на глаза девушки, он стал затихать. Она ввела ему дозу успокоительного лекарства, и теперь он спал. Катя решила

Аномальная зона. Герт С.И.

посидеть возле него, чтобы убедиться, что он крепко уснул. Она внимательно на него смотрела, начала проверять пульс и только сейчас заметила, что рука больного крепко вцепилась в рукав халата, словно он не хотел отпускать её от себя. Она высвободила руку. В дверь постучали, зашёл один из санитаров, неся в руках объёмную коробку.

- Это тебе передали. Что там?

Катя растерянно держала её в руках.

- Сама не знаю.

На коробке значились её фамилия и адрес. Когда санитар вышел, она открыла её. Там лежал новенький шлем и пару перчаток на мужскую руку. Катя ахнула. «Неужели Валерия совершила чудо»!

После смены Катя направилась к булочной Липской. Но её там не было и ей пришлось идти к ней домой. Там ей повезло, и дверь открыла удивленная Валерия с бигуди на голове. На ней был одет розовый короткий топ и шортики. Босые ноги казались бесконечными.

- Проходи. Я сейчас.

Катя зашла на порог и с удивлением стала осматриваться по сторонам. Такой красоты, она еще не видела. Квартира была со вкусом и дорого обставлена, в вазах стояли свежие цветы, старинная гнутая мебель ослепляла золотом. Но больше всего Катю поразила гардеробная. Которая занимала четверть квартиры, к тому же полная красивой и дорогой одежды.

- Нравится? - Спросила с улыбкой Липская.

Она уже снимала бигуди. Лёгкие чулки лежали рядом на тахте. Катя кивнула.

- Хочешь что-то примерить? У тебя хорошая фигура.

- Нет спасибо. Я пришла расплатиться с вами.

Она протянула кулон, который она нашла месяц назад, гуляя на набережной. Больной ювелир, когда лечился у них в больнице, сказал, что это бриллиант в серебре.

- Странная вещь. - Сказал он тогда. - Разве делают бриллианты в серебре?

- За что расплатиться?

Катя указала на коробку, из которой виднелся шлем.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Красивый. Молодец, что сама достала его. Но причем здесь я? И не таскай так ценные вещи, могут и ограбить.

Катя опешила.

- Мне утром доставили эту коробку. Я думала она от вас.

- Смею тебя заверить, что это не я. Вспоминай, кого ещё ты об этом просила или говорила.

- Только вам. Я ничего не понимаю.

Катя села на диван и начала тереть виски.

- Слушай, прислали и прислали. В конце концов, ты всё равно узнаешь от кого этот дар.

Липская одела облегающее чёрное платье и чулки и подмигнула девушке.

Мережкин с удовольствием вдохнул в себя вечерний свежий воздух. Ночь была прохладной, но это ему нравилось. Болячки почти зажили. Только плечо слегка ныло. Сегодня днем он тщательно проверил свое табельное оружие. Ночью в зоне не спокойно, надо быть готовым ко всему. Овчарка Ферзь тоже была серьезна, наострила уши и шла рядом с хозяином. Павел Сергеевич вышел немного раньше и теперь шёл не спеша к дому Алексея Зубкова. Он жил в панельной пятиэтажке на первом этаже. Дом находился на окраине, и это было заметно. Было замусорено, везде валялись осколки стекла и кирпичей. Мережкин сел на косоногую скамейку и посмотрел на дом.

Родители Зубкова были серьезными, трудолюбивыми людьми. Мать работала бухгалтером, а отец, умерший четыре года назад от сердечного приступа, был снабженцем на заводе. Без поддержки отца им было сложно, но Зубков был смышленным парнем, к тому же родственники не оставили их. Из окна квартиры торчала труба, из которой шёл дымок.

Люди ставили в квартирах печи, чтобы отапливать помещения и готовить пищу. Выглядели эти трубы неаккуратно и портили вид дома, но без них жить было невозможно. Мережкин уже докуривал папиросу, когда показалась улыбающаяся рожица Алексея. «Счастливый как щенок, которого впервые взяли на охоту». Следовательно берег парня, но после случая в Северке, он понял, что это бесполезно.

Наоборот нужно подготовить его к суровой жизни выбранной им профессии. Они поздоровались.

- Проверил свой пистолет? И обращайся с ним аккуратно, а то наделаешь беды.

Зубков закивал головой.

- Нас будут прикрывать четверо военных, они будут следовать за нами в отдалении и при необходимости смогут вмешаться. Но постараемся справиться без них. Дел немного: выписать штрафы и припугнуть народ. И осмотреться.

Мережкин не любил эти обходы. Его раздражало то, что вылазки абсолютно бессмысленны. Ну, разгонит он народ, ну заведение закроется на пару дней, а потом хозяин оплатит штраф, и всё начнется снова. Азартные игры, дешёвая самодельная выпивка, наркотические вещества, женщины торгующие своим телом. Конечно, несколько заведений вели себя почти прилично, но были и другие, где находиться порой было опасно.

Людей посещающих эти злачные места можно было понять. Напряженная обстановка, ожидание надвигающейся опасности и смертельная скука. Это был парадокс. Как можно скучать в самом опасном месте планеты. Но скука была постоянным спутником людей в аномальной зоне. Конечно, были те, кто заняты с детьми, работой и желанием выжить. Кто-то начал читать, освоил новые профессии, но основная часть из бывших работников завода маялись от тоски. Они ходили на работу, чтобы заработать талоны на продукты и вещи, а в свободный вечер спешили в подпольные трактиры и казино, чтобы спустить их там. А потом неделями питаться пустым супом и винегретом в столовой взаимопомощи.

Ещё одной бедой была самодельная выпивка. Случаи отравления встречались чаще простуд. Людей не успевали спасти. Участились случаи помешательств и белой горячки. Частым явлением в трактирах были драки, и даже бои без правил. Мэр и его руководители не обращали на заведения внимания. Было полно других забот, пока однажды одновременно не отравилось семьдесят человек из военной охраны. Тогда власти стали делать попытки установить порядок.

Мережкин порой думал о том, что в Лигате, где существуют преступления, которые караются смертной казнью, ночью творится полный бардак, на который стараются закрыть глаза. Павел Сергеевич к обходам относился формально, ему

были важны ровные отношения с людьми на своем участке. Только одно обстоятельство выводило его из себя. Наркотики и барыги, их распространяющие. С ними он старался бороться изо всех сил, хотя бы в своем районе.

Компания подошла к первому заведению. Оно располагалось в бывшем кафе под названием «Кавказская кухня». Выбор блюд, конечно, здесь был ограниченным и скудным, но выпивки на удивление было много. Мережкин приказал Ферзю сидеть возле двери, а сам направился к стойке. Он сел, Алексей расположился рядом.

Играли на трёх столах, довольно тихо. Только на одном то вспыхивал, то затихал скандал. К следователю вышел недовольный хозяин, но узнав Мережкина немного расслабился. Он пожал руку и провёл его в подсобные помещения. Павел

Сергеевич внимательно всё осмотрел, доверяя нюху Ферзя. Он, почуяв наркотики, начинал скулить. Здесь было спокойно. В руках у хозяина был объёмный пакет.

«Хочет, как всегда дать взятку и задобрить меня». Бесплатных даров он не брал.

Не потому что был порядочным человеком, просто не хотел быть обязанным никому.

Они вышли в зал, посетители с любопытством на него поглядывали, большая часть из них была ему хорошо известна. За шумным столом сидел Сталкер. Он приложил пальцы к шляпе, как бы отдавая следователю честь. Павел Сергеевич инстинктивно кивнул ему. Он подал хозяину три квитанции со штрафом и, отказавшись от пакета, направился к выходу. Зубков, кажется, заскучал от рутинности предприятия, а у Мережкина пересохло во рту. Они прошли несколько шагов, как Алексей обнаружил, что забыл фуражку прямо на барной стойке. Павел Сергеевич выругался про себя и сказал, что зайдет и заберёт её сам. Алексей чувствовал себя неловко, и следователь потрепал его по плечу. Он снова вздохнул в себя запах сивушных масел и подошёл к стойке. Удивительно, но фуражка лежала на месте, её просто не заметили или решили переждать какое-то время, прежде чем взять её. Мережкин протянул к ней руку и его взгляд упал на открытый журнал с записями. Обычно в них фиксировались ставки на бои и карточные долги. Внимание его привлек знакомый подчерк. Цифры были написаны с наклоном, но не в правую сторону, а в левую и занятная петелька была на цифре ноль. Павел Сергеевич узнал подчерк, которым были написаны цифры на клочке

бумаги в руках убитого пенсионера фотографа. Посетители вновь уставились на него, а следователь тем временем подзывал к себе хозяина заведения. Он указал на строчку и спросил:

- Я хотел бы знать, кто сделал эту запись?

Хозяин одел очки и наклонился над книгой.

- Вот же написано ТПВ. То есть Танаев Пётр Васильевич. Он наш частый гость.

В голосе хозяина промелькнула нотка гордости. Он как бы намекал, что не стоит сильно придирааться.

- Передайте ему, что он прекрасный игрок, судя по выигрышу.

Он вышел, и они зашагали дальше. Разрозненные мысли в голове следователя начали складываться в картинку. «Значит тут замешано высокое руководство. Очевидно, что Танаев участвует в контрабанде вещей из зоны, но преступлением это назвать сложно, так как от неё зависит весь город. Только как этот клочок оказался у убитого»? Мережкин проверил цифры на листочке выученные наизусть. Они совпадали с номерами капсул прибывших пару дней назад. «Сам ли Танаев был на месте преступления или послал специальных людей? Или это просто совпадение, Танаев выронил листок, а покойный нашёл его? И что было на тех фотографиях? Съёмка контрабанды? Сомнительно. Секретного предмета найденного в зоне, человека»?

- О чем вы задумались? Мы уже проходим мимо третьего заведения. - Спросил жующим голосом Зубков.

Мережкин оглянулся и, заметив ошибку, повернул назад. Надо сегодня закончить дело. Раздать штрафы и забыть о них на месяц. К тому же Мережкин знал, что в последующих заведениях все будет чисто и прилично, наверняка они уже были предупреждены, засланным человеком.

- Пойдем Алексей. Будешь учиться делать осмотр и заполнять квитанции.

Через пару часов они закончили, обойдя только четверть заведений, но проверять другие смысла не было. Они шагали по тихой улице по направлению к дому. Зона вела себя хорошо, не чувствовалось ощущения опасности. Вдруг послышался женский крик, который звал на помощь. Они бросились туда. Вдалеке виднелась упавшая на асфальт женская фигура, крепко держащая свою сумку. Какой-то

парень пытался вырвать её из женских рук. Увидев несущегося к нему пса, парень вырвал сумку и бросился бежать по направлению железнодорожных путей. Ферзь кинулся за ним, а Зубков с Мережкиным подбежали к Валерии Липской, которая ругалась, словно солдафон. Она потирала ушибленный локоть. Увидев знакомые, лица она прокричала:

- Он убежал туда, пожалуйста, догоните его.

Они бросились за ним, но в лабиринте гаражей он словно испарился. Пробегав какое-то время, Ферзь явился к хозяину с виноватым выражением лица. Они вернулись к девушке. Она стояла уже не одна. Рядом стояла мощная фигура Сталкера. Она выглядела злой, а мужчина рядом посмеивался.

- Мы его не догнали. Скрылся за путями и словно растворился.

- Ничего страшного. Что я вцепилась в эту сумку? Там не было ничего настолько ценного, чтобы рисковать собой. Спасибо вам, я пойду.

Мережкин едва отдышавшись, предложил:

- Давайте мы вас проводим.

Липская покосилась на рычащего пса и покачала головой.

- Мне совсем рядом, я дойду.

Сталкер выплюнул сигару в кусты и сказал серьезным голосом:

- Я провожу её. Мне по пути. К нам вряд ли кто сунется.

Павел Сергеевич вопросительно посмотрел на Липскую, но она, кажется, не возражала. Они удалились. Валерия не торопясь направилась к дому. Сталкер смотрел на неё, не отрывая глаз.

- Дырку протрешь. Какого чёрта ты оказался рядом. Следишь?

- Просто совпадение. Я и подумать не мог, что ты отправишься одна ночью на прогулку.

В голосе его чувствовалась еле контролируемая злость.

- Затащили бы тебя в гараж и сделали бы с тобой, то о чём давно мечтают. Разве после этого ты будешь нужна своему любовнику. Вряд ли. Он не пользуется бывшим в употреблении товаром.

Аномальная зона. Герт С.И.

Липская размахнулась, но пощёчину поглотил воздух, Сталкер взял её руку и, повернув ладонью, вверх поцеловал. Валерия вырвала руку и молча сверлила его взглядом. Они пошли дальше. Наконец она спросила:

- Зачем ты притащил шлем девчонке?

- Почему сразу я?

- Больше некому. Она тебе что нравится? Катя совсем ребёнок, не тронь её.

Сталкер рассмеялся и его смех заполнил пустоту ночи.

- Я знал её отца. Он пропал по глупости, а был неплохим малым. Она мне никто. Просто человек хороший. Отчего не помочь по старой памяти. Можешь, не беспокоится. Я хочу только тебя.

- Прощай. - Прорычала в ответ Липская и, стуча каблуками, забежал в подъезд.

В одной из комнат в доме мэра на тахте сидел, опустив голову, ученый Денкер. Врач Подорожников недавно ушёл, оставив ему лекарства и рекомендации. О его болезни теперь все узнали, и это его расстраивало. Он так боялся, что его будут жалеть и не дадут возможности работать в полную силу. В комнату тихонько постучали, и в дверном проёме показалась сияющая голова Мирона.

- Добрый вечер профессор я так рад вас видеть и познакомиться!

Он протянул Денкеру руку, тот присмотревшись, узнал его. Ему показывали фотографии и характеристики людей на зоне, которых можно принять в свою команду.

- Я расстроился, узнав о вашей болезни.

Мирон замолчал и уже пожалел о сказанном. Денкер встал и подошёл к столику, где стоял остывший чай.

- В одном я благодарен этой болезни. Только из-за неё меня впустили в зону. Как смертника понимаете. Но я ещё в своем уме.

«Благодаря болезни и пол миллиону долларов, которые он заплатил за поездку в тридцать километров до зоны. Российские власти ничего не делали бесплатно».

Подумал Денкер.

- Присаживайтесь со мной. Я хочу с вами сойтись поближе, и расспросить о том, чем я в первую очередь могу вам помочь.

Воробьев Сергей сидел, развалившись в кресле, и смотрел на отчаянные попытки Беккер настроить оборудование. Она хотела смонтировать съемку, так как Правдин снял много лишнего, но ничего не выходило.

- Придется так отправлять. Пусть поработают сами.

- А записи дойдут целыми? Я слышал, в пути многое портится, приходит в негодность.

- Бывает. Но в последние две поездки всё прошло гладко.

- Может быть, съездим завтра на шлак отвалы, там говорят, видели интересные вещи?

Беккер улыбнулась. Уже неделю Сергей придумывает различные поводы, чтобы уведется с ней. Ей было удобно общаться с ним. Он был веселый жизнерадостный и активный юноша, на её удивление много знавший о своём городе. Она понимала, что ни желание ознакомиться с работой репортера заставляет его бегать за ней. Она ему нравилась как женщина. Это легко читалось на его лице с вздёрнутым носом. Он её тоже привлекал и, не смотря на десятилетнюю разницу в возрасте, она не отвергала мысль о романе с ним. Она только не могла решить нужно ей это или нет.

Беккер включила запись с прибытия учёного Денкера и стала внимательно её смотреть. «Все же Правдин знает своё дело, снято было профессионально, легко считывались эмоции людей». Сергей придвинулся вплотную к ней.

- Он явно псих, если добровольно сюда пригнал. Все только и мечтают убраться отсюда.

- Ты тоже?

- Хотелось бы закончить ВУЗ, встретится с друзьями, попутешествовать. Ты успела объехать весь мир. Ой, смотри Мережкин стоит с таким лицом, словно лимон ест, а Потёмкин уже пять минут, не прерываясь улыбается! Идиот!

Сергей изобразил голливудскую улыбку, оскалившись, закатил глаза, зачесал волосы назад и стал и вправду походить на помощника мэра. Мария рассмеялась и начала проматывать запись, ища интересные моменты. Сергей приблизился к ней, и она почувствовала на коже его дыхание. «Никаких романов. Это ненадолго, а он

мне может ещё долго помогать». Беккер и сама не могла признаться себе, что до сих пор сохранила чувства к человеку так больно предавшего её. Она вновь вспомнила о нём и на какое-то время перестала дышать, но быстро отрезвилась.

Она повернулась к Сергею и, улыбнувшись ему шутливым голосом сказала:

- Раз ты вспомнил о Потёмкине, то пошли пить кофе. Почему о нём? Потому, что на прошлой неделе он мне подарил большую коробку кофе. Не бесплатно конечно, мне пришлось час выслушивать и снимать его предвыборную программу.

- До нашего мэра ему далеко. Он ведь настоящий Нуб.

- Нуб? Что это значит? – Рассмеялась Мария.

Сергей задумался, но потом махнул рукой и промолвил:

- Не парься, просто знай, что Потёмкин Нуб и всё.

Сергей снова показал Потёмкина и отодвинулся от Марии. Он умел общаться с девушками так, чтобы им понравиться. У него их было несколько, не считая тех, которые липли к нему сами. Но Мария была другой, с такими опытными женщинами ему общаться не приходилось. Красивая, успешная. И он ей совсем не нужен. Уже неделю он не мог думать ни о ком кроме неё.

Мария налила кофе и выложила затяжное печенье, больше из продуктов ничего не было. Они пили кофе и улыбались друг другу. Сергей шутил и изображал знакомых личностей города. Мережкина, мэра, Танаева и даже Липскую. У Беккер на зоне не было мужчины. Она иногда встречалась с одним, но он был женат и их взаимоотношения были скомканными. Ещё был короткий роман с Правдиным. Они однажды напились и проснулись в одной постели, это случалось ещё пару раз, пока Мария не поняла, что это очень осложняет их работу. Он периодически намекал на отношения с ней, но она остыла, и ей он казался слишком мелкой фигурой.

Они болтали, она потянулась за печеньем и их руки встретились. Никто из двоих не шевелился. Беккер подняла глаза и взглянула на Сергея. Он смотрел на неё призывным и одновременно вопросительным взглядом. Ей казалось, что она играет в спектакле, но дальнейшие события стали развиваться по-другому. Сергей вытянулся через стол к ней и начал целовать её, одной рукой притягивая к себе. Она не стала вырываться, поцелуй вызвал в ней желание, но не затронул душу. Но все же ей приятно нравится такому молодому парню. Он искренен и прямолинеен.

Ей казалось, что она переживает отношения, происходящие в юности, которых у неё не было. Она отстранилась. Он отодвинулся. Мария улыбнулась и продолжила беседу, как ни в чем не бывало.

Денкер не смог уснуть этой ночью, он ворочался на чужой кровати и вспоминал о том, что далеко его американская семья ужинает без него. Он удачно женился на своей соседке. Она была уже не молоденькая женщина, но все же не ровесница. Она была младше его на двенадцать лет. Она жила по соседству с тремя детьми и родителями. Родом их семья была из Бразилии. Дженнифер была не красивой, но очень доброй женщиной, она сразу заметила чудаковатого соседа. Денкер не имея своих детей, полюбил её потомство. Он мог часами с ними играть, читать им книжки. Они были без ума от него. Родители жены, намучившись с двумя предыдущими мужьями, приняли Самуила Денисовича поначалу настороженно. Они были состоятельными людьми с коммерческой жилкой. Тестю он доверил все свои финансы, а тот в ответ всем хвастался, что у него самый лучший зять. Конечно, Денкер был со странностями, но это не мешало им стать счастливой семьей. Недавно он стал дедушкой, и именно с трехлетним внуком ему было трудно расстаться.

Денкер встал и стал прогуливаться по довольно просторной комнате. Решив, что он уже не уснет, он начал разбирать свои вещи, сваленные в одну кучу у входа. Первым делом он водрузил на стол старинную пишущую машинку, заправил в неё бумагу. Затем развесил в шкаф одежду. Разложил предметы личной гигиены по местам. Достал несколько книг. «Кажется, все сделал». Он посмотрел в окно. Которое выходило в сад и, решил, что обойтись без таблетки снотворного он не сможет. Денкер налил в стакан воды и уже положил таблетку в рот как услышал сзади себя необычный звук, словно кто-то слегка касался клавиш машинки. Он повернулся и чуть не выронил стакан из рук от удивления. Машинка сама печатала, словно кто-то невидимый нажимал на клавиши. Денкер сделал несколько шагов к направлению стола. Машинка затихла, но затем случилась ещё одна невероятная вещь. Листок бумаги словно, приподнятый порывом ветра, подлетел к Самуилу Денисовичу, и застыла в метре от него. Он смог прочитать надпись на

Аномальная зона. Герт С.И.

бумаге. «Приходи через десять дней в одиннадцать вечера на болото смерти к красному камню». Денкер выронил стакан и выбежал из комнаты.

Глава 5.

Воробьева Фаина Леонидовна, встала пораньше. Ей очень хотелось порадовать любимого сына вкусным завтраком. Был выходной и она рассчитывала провести с ним время. В последние недели он постоянно где-то пропадал, приходя домой только ночевать. Она отложила интересную книгу и начала выпекать блинчики. Его любимые макароны с котлетами уже готовились на плите. Небольшой торт медовик она испекла ещё вчера.

Она напевала песню Софии Ротару «Лаванда», когда не выспавшийся сын, потирая глаза, пришёл на вкусный запах. Женщина поцеловала его и протянула ему конверт, где лежали несколько талонов на бензин. Сергей расцеловал мать и сел за стол. Он не успел проглотить и кусочка, как в дверь постучались. Мать открыла дверь и не поверила своим глазам, увидев на пороге своего бывшего мужа. Валерий Васильевич Воробьев стоял с большой коробкой и вытягивал шею, высматривая сына. Они развелись десять лет назад. Воробьев как ей казалось, был счастливо женат и растил маленького сына. Сергей тяжело перенес их развод, они не ладили. В последний год они немного сблизились, но разрушить это шаткое равновесие могла любая мелочь. Сергей быстро взрывался и не старался понять своего отца.

- С днем рождения Сережа!

Сергей подошёл к отцу и поздоровался с ним. Ему было очень любопытно, что в коробке. Валерий Васильевич к лёгкому неудовольствию жены прошёл на кухню, намереваясь остаться на завтрак. Сергей достал из коробки подзорную трубу и крутил её в руках. Однажды при отце он говорил, что любит залезть на гору и осматривать с неё окрестности. Видимо тот запомнил эти слова. Именинник был рад, что родители собрались утром, тогда у него останется день и вечер, чтобы провести его с друзьями и Марией. Валерий Васильевич сел и с ностальгией осматривал кухню. Его вторая жена не особо любила заниматься домашним хозяйством. Фаина Леонидовна разлила чай.

- Вадик тоже хотел прийти тебя поздравить, но простудился. Температурил ночью. Просил передать тебе подарок.

Он протянул маленький сверток Сергею. Именинник удивился, он не общался с братом. Сначала он его ненавидел, затем был занят собой и своими делами. Он развернул бумагу, там лежала вся помятая плитка шоколада. Отец говорил, что брат страшный сладкоежка, а тут такой дар. «Возможно, он не так плох и пойдёт ни в свою мать секретаршу Галину, а в отца. Надо с ним погулять, когда будет время».

- Чем вы его лечите? Надо давать ему отвар ромашки. – Забеспокоилась мать Сергея.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Всё хорошо. К нам заходил утром Пётр Соломонович, сказал, что он идёт на поправку.

Они немного поговорили на общие темы. Наконец отец решил сказать тост.

Спиртного на столе не было. Но они чокнулись кружками с чаем.

- Сергей ты становишься мужчиной. Тебе уже 21, возраст, когда всё возможно. На тебе ответственность за мать и свою будущую семью. Стань сильным и счастливым! А с работой я помогу. Не тебе с твоими мозгами возить по городу посылки.

Это была опасная тема. Сергей терпеть не мог, когда отец лез в его жизнь. Он критиковал его работу и звал к себе. Сын бесился от этого. Он знал, что отец серьезный и сухой на чувства никогда не поймет, как чудесно наслаждаться свободой. На всей скорости заходить в вираж, как приятно холодит лицо ветер, как не чувствовать себя погребенным в четырех стенах кабинета. Он ещё молод, чёрт возьми!

- Я возьму тебя в администрацию помощником. Ты вникнешь в суть дел, и возможно тебе понравится. Да и мать тоже была бы счастлива и талонов больше. Сейчас ты трудишься лишь на бензин.

- Не будешь рисковать жизнью, мотаясь по территории зоны! – Присоединилась Фаина Леонидовна.

«Ага, сговорились. Спелись. Мать понятно беспокоится о том, чтобы я не свернул шею, а вот отец наверняка просто стесняется сына курьера». Сергей начал злиться и сжал кружку изо всех сил, что ручка впилась в кожу.

- Мне там нравится и точка. Не будем об этом.

Он сказал это громко и враждебно. Родители, переглянувшись, опустили глаза. Мать, наконец, сказала:

- Сережа мы просто беспокоимся о твоём будущем. Ты вечно где-то пропадаешь.

- Мама мне не пятнадцать лет. Если бы не зона я жил бы отдельно в другом городе.

Фаина Леонидовна нарезала торт, чтобы сын отвлекся. Но Валерий Васильевич, воспользовавшись тем, что жена ненадолго вышла, сказал сыну:

- И ещё одна, последняя на сегодня просьба. Только ты не заводись, прими как совет более зрелого человека. Не водись ты с этой Беккер. От неё всем сплошные

неприятности. Беккер втянет тебя в свои дела. Не стоит поддаваться чувствам, будь осторожен. Убедись в том, что она тобой не пользуется.

Сергею стоило больших усилий не послать отца куда подальше. Только боязнь расстроить хлопочущую мать удержала его.

- Отец с кем я общаюсь не твое дело. Я большой мальчик. Разберусь сам.

Они оба одновременно соскочили со стульев. Зашла Фаина Леонидовна и озабоченно посмотрела на них.

- Мне пора на службу. Сергей ещё раз с днём рождения. Даже не верится, совсем мужчина! Все же заходи к нам, пообщайся с Вадиком. Он не виноват в том, что мы с твоей матерью разошлись.

Воробьёв пригладил свои седеющие волосы, прищурившись, осмотрел обстановку, вздохнул и пошёл к выходу. Уходя, он оставил на столе стопку талонов, которые мать торопливо спрятала, пока их не обнаружил Сергей. В прошлый раз он их чуть не выкинул. Ему не нравились эти подачки, а Фаина Леонидовна понимала, что без них ей было бы трудно кормить и одевать сына. Сергей вновь зашёл на кухню и принялся поглощать блинчики. Аппетит у него всегда был отменный. Волосы засветились от лучей света, падающего из окна. Мать не удержалась и обняла сына. Такого любимого и такого не простого. «Весь в отца. Такой же упертый и твердолобый. Не зря они живут как кошка с собакой».

В комнате небольшой квартирке сидел заместитель мэра Потёмкин Дмитрий Валентинович. Рядом, сияя густой копной рыжих волос, сидела Мария. Она показывала свои записи и тот увлеченно их рассматривал. Он был незваным гостем, и Мария ждала, когда же он озвучит главную причину своего посещения.

- Зона в объективе выглядит другой, жуткой и опасной.

- Она такая и есть, только мы к ней привыкли и не замечаем этого. Я так понимаю, что здесь и до проникновения жизнь не была безопасной?

- Ты не была в Лигате в девяностые. Тогда творили что хотели. После восьми вечера на улицу не выходили.

- И сейчас не лучше. Не могу понять, где я так согрешила, что зависла здесь уже на год и проторчу ещё немало.

Аномальная зона. Герт С.И.

Запись закончилась и Беккер вставила другую кассету.

- Ты фигура известная, заяви о себе, пусть тебя поставят первой в очереди на высылку.

- Ты издеваешься, меня туда даже не включили.

Черноволосый Потёмкин оторвался от записи и повернулся к ней.

- Правда? Я лично записывал тебя и Боярский не возражал. Ты не думала о том, что тебя не хотят выпускать люди находящиеся по ту сторону? Кому ты так насолила?

Беккер вздохнула, ей стало грустно и одиноко.

- Многим. Я никогда не была паинькой и доброй тоже не была. Дмитрий научи меня, как быть тем, кто всем нравится. Быть как ты?

Потёмкин рассмеялся и сжал её руку. Ей не было это неприятно. У них давно начались эти приятельские отношения с ноткой флирта.

- Почему ты считаешь, что тебя не любят в городе. Например, я. Ты мне очень нравишься!

Он немного нагнулся над ней и поцеловал в щеку, а затем вернулся на прежнее место и досмотрел записи. Затем продолжил:

- И будешь нравиться ещё больше, если окажешь мне небольшую услугу, в обмен я постараюсь узнать, кто за пределами зоны вычеркивает тебя. Возможно, в силах моих друзей будет немного наказать этого плохого человека. Это хорошая сделка.

- И что я должна сделать взамен?

- Ничего сложного. Просто больше снимать материалов о бездействии и ошибках Боярского Рудольфа Владимировича. Я мечу в его кресло. Не сейчас конечно, но почву нужно подготавливать загодя. Добавь истеричного тона и разоблачений.

Там... - Потёмкин показал пальцем вверх. - Там отслеживают всю информацию, и возможно решат его заменить.

- Естественно тобой.

- Почему бы и нет.

- Действительно. А ролики о добром и честном Потёмкине снимать не придется?

- Пока подождем, побуду в тени.

- Я подумаю и дам тебе знать.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Соглашайся! Не раздумывай.

Он поцеловал на прощание её руку, обдав приятным запахом дорогого парфюма. Выходя, как всегда элегантный Потёмкин, не заметил удивленного лица Сергея, который наблюдал всю сцену, стоя у окна. Сергею ударила кровь в голову. Он догадывался, что у Марии кто-то есть, и друзья ему тоже об этом намекали. Она часто пропадала вечерами и не говорила, куда уходит. «Значит это Потёмкин. Сволочь женатая. Конечно, это тебе не простой студент!» Сергей завёл мотор своего мотоцикла и на бешеной скорости скрылся.

Мережкин час дождался в приемной Боярского и уже собирался на всё плюнуть и уйти, как дверь открылась. Он увидел усталого и замученного мэра, который постарался это скрыть. Он наградил друга самой обаятельной из своих улыбок.

- Какими судьбами? Мне только десять минут назад передали, что ты ожидаешься. Зачем пожаловал?

- Есть дело. - Буркнул Павел Сергеевич.

- Тогда пройдем.

Они зашли в свободный кабинет для совещаний. Боярский ослабил узел галстука и спросил:

- Что стряслось? То тебя не дозовешься, то сам приходишь?

- Две недели назад был убит пенсионер фотограф. Он проживал на лисьей горе.

- Я в курсе. - Перебил его мэр.

- У меня есть все предположения, что это сделали твои люди, а возможно и по твоему приказу. Танаев и шага без тебя не сделает.

Мэр опустил взгляд, а затем заговорил усталым голосом:

- Не торопись строить предположение. Мой человек действительно был там, но он только взял пленку. Его он не трогал. Зачем? Он стар и безумен. Кто ему поверит, да и на пленках почти ничего не видно. Его убили не мои люди, а кто-то другой.

Можешь мне поверить.

- Если не они, то кто? И зачем? Он снял контрабанду?

- И, да и нет. На пленке был человек, о существовании которого никто не должен был знать. А остальное ерунда. Мои люди не кровожадные убийцы, а там был

Аномальная зона. Герт С.И.

именно такой. Зверь в человеческом обличье. Умный и осторожный. Иначе ты бы его поймал.

Мережкин принял этот удар стоически, он и сам себя корил за бездействие.

Боярский продолжил:

- Контрабанда? О ней знают все. Это выгодно чиновникам и коммерсантам нашей страны, а зарубежные перекупают её за огромные деньги. Всех всё устраивает.

- Но их, вероятно, не устраивает объём?

- В самую точку. Аппетиты растут. Они знают, что мы будем шевелиться, если хотим выжить. Перекрыть нам доступ к воде, питанию и медикаментам проще простого. И никто ничего не узнает. Запасов опять хватит на три недели.

Лаборатории сейчас практически нет. Она пережила несколько взрывов и заражений. В штат лаборатории сейчас берут даже учителей химии. От Денкера пока нет пользы. Он отвык работать в таких условиях.

- Но состав пришел совсем недавно?

- Половина пустых вагонов, остальные едва заполнены. Я говорю тебе об этом как другу. Держать контроль над этим хаосом чрезвычайно трудно. Твое недоверие и убийство одного человека меня не волнует. Извини. У меня целый город чем-то недовольных людей.

Мережкин поверил своему другу. В словах Рудольфа Владимировича была горькая правда выживания в аномальной зоне.

- Что ты собираешься делать?

- Как всегда дать им то, что они просят и найти! И наконец, выбраться отсюда.

- Когда-нибудь жителей выпустят?

- Я бы на это не надеялся. Их аппараты и технологии здесь бессильны. К тому же они решили, что без людей зона исчезнет, или на неё нападут зарубежные шакалы.

- Бред.

- Возможно. Но разве живя здесь ты не чувствуешь, что что-то страшное смотрит на тебя из завесы. Я часто ловлю на себе этот взгляд. Он дал мне время исправиться, перед тем как вцепиться мне в глотку. Я изменился Паша. Я стал тираном и убийцей. У меня в штате четверть города из военных и шпионов. Я пересёк черту.

Павел Сергеевич впервые увидел тот груз ответственности, который лежит на плечах Боярского. Ему захотелось как-то поддержать его.

- На тебе держится весь город. Извини за недоверие. Пойду делать свою работу.

- Мой человек не смог разглядеть лицо убийцы. Он бесполезен для тебя.

Они попрощались за руку и Мережкин вышел. Боярский оставшись один, расправил согнутые в жалкую позу плечи и размял руки. Хитрая улыбка отразилась на его лице. Он стал ходить по комнате и напевать строчку из опереточной песенки. Если бы кто-то увидел эту перемену в нём, то решил бы, что перед ним великий актер. Рудольф Владимирович бы добавил, что все успешные политики – настоящие артисты.

Катя шла по улице спеша домой, чтобы переодеться. Смена была тяжёлой ей и минуты не дали отдохнуть. Но настроение у неё было приподнятым. В комнате лежал шлем завернутый в нарядную упаковку. К тому же Катя нашла способ не быть в долгу перед Валерией. Она отправила ей серебряный кулон с бриллиантом. Соседка Вера Подорожникова обещала его передать. Катя решила, что сама носить его не будет, да и Липская больше не будет заниматься благотворительностью.

Было жарко, и у Кати кружилась голова, пот струился по лицу. Сзади она услышала звук мотора и, повернувшись, увидела летящего с бешеной скоростью Сергея. Катя едва отскочила в сторону, но оступившись, упала, оцарапав руку о кусты. Сергей быстро развернулся и, подъехав к ней, остановился и подбежал. Катя захотела его отругать, но увидев глаза Сергея, наполненные тревогой и беспокойством, промолчала.

- С тобой все в порядке? Кровь на руке. Ты не ушиблась?

- Зачем ты гоняешь на такой скорости? Ты можешь сбить человека.

Сергей покраснел. Он только сейчас сообразил, что дал волю эмоциям. Мария не стоит того, чтобы покалечить себя и других. Он внимательно посмотрел на Катю. «А она ничего симпатичная, даже красивая в этом синем платье». Сергей знал, что давно ей нравился, они дружили с самого детства. Потом он уехал, и они виделись редко. На зоне они были в одной компании, и он часто ловил на себе мечтательный взгляд Кати. «А почему бы и нет. Ведь Мария позволяет себя так вести себя.

Почему я не могу. К тому же соблазнить Катю легче простого». Он приобнял девушку, и извинившись, предложил подвести. При этом он постарался придать своему голосу нежный оттенок.

Он улыбался и шутил. Катя не ожидала, что при виде её он так обрадуется. Она пыталась спрятать признаки безмерного счастья на лице. И одновременно стеснялась своего потрепанного вида. Правда, совершенно напрасно. Её радость наполнила все её тело такой красотой, которую не было заметно с первого взгляда. Огромные голубые глаза сияли, кожа светилась.

- Ты каждое утро идешь здесь одна? Могла бы попросить, и я бы тебя встретил. - Кричал он, разгоняя свой мотоцикл. Катя старалась держаться крепче, опьяненная счастьем.

- Кстати у меня сегодня день рождения! Поздравь меня!

- Я знаю. Поздравляю.

- Приходи сегодня на гейзеры часиков к восьми, отпразднуем!

- Я постараюсь.

Про себя Катя молилось, чтобы вечером её срочно не вызвали в больницу, что иногда случалось. Она решила, что на гейзерах соберется большая компания друзей. Он, возможно, проведет часть времени с ней, но не как друг, а как парень.

Сергей ещё был в бешенстве от поступка Беккер. В голове он давно приукрасил увиденную сцену. Но встреча и флирт с Катей помог ему собраться. «Нечего ей обращаться со мной как с неопытным мальчишкой. Да пошла она куда подальше». Сергей действительно немного поверил, что Катя ему нравится, а если не получится с ней, то найдет другую подружку. Девчонок вокруг полно.

Валерия торопливо шла по переулку в сторону дома, где жила семья Подорожниковых. Одета она была в простое платье футляр золотистого цвета. В пакете лежали тёплые булочки, которые источали приятный аромат. Она легко отворила высокую калитку и впорхнула в дом. Застала она очень живописную картину. Посреди комнаты стояла детская ванночка, наполненная водой. У плиты помешивая суп в кастрюльке и держа на руках сына Николая, стояла взлохмаченная Вера, одетая в несуразный наряд. По дому были разбросаны

игрушки. На кровати стоял таз с выстиранным бельем. Валерия перешагнула через него и обняла бегущую к ней маленькую темноволосую Варвару. Володька тоже материализовался из шкафа, где он читал книжку.

Всё было вверх дном, но в тоже время выглядело живым и комичным. Валерия закатала рукава на платье и, поцеловав Веру в щеку, вышла на улицу. Она развесила бельё на верёвки. В лицо дул приятный свежий ветерок, пахло детским мылом. Только странная туча над Лисьей горой внушала опасение. Валерия немного постояла у веревок с бельем и, собрав несколько крупных ягод клубники в тарелку, зашла в дом. Вера купала Варвару, а свежeweымытый Николай сидел на кровати и трепал руками густые волосы на голове. Володька что-то мешал в кастрюле и расставлял тарелки на стол.

- Спасибо Лера. Я сегодня совсем забегалась. Выходной день, нужно всё успеть, а эти сорванцы мне совсем не помогают.

Варвара была быстро вымыта и завернута в полотенце. Вера работала полсмены каждый день в детском саду, куда приводила и своих детей. Валерия удивлялась, как её подруга всё успевает. И воды нанести, и постирать и накормить трёх детей и встретить мужа в хорошем настроении.

Вера вынесла таз с водой и всех усадили за стол. Овощной суп был очень вкусен, и Валерия в очередной раз подумала, что в руках Веры даже самые простые продукты превращаются в достойные блюда. Вера и Валерия учились в параллельных классах, но никогда близко не общались, их пути не пересекались. По окончании школы, мама Веры попала в аварию и слегла. Она умерла через два с половиной года и все это время дочь за ней ухаживала. Она параллельно училась в педагогическом институте и встречалась с Петром. Её подружки разъехались и отдалились от неё.

Общаться они начали, когда Валерия вернулась из Москвы. Она однажды очень помогла Вере, одолжив крупную сумму денег. После этого они сблизились. Валерия заставила Веру сделать модное ассиметричное каре и даже записывала её в свой салон красоты. А Вера стала для Липской единственной молодой женщиной, которая дружески с ней общалась, не ревнуя своего мужа. Лера это ценила. Валерия понимала все заботы и горести подруги, она сама прожила с

Аномальная зона. Герт С.И.

пьющей опустившейся матерью и братом и с детских лет все бытовые дела были на её плечах.

- Катя передала тебе кулон. Не знаю, что это значит. Но вот возьми.

- Вредная принципиальная девчонка, все же не поверила мне, когда я ей сказала правду!

Вера приподняла бровь.

- Сплошные загадки.

- На самом деле сушая ерунда. Она решила, что это я нашла для неё шлем.

- А на самом деле?

- Конечно, нет. Откуда я его найду в нашей зоне. Зачем он ей понадобился?

- Она влюблена в сына Воробьевой.

- С каких это пор девушка должна бегать за парнем. И не смотри на меня так. Я исключение. К тому же за моего мужчину стоит побороться.

- У вас странные отношения. Ты всегда в тени. Как будто вас ничего не связывает.

- Обычные отношения. Просто они отличаются от твоей семейной жизни с Петром. Дети резвились во дворе, а женщины наблюдали за ними через окно.

- Петру дали дополнительный паек?

- Дали, но мало, что изменилось, на него не прожить. Мне кажется, там хотят, чтобы мы здесь все перемерли от холода и голода.

- Не дождутся. Мы ещё повоюем. Никакая зона и жадные чиновники нас не сломят. Вот возьмем с завода танки и выберемся из аномальной зоны. Со мной не пропадете.

Неожиданно всегда сдержанная Вера расплакалась. Она наклонила голову и закрыла лицо руками. Встревоженная Валерия встала и подошла к ней. Обняв Веру за плечи, она спросила:

- Что произошло? Успокойся, поплачь вдоволь, дети не увидят этого.

- Я снова беременна. Я не уверена, что выдержу это ещё раз. Я так волнуюсь за детей, что с ними случиться страшное или они останутся здесь навсегда. И ещё младенец! Нет ни медикаментов, ни питания и кто будет заботиться о детях, когда я глубоко беременная не смогу за ними ухаживать.

Вера немного успокоилась, а Липская наклонившись над ней, гладила по спине.

- Ты не одна. Есть Пётр, есть я, да и Володька очень смысленный мальчик. Он тебе уже сейчас помощник.

- Пётр весь в работе. Мне иногда кажется, он даже не понимает того, что творится вокруг. Что я кручусь как белка, дети болеют. Я думаю, что он не торопится домой, мы его напрягаем и не даём отдохнуть.

- Та преувеличиваешь, он очень заботливый и любит тебя и детей. Он одумается и начнет заботиться о семье. - Солгала Валерия, хотя была полностью согласно с подругой в том, что Пётр Соломонович переложил всю ответственность за семью на Верины хрупкие плечи.

- Я думала об аборте, но он не разрешит и обязательно узнает. Донесут сплетни. Я думаю, что мне делать?

- Успокойся для начала. У тебя прекрасные дети. Где три там и четыре. Ты справишься, и со временем из них вырастут помощники. Они замечательные. Да и ты никогда себе не простишь, если убьешь своего ребенка. Всё будет хорошо.

- Ты думаешь? - Промолвила Вера, утирая с лица слезы.

Она посмотрела в окно. Чёрная туча заволокла небо, и начался сильный дождь. Вера, забыв о слезах, встала и побежала загонять детей в дом. Валерия улыбнулась, наблюдая как радостно дети, бегая, ловили ртом струи дождя, а Вера пытается собрать их в кучу.

Она прошла по комнате и посмотрела в окно, которое выходило на дорогу, и удивленно вскрикнула. Напротив, у соседнего дома под струями дождя стоял Сталкер. Заметив её, он приподнял уголок шляпы в знак приветствия. «Сволочь! Опять следит за мной». Она подбежала к вешалке и одела на себя дождевик. Валерия выбежала на улицу, но Сталкер будто провалился под землю.

Придя домой Липская залезла в горячую ванну и попыталась расслабиться. Мысли о ребенке Веры не выходили из головы. Она ей сочувствовала. Вдруг ей показалось, что в доме скрипнула дверь. Валерия завернулась в широкое полотенце и вышла в комнату. Там её ждал сюрприз. На полу среди цветов лежала небольшая коробочка. Открыв её, она обнаружила в ней шикарное бриллиантовое кольцо и серьги. По комнате были рассыпаны так редко встречающиеся на зоне сверкающие шарики, которые светились в темноте. Валерия так обрадовалась, что, не подумав

Аномальная зона. Герт С.И.

одеться, выскочила на лестничную клетку, стараясь догнать Боярского. Но она лишь увидела растрёпанные светлые волосы и холодные глаза Сталкера. От внезапной горечи ошибки она бросила в него коробку, зажатую в руке.

- Ты? Это ты принес? Забирай. Мне от тебя ничего не нужно.

Он спокойно вернул ей коробочку в руки.

- Не стоит сердиться на украшения только за то, что его подарил не твой ненаглядный любовник мэр, а простой уголовник.

Он наклонился и поцеловал её, бесцеремонно засунув руки ей под полотенце. Она вырвалась и забежала в дом, закрыв дверь на два ключа, но все же с коробочкой и украшением. Пока она бежала, полотенце соскользнуло с неё, и в дом она уже забегала обнаженной. Она накинула на себя халат и присела. Злость, радость и разочарование смешались в ней и образовали ноющую боль в животе. Однако она начала проходить, когда она рассмотрела украшение. Валерия никогда не видела ничего прекрасней.

Денкер Самуил Денисович сидел в своей новой лаборатории, точнее в той, где ранее работал Мирон и, углубившись в документы, рассеянно перебирал бумажки. Прошла неделя как он появился в зоне, а он даже не знал с какой стороны приступить к работе. Все оказалось не так, как он себе представлял. Тяжелая депрессия навалилась на него. Он и не догадывался, что каждый новый прибывший сюда человек в какой-то мере испытывает тоску на своей шкуре.

Боли от раковой болезни он снимал сильным обезболивающим лекарством. Мэр оказался приятным человеком. С ним можно было обсудить любую тему, но он чувствовал себя при нём неудобно, как ученик перед учителем. Он предполагал, что Боярский ждет от него чудес.

Мирон, с которым он подружился, был отослан в пригород, чтобы собрать пробы почвы. Денкеру дали пять помощников, что было очень щедро, но он не знал какую работу им поручить, а обратиться за помощью было не к кому. Ученый встал с места и стал ходить кругами, меряя шаги. Точно такое же чувство было у него много лет назад на присуждении Нобелевской премии. Они с коллегами приехали на вручение, где собралась вся учёная элита. Денкер был безумно счастлив от того,

что научные изыскания двадцати лет дали ошеломляющий результат. Одно только тревожило его, это тоненький голос совести. Ведь он, по сути, воспользовался идеей и концепцией разработанной в недрах советского НИИ. А лавры достались ему и его американским коллегам. Самуил Денисович знал, что один из учёных в России идёт тем же путем, пытаясь довести теорию в практический результат. Но отсутствие финансирования и людей не дали этому человеку закончить свои опыты. Будь у него те же условия, что и у Денкера он бы опередил его на пару лет. Самуил Денисович переживал по этому поводу, но триумф, поддержка коллег и родственников, дифирамбы прессы заглушали этот тонкий голос совести. На банкете в честь победителей Денкер увидел этого ученого с тривиальной фамилией Иванов. Он стоял в сторонке с делегацией российских ученых, которые выделялись тем, что состояли из явных стариков и молодых людей. Он спрятал свои сомнения, и обрадованный вновь услышанной русской речью подошёл к ним. Его холодно поприветствовали, а Иванов замер, опустив глаза вниз. Денкер ещё в молодости считал его самым талантливым из всей группы. Он посмотрел на него и, сверкая глазами промолвил:

- Поздравляю вас Самуил Денисович. Вы блестяще реализовали научные гипотезы российской науки, присвоив их себе, а скорее продав.

Он отошел в сторону. Вслед за ним по одному растворились и другие. Кто-то последовал за Ивановым, кто-то, сделав извиняющееся выражение лица, отошел в сторону. Денкер остался стоять один, испытывая ужасную неловкость и душевные муки. Он потом не мог вспомнить, как прошел остальной вечер. Наверное, он фотографировался и общался с прессой. Этот день остался в его памяти самым тяжелым из дней его долгой жизни.

От тяжелых воспоминаний его отвлекла порхающая лаборантка Нина. Она принесла коробку с образцами горной породы, а так же закатила большую тележку, где помещались так называемые странные вещи. Учёный бегло посмотрел на документы и поспешил к корзине. Аккуратно, одна за другой, он рассматривал содержимое. Оловянная сверкающая ложка, дверная ручка от которой било током, непонятный сгусток болотного цвета, висящий в воздухе камень. Денкер достал оборудование и начал рассматривать и зарисовывать каждый предмет. Он делал

все эти действия энергично и со знанием дела. Ниночка подумала, что старик не такой уж и простофиля, а вполне себе учёный. Работа закипела.

Беккер знала о дне рождения Сергея и очень удивилась, что уже вечер, а он у неё так и не появился. Конечно, он мог в это время тусоваться с друзьями, но своей женской интуицией она чувствовала, что что-то не так. Она быстро переоделась в удобные джинсы и футболку. Заплела волосы в косу. Кинула в рюкзак камеру, на всякий случай вдруг пригодится, и отправилась на поиски именинника. Это оказалось делом не сложным. По пути она встретила помощника следователя Алексея Зубкова и напрямую спросила его, где может быть Сергей. Немного удивленный Алексей точно назвал его координаты.

- Лодочная станция, вторая беседка. А вам он зачем?

Беккер про себя удивилась этому вопросу. Но потом, вспомнив, что старше Сергея на десять лет и в действительности, что их может связывать? С улыбкой соврала.

- Он обещал мне рассказать об одном месте зоны, где можно снять неплохой репортаж. Камера заработала, вот я про него и вспомнила.

Зубков улыбнулся и с уважением уставился на её рюкзак.

- Он вряд ли вас туда проводит. У него день рождения. Отмечает. А я вот иду на службу. Мне не повезло.

Беккер постаралась сделать сочувствующее выражение на лице, но оно получилось неубедительным. Зубков попрощался с ней, снова обратившись на вы, и удалился.

Мария была красивой женщиной, даже очень красивой, но ей не хватало только одного, но самого главного элемента красоты – женственности. То чего было в избытке у Валерии Липской любовницы мэра, не хватало журналистке. Она была красавицей, но многие мужчины не видели этого. У неё был мужской характер, манеры и способ достижения цели. Она была внутри мужчиной, но в женском обличье. При своей красоте и стати она никогда не пользовалась успехом у мужчин. В юности она воспринималась как свой парень, а в зрелом возрасте как соперник. Только влюбившись в начальника, в ней проснулось что-то лёгкое и

прекрасное. И сейчас симпатия и влюбленность со стороны Сергея тронула её женскую суть, и она не хотела потерять этого мальчика. Даже себе она не хотела в этом признаться. Она прошла пару километров до городского пруда, стараясь идти только проверенными дорогами.

На пруду было много народу, но Мария без труда вычислила местонахождения Сергея по рёву мотора его мотоцикла. Было всего шесть вечера, а он, кажется, уже был не трезв. Она по-свойски вклинилась в его компанию и подошла к Сергею. Его друзья с любопытством смотрели на неё. Воробьёв увидел Марию и, поняв её намерение поговорить с ним, со всей скорости проехал мимо, едва не задев. Мария испугалась этой выходки, но виду не подала.

«Мерзкий мальчишка, вздумал показать мне свой нрав». Он остановился в метрах десяти от Марии, и злобно сверкая глазами, смотрел на неё. Она улыбнулась самой обаятельной из своих улыбок, но глаза оставались серьёзными. «Что на него нашло? Будто нарочно хочет сделать мне больно. Ревность?» Сергей завёл мотор и, рисуясь перед несколькими зрителями, крутился на месте. Мария незаметно подтянула ремни рюкзака, чтобы удобно было его скинуть с плеч. Он начал вновь ехать по направлению к ней, но уже медленнее, чем в прошлый раз, что было ей на руку. Быстрым едва заметным жестом она перебрала тяжесть рюкзака на руки и, взявшись обеими руками за ручки со всей силы, на которую только была способна, она обрушила рюкзак на Сергея. Тот от неожиданности и силы удара покачнулся и упал на песок. Мотоцикл, проехав несколько метров, уткнулся в здание беседки и упал. Один из приятелей Сергея заглушил его. Мария подошла к лежащему Сергею и подала ему руку.

- А теперь давай отойдём и поговорим по душам.

Воробьёв с восхищением смотрел на Марию и послушался. «Вот и хорошо. Вот и молодец. А теперь будь хорошим мальчиком расскажи мне, что тебя так разозлило».

Через полчаса они шли мирно по парку и беседовали. Сергей протрезвел и развеселился. Мария флиртowała, как могла. Пережитый стресс все же подействовал и на неё.

- Я дурак конечно. Как подумаю, что могло произойти.

Аномальная зона. Герт С.И.

Сергей тряс своей белокурой головой и активно жестикулировал руками.

- Просто день не задался с утра. С отцом поссорился. Он всё мечтает видеть меня серьезным человеком в костюме и при подчиненных.

- Разве он желает тебе этим зла?

- Нет. Но он мог прислушаться ко мне. У меня своя жизнь, у него своя. Зачем лезть туда, где тебя не ждут и ни о чём не просят? А ты часто ссорилась с родителями? С твоим характером ты не давала им спуска.

- С мамой я не общаюсь. Она бросила меня, когда мне исполнился год. Отец во второй раз женился и весь ушёл в свою работу. Я думаю, он не любил мою маму и меня тоже. Я была для него обузой. Единственная, кто пытался заниматься моим воспитанием это моя мачеха Ольга. Я обращалась с ней как с врагом, а она оказалась единственным человеком, любившим меня такой, какая я есть. Сейчас на зоне я часто о ней вспоминаю. Если выберусь обязательно приеду и обниму её.

Сергей сконфузился. Он не ожидал, что услышит такой ответ.

- Мои родители другие трясутся надо мной словно я птенец желторотый. Извини. Я не хотел, чтобы ты грустила.

- Я? Нет. Как я могу грустить в твой день рождения?

Она подошла и обняла его. Он поцеловал её в щеку и ушко.

- Значит, говоришь, что на зоне ты ни с кем не встречаешься.

Мария чуть не рассмеялась от наивности этой фразы. «Встречаешься?!

Спрашивай, так как думаешь на самом деле. С кем ты спишь Мария Федоровна Беккер? Если не возражаешь, то пусть твоим любовником буду я. Я возражать не буду, кто устоит от искушения».

- Ни с кем. И даже бедный верный муж Потёмкин не делал мне намеков сексуального содержания. Клянусь этим знаменательным днём.

Она вырвалась из его объятий и вытащила камеру из рюкзака. Она начала снимать кружащегося Сергея. Он посылал ей воздушные поцелуи и, обняв её, повалил на мягкую траву. Камера успела снять кусочек голубого неба. Оторвавшись от его пылких поцелуев Мария, прошептала на ушко:

- В рюкзаке бутылка шампанского из старых запасов, стаканчики и шоколад.

Доставай. Будем праздновать.

Аномальная зона. Герт С.И.

Сергей расстелил в пустынном месте куртку и плед. Влюбленными глазами смотрел на танцующую Марию. Увлеченные друг другом они не обратили внимания на толчки слабого землетрясения. И конечно у Сергея совсем испарилось из головы, что ещё одна девушка собирается на свидание с ним.

У Кати от счастья кружилась голова и она изо всех сил пыталась спрятать свою ликующую улыбку за внешним спокойствием, но это у неё не совсем получалось. Она старалась одеться нарядно и эффектно, но так чтобы он не заметил её старания. Девушка даже накрасила глаза тушью и подвела их подводкой, свежевывмытые волосы струились по плечам. Она стала походить на длинноногую модель с подиума, если бы слегка не сутулилась.

Она торопливо бежала по тропинке, хотя и не опаздывала, ей хотелось осмотреться на месте и перевести дыхание. Свежий ветерок трепал складки лёгкого летнего платья. Вокруг все пело, порхали бабочки и даже чьи-то полу общипанные курицы клевали траву. Катя не сразу почувствовала, как вокруг всё стихло. Тревожный крик петуха, подзывающий своих подруг, тревожно раздался в воздухе. Затем послышался лёгкий крик, похожий на вздох, который произвела земля. Грунт под ногами начал трястись. Катя упала и со всех сил вцепилась в дерево. Толчки земли усиливались и вскоре превратились в настоящее землетрясение. Оно длилось пару минут, но для Кати оно показалось вечностью. Слышался треск деревьев и сооружений. Девушка про себя проговаривала слова молитвы. Она была страшно напуганной.

Все стихло так же неожиданно, как и началось. Катя поднялась с Земли и отряхнулась. Ссадины на руках отозвались ноющей болью. Она сделала несколько шагов вперёд но, увидев трещины, которые словно язвы образовались на земле, повернула назад, чтобы обойти их стороной. Идти вперед было бы опасно. Вернувшись на улицу, она обнаружила все в таком же состоянии, как и полчаса назад.

«Видимо толчки здесь не наблюдались. Очаг землетрясения был на том месте, где была я. А если ниже толчки были сильнее? А что если Сергей тоже решил прийти пораньше?» Катя взглянула на часы. Было без четверти восемь. Она побежала к

дому Воробьевых, но завидев впереди идущую по улице Фаину Леонидовну, поспешила к ней. Она шла с большими сумками в руках. Несла учебники из хранилища.

- Фаина Леонидовна, а Сергей ещё дома? - Спросила девушка.

Воробьева поставила сумки на землю и слегка перевела дух:

- Нет к сожалению. Я только из дома. Думала, он поможет донести сумки. Но нет. Как в обед ушел, так и не появился. А ты разве не с ними на лодочной станции? Они, кажется, там празднуют.

Катя пожала в ответ плечами, не зная, что сказать. Затем протянула руки к сумкам и сказала:

- Давайте помогу. Мне по пути. Провожу вас до школы, а потом пойду на станцию.

- Вы, наверное, разминулись. Ты Катенька проследи там за ребятами, как бы они там не наделали глупостей. Сергей сегодня поспорил с отцом. Вот и убежал утром. «Из-за этого он был такой возбужденный». Они прошли улицу и продвигались по старому мосту к центру города, где располагалась школа. Летом решили возобновить для школьников внеклассные занятия, чтобы хоть как-то восстановить пропущенный в зоне учебный год. Катя донесла до порога книги и, попрощавшись с Фаиной Леонидовной, поспешила к лодочной станции. Чтобы сократить путь она решила пройти по парку. Он не был безопасным местом, но и ничего вредного за ним в последние месяцы не водилось. Катя оглядывалась по сторонам и спешила к пруду. Рюкзак со шлемом не давал ей возможности двигаться совсем уж быстро. Вдруг чей-то приятный смех раздался в тишине парка.

«Надо же и здесь кто-то из влюбленных проводит время». Она улыбнулась, но раздавшийся второй мужской голос быстро согнал улыбку с её лица. Это был голос Сергея. Катя остановилась и тихо начала пробираться сквозь кусты. Вновь раздался смех, и были слышны обрывки разговора.

- Замечательное шампанское. Ну, аккуратней не лей мимо. Отдай.

- Кто бы говорил про аккуратность.

- Хочешь попробовать...

Катя немного раздвинула кусты раскидистых кустов акации и увидела небольшую полянку, где росла старая сгорбленная яблоня. Возле неё стояли Сергей и Мария.

Аномальная зона. Герт С.И.

Они целовались. Мария держала в руках бутылку с шампанским. Они прерывались от поцелуев и делали глотки, а затем вновь бросались друг другу в объятия.

Напиток тёк по щекам и шее Марии, а Сергей ловил эти струи губами. Рядом на земле валялись пустые стаканчики и шоколадные редкие для зоны конфеты.

Сергей сжимал Марию в объятьях, а она страстно гладила его руки и спину. Затем она оторвалась от него и стала растягивать его рубашку. Они начали раздеваться.

Сергей кинул на землю куртку и аккуратно положил на неё Марию. Вскоре они забыли обо всем на свете.

Катя сама не помнила, как оказалась на прежнем месте, где её застало землетрясение. Она сидела на траве и палкой ковырялась в земле. Она знала, что сюда точно никто не сунется, и она может вдоволь наплакаться. Когда казалось, все слезы непролитые за жизнь Катей выплакались, она вытерло лицо подолом нарядного платья. На светлой ткани остались пятна черного цвета от туши.

Девушка встала с земли и неслышно отправилась в сторону дома Воробьевых. Сняв туфли, она на цыпочках поднялась к крыльцу. Там она оставила коробку со шлемом, предварительно вытащив оттуда небольшую открытку с пожеланиями.

Она спустилась и босиком побрела в сторону дома. Завтра её ожидала тяжелая смена в больнице, а заплаканные глаза будет трудно скрыть. Катя исчезла в темноте и не заметила как, отодвинув занавеску, на неё смотрят всё понимающие глаза Фаины Леонидовны, которая не могла уснуть, не дождавшись сына.

Глава 6.

Подорожников Пётр Соломонович проснулся свежим и отдохнувшим. Он попытался передать свой настрой упавшей духом жене. Он встал пораньше и постарался за свободный час сделать как можно больше дел. Наносил воды,

сложил наколотые накануне дрова в поленницу, разжёг печь. Накормил куриц и гусей. Он даже постарался приготовить завтрак и, хотя каша слегка подгорела, но всё исправила открытая банка со сгущённым молоком, подаренная Подорожникову одним из благодарных пациентов.

Вера впервые за неделю улыбнулась, когда увидела хлопчущего по хозяйству мужа, в одетых задом наперёд домашних трико. Она зажала рукой рот, чтобы не рассмеяться. Вера всегда удивлялась, как Пётр умудряется так бесшумно выполнять эти хозяйственные дела по утрам? В жизни он был человеком рассеянным и суетливым. «Наверное, он представляет, что делает человеку операцию, и у него всё получается безукоризненно». Подорожников налил чаю, и они присели к столу. Было не привычно в их наполненной больными и детьми жизни так сидеть вдвоем. Оба молчали. Им нравилось вот так сидеть вдвоем и думать о самом главном. Вере не хотелось в такую минуту рассказывать о своей беременности, чтобы не портить столь редкий момент единения. Он вопросительно на неё посмотрел, как бы спрашивая: Ты что-то хочешь мне рассказать? Вера отрицательно качнула головой. «Не сегодня, не сейчас я и сама должна привыкнуть к этой мысли».

Сзади послышались шаркающие шаги, и показалась лопухая голова сонного Володьки, он тёр глаза и выглядел спящим. Но когда он разглядел на столе заветную банку, дрёму как рукой сняло. Володька схватил табуретку и присел к столу, откинув на кровать плюшевого мишку. Пётр, задумчиво посмотрев на племянника, произнес:

- Вера, когда пойдёте за талонами заскочите на пять минут в больницу, я поставлю Володе прививку. Пришла вакцина. Только не забудь ладно? А то я закручусь.

Лицо мальчишки опять погрустнело. Но вспомнив, что раньше после прививки выдавали по батончику гематогена, вновь повеселел. Пётр Соломонович скрылся в комнате и появился уже через пару минут полностью одетый. Вера посмотрела на часы без десяти минут семь. Как всегда вовремя. Подорожников поцеловал в щеку Веру и вновь подумал про себя, что с ней творится неладное и скрылся в дверном проёме.

Улица была пустынной. Военные уже вернулись со смены, а простые жители только начали просыпаться. Пройдя несколько домов, он увидел несколько человек из лаборатории, которые под чутким руководством Бороды измеряли вновь образовавшиеся трещины на земле. «Живем как на минном поле. Со страхом за жизнь детей». Подумал врач. Вид больницы отвлек его от тяжелых мыслей. Возле обшарпанного на вид здания были припаркованы два фургона, из которых выгружали коробки с продуктами и медикаментами. Это и порадовала врача. Привезли лекарства и продукты, а это значит, месяц два они продержатся. В свои тридцать пять он был заведующий в больнице и главным врачом в городе. Это его не радовало, слишком много свободного времени отнимало. Все бумажные и организационные вопросы он оставил на своих помощниках, а сам сосредоточился на медицине. Он был хирургом от бога, гений и талант. Но никто не обращал внимания на то, что он много и усердно учился и сколько усилий он прилагает к работе.

Пройдя по коридорам, и встретив одни знакомые усталые лица, он прошел в ординаторскую и переоделся в чистый белоснежный халат. За столом сидела медсестра Катя и что-то вписывала в истории больных. Она протянула карточки ему в руки, и они пошли на утренний обход, начиная с тяжелобольных.

- Сегодня умер электрик Вронников. Так и не пришёл в сознание. Новенькая Ольга проревела всю смену.

- Я поговорю с ней.

Пётр Соломонович не терпел слез и эмоций в своей профессии. Он любил выдержанность и профессионализм. За это он и брал себе в ассистенты талантливую и усердную Катю. Она быстро училась и имела легкую руку и очаровательную улыбку. Была не обидчивой и воспринимала порой тяжелую критику Подорожникова с достоинством.

- Вы, кажется, тоже расстроены? – Спросил доктор.

- Я. Э. Просто плохо спала. Бессонница. Мне бы больше ночных дежурств в этом месяце. Днем я засыпаю лучше.

«Опять отчим буянил всю ночь и не давал девочке выспаться». Подумал Пётр Соломонович с раздражением. Он был в курсе жизни людей из своей команды.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Катя как вам удобнее.

Они шли палата за палатой, где располагались больные. Катя каллиграфическим подчерком записывала состояние больного и рекомендации. Больница на зоне сейчас выглядела так же, как сто лет назад. Перебои с электричеством, часто не работающие приборы и оборудование. Дефицит всего: продуктов медикаментов, людей. Кроме того добавились неизвестности зоны. Незаживающие раны, новые заболевания и панические страхи населения. Часто небольшая болячка воспринималась, как смертельное заболевание, а серьезные вещи обнаруживались слишком поздно. Настольными книгами для Подорожникова стали труды врачей, которые описывали свои наблюдения и практику во время первой и второй мировых войн.

- Пришёл в себя неизвестный больной. Борис Ефимович дважды заходил к нему, но он требует именно вас. Зайдете?

Подорожников рассеянно схватился за голову, когда нечаянно вытащил из кармана мятый листок бумаги.

- Катя, вы не могли бы передать курьером лекарство для учёного Денкера. Я совсем запамятовал. Он живет в доме мэра. Вот вам список. А с больным я сам.

- Хорошо.

Врач взял историю болезни неизвестного и зашёл в палату. Больной лежал с закрытыми глазами, окно было плотно занавешено. Подорожников склонился над больным и начал измерять ему пульс, он открыл глаза, и выражение радости промелькнуло в его налитых кровью белках глаз. Он схватил руку врача и заговорил:

- Петя, Петечка. Как я рад тебя видеть. Ты всё не шёл и не шёл. Я уже испугался, что с тобой что-то случилось.

Врач выдернул руки и, подсвечивая фонариком, стал рассматривать глаза больного.

- Петя, почему ты молчишь? Что-то случилось? Что-то с Володькой? С Верой? С детьми? Но ответь!

- У вас бред. Вы меня с кем-то путаете. Мы с вами раньше не встречались. Раз уж вы заговорили, то ответьте на вопросы. Ваше имя, возраст, место проживания?

Аномальная зона. Герт С.И.

Больной смотрел на доктора испуганными глазами. Но всё же прошептал:

- Никитин Сергей. Город Лигат. Двадцать шесть лет. Петька что ты мне голову морочишь. Неужели ты меня не узнаешь?

- Простите больной, но я вас впервые вижу.

- Впервые? А кто тебе рассек бровь десять лет назад, когда ты пришел свататься к сестре, а? А кто забыл дома свадебные кольца, а я во всю прыть торопился к загсу, чтобы Вера не узнала? Кто заснул...

Подорожников с изумлением уставился на больного, который приподнялся на кровати и орал на всю палату. Но профессионализм взял верх над удивлением. Он подошёл к пациенту и присев на стул у кровати, стал гладить раскрасневшегося больного по руке.

- Успокойтесь. Вам нельзя волноваться. Всё вспомним и выясним.

Подорожников достал из тумбочки зеркало и поднес его к лицу больного.

- Посмотрите на себя. Справа у вас странное пятно, вы не вспомните, откуда оно у вас?

Истошный крик прервал слова Подорожникова.

- Нет! Что это? Что вы со мной сделали? Где я?

Больной швырнул зеркало и, долетев до противоположной стены, оно разлетелось на мелкие осколки.

- Как вы могли! Позови Веру. Что с Володькой?

В палату залетела медсестра и сделала разбушевававшемуся больному укол успокоительного лекарства. Он затих. Пётр Соломонович нагнулся над больным и поймал себя на мысли, что-то неуловимое родное присутствовало в этом человеке. Он был слегка похож на пропавшего год назад брата его жены. Зашла медсестра и позвала его в кабинет, чтобы подписать документы. Врач бросил последний беглый взгляд на больного и вышел.

Весь рабочий день Подорожников крутился как белка в колесе, а ему еще предстояли две операции вечером. Пётр Соломонович направился в буфет. Там ему выдали пустой прозрачный суп из капусты и гречневую кашу. Доктор с аппетитом поглощал пищу. Посмотрев в окно, он заметил, как какие-то белые

мухи кружатся снаружи. «Ах да это же снег. На улице около двадцати градусов тепла и идет снег. Вот же чудеса зоны»!

Подорожников любил зиму. Снег и морозы ассоциировались у него с учёбой и знаниями. Когда мальчику Пете было пять лет, он заявил отцу талантливому весельчаку хирургу, что станет великим врачом, как и он. Отец тогда засмеялся и сказал сыну: «Чтобы стать врачом нужно много знать и хорошо учиться». «Я буду»! - пообещал тогда мальчик и сдержал обещание. Он стал отличником, много читал литературы по медицине. Обожал приходить к отцу на работу. Мать восторженная учитель музыки в консерватории только вздыхала о том, что у мальчика нет детства.

Медицина стала для него страстью. Настоящим ударом для тринадцатилетнего парня стала смерть отца. По иронии судьбы, он известный сосудистый хирург умер от разрыва сердца. Матери стало тяжело в период кризиса содержать себя и сына, но не исполнить его мечту она не могла. Они наняли репетиторов, и Петя без труда поступил в медицинский институт в соседнем региональном центре. Пётр со второго курса стал подрабатывать на скорой помощи. Через пару лет профессора врачи заметили упорного и талантливого студента и стали ему помогать. Все восемь лет обучения и аспирантуры пролетели для него незаметно. Умерла мать, промелькнуло несколько романов, которые не закончились ничем. Девушки не были готовы делить его с более привлекательной соперницей медициной. После аспирантуры он принял решение вернуться в родной город, несмотря на заманчивые предложения со стороны больниц. Приехав и поселившись в пустую квартиру, он заскучал. Начал заводить знакомства. В соседней квартире жила шестнадцатилетняя девушка по имени Вера, которая влюбилась в него безоглядно. Её не смущала ни его одержимость наукой, рассеянность и заурядная внешность и советы друзей, которым не понравился взрослый тихий врач. Но Вера была упорным человеком, и постепенно ей удалось приручить и влюбить в себя застенчивого Петра. Она умела быть незаметной, когда это было необходимо, внимательно слушать его монологи, когда ему требовался слушатель.

Первая любовь редко бывает счастливой, но им повезло. Вера, после выпускного вечера расставшись со школьной жизнью, рассталась и с девственностью в

квартире Подорожникова. Она поступила в Педагогический институт и переехала к любимому. Родители старых принципов, устав спорить с ней, и видя рассеянные влюбленные глаза Петра, молили их только об одном. Расписаться. Как только Вере исполнилось восемнадцать, они позвали к скромному столу друзей, в основном Вериных и сыграли нехитрую свадьбу. Подорожников очень любил свою жену и не жалел ни о чём. Задумываться не пожалела ли об этом Вера он не хотел. Он понимал, что на молодую девушку свалилось слишком много. Заболевшая парализованная мать, смерть отца, племянник, дети и редко бывающий дома муж. Он посмотрел в окно на кружившийся снег и направился в ординаторскую, чтобы просмотреть истории болезни и анализы оперируемых больных. Входя в комнату, он услышал тихие девичьи всхлипывания из угла. Повернуть назад было не прилично, и он прошел внутрь, взял со стола документы и сел. Катины всхлипывания прекратились, и он услышал шелест переворачиваемых страниц книги. Он почитал немного и, взглянув на часы вышел. Как только закрылась дверь, Катя вылезла из своего угла за шкафом и тщательно умылась. Ей было неудобно своих слез. Это было не уместно перед операцией. Взглянув на столик, она улыбнулась. Рядом с её кружкой лежала, словно забытая врачом Подорожниковым, большая шоколадная конфета.

Пётр Соломонович увидел идущую Веру с детьми еще из окна ординаторской и, вспомнив о криках неизвестного больного, поспешил к входу, чтобы перехватить их. Вера была в прекрасном настроении, только Володька стоял с испуганным обреченным выражением лица, как человек, которого привели на собственную казнь. Пётр Соломонович повел их в противоположную сторону от палаты буйного больного. Быстро поставил Володьке укол и сунул ему в руку кружок аскорбинки. Он постарался поскорее вывести их из здания.

- Ты хочешь поскорее от нас избавиться? - Полушутя произнесла Вера.

Подорожников поцеловал её в щеку и прошептал на ушко:

- Все в порядке. Поговорим дома.

Они ушли. А Пётр Соломонович решил, что стоит рассказать жене о происшедшем. Может быть, она сможет объяснить действия этого человека.

Денкер еще утром не мог с уверенностью сказать выполнит ли он просьбу невидимого существа, написанную на пишущей машинке. «Приходи через десять дней в одиннадцать вечера на болото смерти к красному камню». Было в ней написано. Только этот документ доказывал, что он не сумасшедший. Последние два дня он искал повод забыть об этом, не послушаться. Но даже организм его не поддерживал. Третий день не было и намека на боль. Денкер был уступчивым, мягким человеком и он решился. Раздобыл в доме мэра карту и, промучившись полчаса, отыскал искомую точку.

Тщательно осмотрев путь до неё из дома, он решил, что без проводника ему не справиться. Находящийся рядом Мирон, который с благоговейным блеском в глазах смотрел на него не подходил. Он напоминал неуклюжего рассеянного самого Денкера. Попросить мэра выделить ему человека он стеснялся. Возникнут ненужные вопросы, на которые придётся отвечать. Да и несколько встреч со злобным начальником охраны Танаевым привели его в трепет.

Наконец само провидение послало ему нужного человека, когда он совсем отчаялся. Утром на пороге дома возникла худощавая фигура помощника следователя Алексея Зубкова. Увидев Денкера, он отрапортовал:

- Мне доверили осуществить с вами ознакомление с местами зоны.

На самом деле была небольшая цепочка из людей, которые передоверяли другим эту почетную миссию. Крайним оказался гордый Зубков свято верящий, что именно его имя всплыло в памяти мэра, когда он искал провожатого. Денкер обрадовался, не увидев на Алексее военной формы и засуетился, собирая вещи.

Осмотрев вблизи некоторые опасные места на аномальной зоне, они потратили на это почти шесть часов. Денкер старательно всё зарисовывал в свой блокнот и задавал Алексею неожиданные вопросы. Зубков уже уставший от прогулки был рад, когда Самуил Денисович своим запинаящимся голосом проговорил:

- Алексей, мне кажется, на сегодня хватит. А то я вас совсем утомил. Да и моему мозгу enough информации.

Алексей расправил плечи. И чуть не подпрыгнул от радости. У него осталась вторая половина дня и вечер, чтобы провести их с друзьями. Но Денкер продолжил:

Аномальная зона. Герт С.И.

- Но у меня будет к вам маленькая request. Вы не могли бы сопроводить меня сегодня ночью к красному камню?

Алексей не умеющий скрывать свои чувства нахмурился. Учёный продолжил просящим голосом:

- Не совсем ночью, часиков в десять, одиннадцать. Я могу заплатить талонами.

Отказать Денкеру было равносильно для Алексея, как отказать родному дедушке.

- До камня идти минут двадцать-тридцать. Только ночью это делать опасно.

Ничего мы справимся.

- Good. Отлично тогда на этом же месте буду вас ждать в десять пятнадцать.

Денкер чуть не пустился в пляс, как ребенок так он обрадовался. Он был по природе трусоват. Алексей попрощался и побежал догонять увиденного вдалеке Сергея. Денкер сел на бревно, исполняющее роль скамейки и стал рассматривать прохожих.

С возрастом он сильно изменился. В юности он бежал по жизни и не думал ни о чем кроме науки, но в зрелые года он словно почувствовал дуновение времени и стал ценить моменты. Люди спешили по своим делам. Грустные или улыбающиеся, каждый жил своей жизнью, которую пока не смогла разрушить даже суровая аномальная зона. Самуил Денисович засмотрелся на красивую темноволосую женщину в окне булочной. «Кто знает, может это мой последний день? Что ожидает меня ночью?»

Ровно в десять вечера Денкер с небольшим пакетом в руке ожидал Зубкова. Он уже несколько раз думал по пути повернуть назад, но детское любопытство пересилило. Самуил Денисович накануне разобрал по винтикам пишущую машинку и не обнаружил в ней ничего сверхъестественного. Зубков немного опоздал, но принес с собой прибор, который всеми правдами и неправдами выклянчил у Мережкина. Тот отдал его только, чтобы Алексей отстал.

- Добрый вечер. Посмотрите. С ним нам теперь ничего не страшно.

Денкер с сомнением посмотрел на странный прибор, но промолчал. Решили пойти самым коротким путем. Алексей чувствовал себя главным в этой двойце и болтал безумолку.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Сейчас мы пересечём частный сектор. Здесь кстати недавно видели чёрного человека. А вы же не в курсе событий. У нас в городе живет маньяк. На его счету уже шесть жертв. Он перерезает им горло, а потом распарывает живот разрезом в виде креста. Жуть. Мы с Мережкиным сейчас расследуем это дело.

Денкеру почудилось, что на него смотрят враждебные глаза. Он начал оглядываться.

- Да вы не волнуйтесь. Он сейчас притих, и не будет нападать какое-то время.

- Я и не боюсь. Просто осматриваюсь.

Но зубы у Самуила Денисовича предательски застучали.

- Здесь живет старик Борода. Вы знакомы с ним? Обязательно увидите. Это он стесняется к дому мэра подойти, а то он бы уже вам надоел своей болтовней. Он у нас что-то вроде местных новостей. Всё про всех знает. Может болтать часами.

Прибор в руках Алексея завертелся, но вскоре затих. Они продолжили движение.

- Здесь живет доктор Подорожников со своей семьей.

- Мы с ним знакомы. Splendid специалист.

Они подошли к забору из колючей проволоки. На нём висел ромб зелёного цвета. Рядом была проделана дырка и протоптана свежая тропа. Денкер вопросительно взглянул на Зубкова.

- Дальше мы пойдем сквозь территорию завода, а затем выйдем к лесному массиву. Удивляетесь тому, что люди здесь ходят? Ведь если обходить метров на двести дальше будет. Да зеленый ромб это относительно безопасно. Главное обойти игольчатые кусты. Вы привыкнете.

Денкер вспомнил, как перед прибытием в зону ему показывали экспонаты из зоны. За стеклом рос безобидный кустик. Только иногда он выплевывал из своей коры ядовитые иголки размером с ладонь.

- Яд смертельный?

- Что вы нет. Хотя да, если вовремя не промыть раствором соды с солью. У нас несколько человек погибли, пока не додумались. У меня всё с собой.

Зубков похлопал рукой по рюкзаку. Территория завода была жуткого вида. Везде валялся мусор. Возле старого здания стояли две машины с разбитыми стёклами и без колес. В полуразвалившемся ангаре, едва прикрытые брезентом стояли

Аномальная зона. Герт С.И.

новенькие танки, блестя своими дулами. У Самуила Денисовича от удивления очки полезли на лоб. Там находилось много танков. Очень много. Около двухсот.

- Не ездят собаки. Нет топлива для них.

Они прошли дальше, и Денкер услышал из недр завода музыку. Звук стал более отчетливым, и он уже мог расслышать слова. Это была старинная колыбельная. Такую пела его мать.

- Вы слышите музыку?

- Музыку?

- Да. Там внутри кто-то поет колыбельную.

- Я ничего не слышу. Вы уверены?

Зубков схватил за рукав учёного и поволок его к дырке в заборе. Он и сам начал слышать звуки и очень перепугался. Это были слуховые галлюцинации. Услышав их, на зоне следовало бежать без оглядки, только в голове у Зубкова вертелись слова из старой песни Дельфина. «Открой мне дверь, и я войду и принесу с собою осень». Они пробежали метров двести от завода и лишь тогда остановились.

- Самуил Денисович, когда вы в следующий раз услышите что-то подобное. Бегите и не останавливайтесь. Этот голос может вас уничтожить. Все кто шли к источнику звука не возвращались. Это обманка зоны. Каждому человеку слышится его любимая музыка.

Денкер поёжился. «Оказывается, я ничего не знаю про выживание в зоне. Людям снаружи эта информация не интересна. Их волнуют материальные вещи». Они пересекли небольшой сосновый лес. Хотя лесом его назвать было сложно. Он весь был засыпан мусором. Но запах смолы перебивал прочие ароматы.

- Осталось пройти всего вон до того одноэтажного дома, за ним мемориал в честь погибших в Великую Отечественную войну. Это и есть Красный камень.

- Удивительно.

- Самуил Денисович, а вы верите в то, что где-то на территории зоны есть заветная комната, в которой сбываются все желания?

- Как в книге у Стругацких. Не особо. А у тебя есть заветное желание? Наверное, хочешь выйти отсюда на «большую землю».

Аномальная зона. Герт С.И.

- Желание есть. Только не то, что вы сказали. Жить можно и здесь, главное ведь с кем и как?

Денкер слегка покраснел, он не ожидал такой глубины в этом простом парне. Они подошли к пустынному мемориалу. Вокруг стало совсем темно, и только едва различимая на небе луна давала немного света. Памятник представлял собой грустное зрелище. Несколько плит с именами погибших были разворочены и валялись в грязи. Денкер аккуратно ступая по брусчатке, подошёл к монументу – большому валуну из бордового камня. Проволочки у прибора в руках Алексея отчаянно завертелись. Он крикнул в спину Денкера:

- Пожалуйста, давайте быстрее смотрите, что вам нужно и уходим отсюда.

У профессора закружилась голова, и он быстро подбежал к валуну. В воздухе послышался звук сирены. Он оббежал вокруг, посмотрел на камне и только с третьего обхода вокруг заметил небольшое углубление у основания плиты. Там сверкнула от света фонарика скрепка на коробке. Денкер быстро нагнулся и вытащил её. На крошечном клочке бумаги было написано: Денкеру С.Д. Он сунул коробочку в пакет и побежал к Зубкову. Но тот отчаянно крича и размахивая руками, бежал к Денкеру. Вдалеке слышался отчаянный лай и шипение. Зубков подбежал к Денкеру и, схватив его с какой-то нечеловеческой силой, затащил на монумент. Теперь они были в полутора метрах от земли, и профессор, протерев очки, смог рассмотреть опасность. На них надвигалась стая волков. Денкер мог поклясться, что они были более крупными, чем их лесные собратья.

- Откуда здесь волки? - Закричал Самуил Денисович.

Волки, сверкая голодными глазами, подошли ближе и стали прыгать на гладкую плиту монумента, пытаясь их достать.

- Не знаю, но если они до нас доберутся, нам несдобровать.

Зубков достал из кобуры пистолет и выстрелил в воздух. После двух осечек, наконец, раздался выстрел. Волки завyli и стали прыгать выше, пытаясь их укусить.

- Стреляй в них. - Крикнул Денкер.

Но Алексей, словно жалея животных, никак не мог прицелиться. Вдруг самый крупный из волков изловчился и, подпрыгнув выше, укусил Алексея за руку. Тот

закричал и наконец, прицелившись, выстрелил. Животное свалилось на землю, и немного поскулив и покрутившись, затихло. Зубков начал палить во все стороны пока не закончились патроны. У него подкосились ноги и он сел. Кровь лилась из его руки. Денкер порвал рубашку и сделал тугую повязку на руку.

Зубков начал терять сознание. Волки разбежались. Площадка была пуста. Самуил Денисович с большим усилием стянул Алексея на землю. Он закинул его на спину и потащил в сторону виднеющейся вдалеке дороги. Денкер даже не догадывался, что по незнанию протащил Алексея по самому опасному участку зоны, отмеченной красным ромбом. Но ему повезло, и они прошли по минному полю, обогнули все ловушки и оказались возле забора из колючей проволоки. Денкер залез в рюкзак стонущего в забытьё Зубкова и нашёл там кусачки. Торопясь он оступился и выронил инструмент. В кромешной темноте он стал на ощупь искать их. Вдруг вдалеке он услышал шум, похожий на цокот копыт. «Опять кажется». Но звук усилился и вдалеке он увиделдвигающийся по направлению к ним контур телеги запряженной лошадей. Профессор заорал так громко, насколько ему хватило сил:

- Помогите! Спасите! Я здесь с раненым.

Лошадка подъехала ближе и повозка остановилась. С неё соскочил мужчина и подбежал к забору.

- Что случилось. Вы кто?

- Профессор Денкер. Со мной раненый полицейский Зубов.

Мужчина говорил приятным голосом:

- Не знаю таких людей. Как вы там оказались? Там нельзя находиться!

Денкер нащупал кусачки и дрожащей рукой перебросил их незнакомцу. Тот довольно проворно прорезал дыру в заборе, в которую он аккуратно протащил Зубкова и Денкера. Он осмотрел рану, включив небольшой фонарик.

- Ему надо срочно в больницу. Помогите его положить в повозку.

Уложив Алексея в солому и начав путь Денкер, наконец, смог рассмотреть своего спасителя. Жидкие волосы до плеч, правильные черты лица, большие глаза обрамленные ресницами, небольшая борода. Одет молодой мужчина был в чёрный плащ, похожий на рясу.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Меня зовут отец Тихвин, но можете меня звать просто Валерьяном. Я батюшка в местной церкви.

Самуил Денисович удивился. «Какой батюшка, ведь ему на вид чуть больше двадцати? Но видимо его нам сам бог послал. Иначе конец».

- Как вы там оказались?

- Длинная история. На нас напали волки, пришлось убегать от них. Мы отстреливались. – Денкер выдал эти слова скороговоркой.

- Волки? Но у нас нет волков? Откуда? На зоне чего только не бывает. Хотя нет, не бывает свежих качественных продуктов. Вы как себя чувствуете?

Денкер кивнул в знак, что все хорошо и держал за руку бледного Зубкова. Они довольно быстро подъехали к больнице. Высокий худенький Тихвин к удивлению Денкера, словно пушинку аккуратно занёс Алексея в приёмное отделение. Профессор семенил сзади. Подбежала перепуганная пожилая медсестра и, осмотрев рану, побежала за доктором. Тихвин с Денкером переминались в углу. Сестра вернулась с молодой девушкой. Катя ахнула и по-женски всплеснула руками.

- Алёша!

Она сняла повязку и внимательно осмотрела рану. Затем набрав в шприц лекарства, поставила ему два укола и скомандовала санитарам:

- В перевязочную. Вы не ранены? - Обратилась она к Денкеру и Тихвину.

- Нет со мной все в порядке. А его укусил волк.

- Вы не принимали никаких сильнодействующих препаратов?

- Препаратов? – Удивился профессор.

- Наркотиков вы не принимали? - Чётко отчеканила Катя.

- Нет, конечно, по крайней мере, Алексей об этом не упоминал. А я принимаю обезболивающее средство.

Денкер стоял красный как рак и сказал название препарата. Катя отрицательно покачала головой и скрылась за каталкой. Тихвин присел рядом с Самуилом Денисовичем и похлопал ему по плечу.

- Ну не расстраивайтесь так. Парень молодой, полежит пару дней и выздоровеет. А в зоне чего только не привидится.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Вы имеете в виду, что нам волки только показались?

Он пожал плечами и, попрощавшись, вышел. Денкер остался в приемной. Ему хотелось узнать о состоянии Зубкова. Он боялся ночью заблудиться в городе, и ждал утра, чтоб добраться до дома мэра, приютившего его. Он задремал немного и проснулся, когда в приёмную влетел взъерошенный Мережкин. Он зло сверкал глазами, и казалось, сейчас задохнется от возбуждения. Следом появилась, сверкая объективом камеры, не выпавшаяся Беккер Мария. Она встала перед красным как вареный рак Денкером и начала свой репортаж. Правдин, немного поколдовав с камерой, начал снимать. Сергей стоял в сторонке с взволнованным видом. Зубков был его другом. Беккер сказав вступительное слово об опасности на зоне начала задавать вопросы учёному.

- Это правда, что вы пересекли самый опасный участок зоны с раненым на руках? Поделитесь своими впечатлениями.

Денкер что-то промычал в ответ. Мария задала ещё несколько вопросов и получила на них такие же несурзные ответы. Мария поняла, что ничего сейчас не вытянет от трясущегося учёного и заспешила снять небольшой репортаж о жизни больницы. Сказав Денкеру, что задаст ему вопросы позже, она удалилась. Сергей присел на лавочку рядом со следователем Мережкиным. Его тошнило от запаха больницы. Павел Сергеевич, наконец, дал выход гневу.

- По какому праву вы потащили его в тот опасный участок. Если вам так надо было, то позвали бы меня. Мне всё равно как погибать, я одинок. А он молод и на нём мать. Как можно быть таким безрассудным!

Выложив все это, он присел рядом с Денкером.

- Не обижайтесь, конечно. Я ценю ваш авторитет в науке. Но полученные увечья не вяжутся с ознакомительной прогулкой!

Денкер только сейчас вспомнил, что в пакете, привязанном к куртке, сейчас лежит нечто, возможно опасное.

- Извините, но судя по тар в том участке не было ничего опасного. К тому же волки!

- Ничего смертельного днем, а не ночью! Там зелёная зона, которая граничит с красным участком. Вы знаете, что бывает в зеленой зоне? Галлюцинации. Это и

Аномальная зона. Герт С.И.

случилось с вами. Никаких волков в зоне нет. На вас напала стая голодных собак, которые показались вам чудовищами. Они наелись галлюциногенных грибов и напали, вы тоже нанюхались их, когда проходили мимо. Ваше счастье, что вы быстро оттуда выбрались.

Денкер опустил голову. Он не знал, что и сказать. Вошла Катя и сообщила, что Алексей спит и что через день его выпишут. Сергей подскочил с места и подбежал к девушке. Сквозь бледность лица Кати выступил румянец. Мережкин сразу же повеселел и, извинившись перед Самуилом Денисовичем, позвал его завтракать. Сергей спросил у медсестры:

- Как там он?

- Все в порядке будет. Зря подняли такой шум. Хотя он конечно дурак. Так рисковать.

- Можно к нему пройти?

- Он спит и проснется часов через десять. Приходи потом. Кстати извини, что не пришла тогда на гейзеры. Ну, тогда в твой день рождения. Вызвали в больницу.

Катя понимала, что её обман легко может открыться, поговори он с матерью, но все равно соврала. Сергей, вспомнив о том несостоявшемся свидании тоже выпалил:

- Ничего. Мы тогда с парнями сильно напились. Даже хорошо, что ты не смогла прийти.

Обоим было неловко по разным причинам, и они стояли, молча опустив глаза в пол. Наконец Сергей весело проговорил:

- Представляешь, мне отец подарил шлем для мотоцикла. Почти новый! Правда он не сознается. Но я знаю, что это он. Больше ведь некому мне дарить такие подарки. Хочешь, покажу?

- Мне пора. - Проговорила Катя и ушла.

Сергей снова присел на лавочку, дожидаясь Марию.

Беккер Мария сидела за рабочим столом и просматривала присланный Потёмкиным материал. Она одновременно курила и отхлебывала кофе из кружки. Материал был сенсационный и не предназначался для посторонних глаз. Поэтому

Аномальная зона. Герт С.И.

когда на пороге появилась высокая фигура Правдина, она быстро переключила на другую запись. Михаил слегка косолапой походкой подошёл к Марии и протянул ей кассету.

- Здесь различные записи людей и пейзажей зоны. Будет уместно их вставить в твой фильм. Они должны оживить картинку.

Правдин подошел к чайнику и начал наливать кипяток в кружку, напевая напев лезгинки.

- В тебе заговорил великий режиссер? Ностальгируешь о съемке свадеб?

Мария включила запись и с экрана на неё смотрели веселые лица детей, прогуливающих по парку, затем картинка сменилась и на экране появилась раскуроченная земля и стоящая плачущая женщина. Потом последовала яркая запись извергающих огонь гейзеров. У Правдина был талант к съемкам, он был хорошим оператором. Но Беккер, отчего то всегда хотелось его обидеть.

- Бред какой-то. Ты думаешь, стоит это вставлять в мой материал?

Правдин насупился и, потрогав свою небритую светлую щетину на лице, ответил:

- Твой фильм от этого только выиграет. У него появится душа, а не голые факты.

- Фильм должен стать бомбой, иначе все усилия будут напрасные. И мы отсюда не выберемся.

Правдин показал пальцем на рыдающую женщину с трупом мальчика на руках. Он угодил в ловушку зоны. Затем шли кадры с одичалыми беспризорниками.

- Вот это бомба. Слезы, эмоции, горе. Только это может тронуть простых людей, а не взрывы и жареные факты. Нужно давить на человечность. Кому я это объясняю!

- Не кипятись. Я высказываю свою точку зрения. Возможно, ты и прав. Господи как же хочется на волю. Осточертело всё, хочется свободы и нормального кофе.

Правдин приобнял сзади Марию и стал массировать её плечи.

- Мы выберемся. Отправим фильм и получим пропуск на волю. Я тоже скучаю по своей семье.

Семья Правдина была эвакуирована в первую неделю бушующей стихии. Сейчас он уже год не видел своего ребенка и ужасно скучал. На экране картинки менялись одна за другой. Катя в перевязочной палате. Правдин снимал её потрясающей красоты глаза крупным планом. Потом руки Подорожникова, рассеянного Денкера

Аномальная зона. Герт С.И.

и улыбающегося перевязанного Зубкова. Затем появился едущий на мотоцикле, весь завешанный коробками Сергей и приветливо махал рукой камеру.

- Твой кавалер! Скажи, зачем тебе этот пацан?

Беккер скинула с плеч руки Михаила.

- Я не монашка. Не спать же с тобой!

- А в прошлый раз тебе понравилось.

- Я была пьяна. А ты что ревнуешь?

Правдин ухмыльнулся, допил чай и собрался домой. Он вышел, и Мария подождяв пять минут вновь включила кассету Потёмкина. На экране появилось изображение ангара завода. Человек явно снимал маленькой скрытой камерой. Вокруг на рольгангах стояли огромные ящики. Их было так много, что они смотрелись как монолитная стена. Затем возле ящиков закопошились люди. Один из присутствующих вскрыл коробку, там лежали крупные снаряды, в другой лежали винтовки и запаянные пробирки с веществом. Затем на какое-то время изображение пропало, и когда появилось вновь, на записи отчетливо виделся профиль мэра склонившегося над контрабандой.

«Интересно как Потёмкин умудрился заполучить такой компромат»? Затем изображение сменилось, и теперь экран показывал череду взрывов над химическим заводом и нескольких человек одетых в военную форму бежавших с опасного места. В дверь постучали, и Мария быстро выключила проектор. На пороге стоял сияющий Сергей. Он подошёл к Марии и, обняв её, прижался к ней губами. Беккер попыталась отстраниться.

- Подожди, подожди у меня к тебе дело!

Он взял её на руки и понёс к кровати. Уложив её, он стал быстро раздеваться.

- Какие могут быть дела? Всё потом.

Мария окунулась в жар его поцелуев и забыла обо всём.

Сергей не торопясь ехал по улицам города. Все коробки он развёз и теперь ехал к администрации, чтобы повидаться с отцом. Уговоры отца, желанный шлем и тонкие просьбы намеки Беккер, которая мечтала иметь своего человека в администрации города, сделали свое дело. Сергей решил сменить работу и

Аномальная зона. Герт С.И.

послушаться отца. Еще неделю назад он и слышать об этом не хотел, а сегодня был согласен. Сергей был быстр на решения и легко поддавался внушению. К тому же случай с Зубковым, который со страшной болью валялся в больнице, окончательно убедил его заняться более безопасным и прибыльным делом.

Он припарковал мотоцикл и, пригладив волосы, подошёл к пункту охраны. Сергея всегда удивляло количество военных в городе. Что в Лигате такого охранять, он не понимал. Ему выдали пропуск, и он зашёл внутрь. Администрация не пострадавшая от воздействий зоны выглядела величественно. Он поднялся по лестнице на пятый этаж, лифты здесь, как и везде не работали, и постучал в кабинет отца. Отец весь сиял неприкрытым счастьем. Он обнял его и, посадив рядом, сунул ему анкеты для заполнения. На столе у Валерия Васильевича стояли детские фотографии Сергея и его брата Вадика.

- Пока будешь помощником у моего зама, войдешь в курс дела, а потом посмотрим. Конечно работа у нас скучная, бумажная, но и для твоих талантов найдётся применение. Я поговорил о тебе с Рудольфом Владимировичем, поэтому эти анкеты просто формальность.

Сергей, оглядевший тесный кабинет и обилие бумаг на столе, засомневался, но продолжал писать.

- Зарплата у тебя будет несравнимо больше, правда и работать придётся больше.

В кабинет без стука ввалилась массивная фигура Танаева Петра Васильевича. Он подошел к столу и, протянув руку, гаркнул:

- Давай.

Отец засуетился и, вытащив из сейфа папку, протянул ему в руки. Начальник ВС в это время с наглой усмешкой рассматривал Сергея.

- Твой? - Ткнул он в него пальцем.

Отец кивнул.

- Ничего. - Сказал он и исчез в дверном проеме.

- С ним нужно быть аккуратным. Не связываться. А кроме Танаева и нескольких субъектов у нас неплохой коллектив.

Сергей удивленно уставился в закрытую дверь и передал отцу бумаги.

- Все заполнил. Я пойду тогда?

Аномальная зона. Герт С.И.

- Иди. Готовься через неделю выйти на работу. И попроси мать пусть купит тебе костюм и рубашки. В таком виде сюда ходить не стоит.

Сергей начал осматривать свои потёртые джинсы и куртку с капюшоном.

- Да сын в жизни придётся чем-то жертвовать.

Довольный Сергей заспешил к выходу. Он торопился к Марии, чтобы сообщить ей радостную новость. Ей понадобилось немало хитрости, чтобы убедить его согласиться с отцом. Пролетая через лестничный пролет, он наткнулся на ещё одного человека, который явно не соблюдал дресс-код. Он был одет в непонятный кожаный комбинезон. Сальные волосы торчали из элегантной шляпы, в довершении всего он курил.

- Поберегись! – Прокричал несущийся по лестничному пролёту Сергей.

Незнакомец резким движением схватил его за куртку и остановил его бег.

- Аккуратнее малыш на поворотах. На зоне это может стоить жизни. Тем более в самом гнусном месте как администрация города.

Сергей замялся, не зная, что сказать. Необычный посетитель элегантно двинулся дальше, выплюнув окурок себе под ноги. Сталкер открыл дверь в кабинет Воробьева ногой и сразу же приземлился на стул.

- Выдай мне эту сумму.

Он протянул небольшую ведомость. Воробьев взглянул на бумажку и у него расширились глаза от возмущения.

- Всю полностью?

- Конечно. Ты не представляешь, сколько моих кредиторов ждут сейчас и с надеждой поглядывают на двери игрального дома. Смотрят, не зайду ли я.

- Зачем пришёл сам. Мы всегда отправляем тебе талоны и деньги с курьером.

- Захотелось взглянуть, как работает наша власть.

- Посмотрел!

Воробьев швырнул на стол объёмную пачку талонов.

- А теперь вымётывайся.

Сталкер приподнял поле шляпы и внимательно посмотрел на Воробьева.

- К чему такие слова. Аккуратнее. Мои дела не твои дела. Пойду, развеюсь за карточным столом с красивой женщиной в кровати. А ты работай.

Аномальная зона. Герт С.И.

Он встал и подошёл к двери.

- Шваль. - Шепотом проговорил Валерий Васильевич.

Но Сталкер всё отлично слышал.

- Встретил твоего сына на лестнице. Неплохой парень, на тебя не похож. Но если будешь лезть не в своё дело, он может и оступиться. Зона полна опасностей.

Денкер проснулся в отличном настроении. Муки совести с выпиской Алексея из больницы испарились, а боли прекратились. Он встал рано приготовил вкусный завтрак на троих и, поев, спустился в лабораторию. Помощники должны были появиться только через два часа, и он спешил воспользоваться этим временем, чтобы хорошенько осмотреть камень. Его он достал из запаянного контейнера и на первый взгляд не обнаружил в нём ничего необычного, однако прибор зафиксировал исходящие от него волны. Он положил камень на ровную поверхность и стал всесторонне его изучать. Он не заметил, как сзади раздался веселый голос Мирона:

- Доброе утро Самуил Денисович. Вы любите вставать рано или нашли что-то интересное?

Денкер встрепенулся, но прятать камень было уже бесполезно.

- Доброе утро, Мирон Александрович. Кажется, нашел. Хотя на зоне всё требует внимания. Вот собираюсь делать спектральный анализ. Не поможете?

Мирон обрадованно стал одевать халат и перчатки. Увидеть воодушевленного и кипящего энергией коллегу Денкера он не ожидал. Наблюдая его бездействие в первую неделю, он уже начал думать, что научное светило растерял с возрастом свои таланты. Они какое-то время работали молча. Профессор скрупулезно записывал результаты исследований в толстую тетрадь. Увидев удивленный взгляд Мирона, он промолвил:

- Неизвестно когда, что пригодится. Старая привычка.

Денкер обращался с камнем, так как будто это бриллиант огромного размера. И все время расстроено качал головой, когда Мирон перечислял ему не работающие приборы.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Мы скатились здесь до уровня науки сто пятьдесят лет назад. Можно посочувствовать учёным того времени.

- Наверняка через сто пятьдесят лет будут сочувствовать нам.

Оба рассмеялись. Денкер поднёс пипетку с раствором и немного капнул на него. Камень не реагировал. Аккуратно его высушил, он продолжил с другим веществом из пробирки. Мирон стоял и, сверкая глазами из-за очков, смотрел на действия профессора.

- Вы обещали мне suggest несколько специалистов химиков, которых нужно позвать в наш штат.

Мирон покраснел. Он вспомнил о том, что когда он заговорил об этом с Рудольфов Владимировичем, тот не повышая голос, доходчиво объяснил, что люди на своих местах и нечего надеется на их помощь. «У тебя есть великий светило Денкер, вот и справляйтесь сами». Сказал он.

- Я думаю, не стоит на них рассчитывать. Так сказал Боярский.

- Думаете? Ну что ж будем разбираться сами.

Денкер внимательно посмотрел на Мирона и спросил:

- Вам неуютно в этом доме? Я заметил, что вы с тестем избегаете друг друга.

Теперь очередь покраснеть за сказанную бестактность пришла к Денкеру.

- Мы совсем чужие люди. До событий зоны мы были знакомы два дня. Потом я заболел и не смог выехать, а моя невеста не смогла вернуться в Лигат.

Оба уставились на фотографию со счастливой молодой блондинкой Ольгой.

- Знаете, мне иногда хочется совершить важное открытие, в честь её. Чтобы она там за пределами зоны могла гордиться мной и знала, как я её люблю.

Денкер не знал что сказать. Он был совсем не искушенным в любовных делах.

- Я think у вас все получится. Не навечно же вас закрыли в зоне.

Денкер поднёс ещё одну пипетку с кислотой к камню. Маленькая капелька попала на поверхность загадочного камня. Раздался чудовищный взрыв. Учёные едва успели спрятаться за защитным экраном. Тяжелый дым наполнил пространство лаборатории. Мирон, кашляя, пробрался к окну и с усилием открыл его. Дышать стало легче. Денкер и Мирон осмотрели своё тело. Если не считать незначительных порезов, то они были в порядке. Дым рассеялся, и они подошли к

столу, на котором лежал камень. От удивления они открыли рты. Он лежал в том же положении и, кажется, нисколько не поменялся в размерах. Ошарашенный Денкер схватил свою тетрадь и стал торопливо записывать. Ему было страшно даже представить, что было бы, если бы он капнул не крошечную дозу, а большее количество реагента. Были бы они живы? Швец, потирая ушибленное место и проверяя сохранность единственной пары очков, подумал о том, что, пожалуй, помощники им действительно не нужны. С их маниакальной способностью всё взрывать.

Мальчик Никитин Володя схватил свой заранее сложенный рюкзак и, воспользовавшись темнотой ночи, выскользнул из дома. На пороге он остановился, прислушиваясь, не слышно ли шагов. Но в доме все мирно спали. Володька, медленно ступая, пересек двор и вышел на дорогу. Он, повертев головой, выбрал направление и зашагал. В последние дни Володьке не везло. Тётя Вера установила над ним тотальный контроль. Ему не разрешалась гулять одному и выходить дальше от дома метров на сто, а если и разрешалась, то только с условием, что он возьмет с собой Варьку и Кольку. Но с ними идти и искать отца, не было никакой возможности. Они начинали хныкать или бегали вокруг Володи и голосили на весь район.

Володя ещё дважды видел вдалеке фигуру отца, а однажды он приходил к нему ночью и сидел рядом возле его кровати, когда Володя спал. Мальчик никак не мог понять, почему дядя и тетя категорически не хотят ему помочь в поисках отца. Он был точно уверен, что отец жив и только и ждет, чтобы он нашел его. Ночь была темной и Володя, остановившись возле памятника паровозу, залез в рюкзак. Среди вещей: старенького медвежонка, пачки печенья, ножа, веревки и куртки выудил маленький фонарик. Володька немного побаивался идти к зданию проходной завода, но именно туда звал его отец. Он осмотрелся и, не обнаружив охраны, через дыру в заборе прошмыгнул внутрь. Стояла тишина, и Володька, набравшись смелости, побежал к красному кирпичному зданию. Двери были закрыты. Он уже собрался залезть в окно, как услышал чей-то шепот за спиной. Он повернулся и не поверил собственным глазам. В нескольких метрах от него стоял улыбающийся

отец и махал ему рукой, зовя его за собой. Володька словно замороженный, глотая слезы счастья, так некстати появившиеся на лице, побежал к отцу. Тот двигался по направлению к ангару. Мальчик и сам не заметил того, как оказался внутри. Отец был рядом, только Володька никак не мог его догнать. Вдруг неожиданно с грохотом закрылись стальные двери, и мальчик оказался один в пустынном ангаре. Фигура отца исчезла. Вокруг стоял мрак, хоть глаза выколи. Володька, испугавшись до смерти заорал:

- Папа, папа помоги мне! Я здесь! Помоги!

Сзади раздался грохот и шум. Володька испуганно посмотрел туда и увидел ярко красное пламя, перемешенное с клубами дыма. Оно надвигалось на него. На фоне пламени показалась чёрная фигура мужчины. Это был не Володькин отец. Фигура злобно посмотрела на него и двинулась вместе с пламенем в его сторону. Мальчик пискнул:

- Чёрный человек!

Изо всех сил он рванул к закрывшимся дверям и в темноте набежал на чьи-то руки, которые крепко зажали его словно в тиски. Вырываясь, мальчик увидел, как вторая пара рук набирала вещество в шприц из ампулы. Затем иголка воткнулась в его руки, и он провалился в крепкий сон.

Глава 7.

Вера Васильевна спешила к зданию школы. Она опаздывала на субботник. Она как всегда задержалась, отводя детей в недавно открывшийся детский садик. Варвара с Николаем не привыкшие надолго расставаться с матерью едва её отпустили и только обещанные вечером блинчики смогли их уговорить. Подорожниковая поднялась в здание и застыла на месте. Большую классную комнату одиноко мыла Фаина Леонидовна. Она повернулась к Вере и приветливо помахала рукой. Комната представляла собой жалкое зрелище. Частично вставленные, частью заколоченные окна, отсутствие мебели и горы мусора на полу, грязные надписи на стенах. Удивительно как за год могла лучшая школа в городе прийти в такое запустение.

В первую зиму и осень зоны в городе царил паника и апатия. Все были озабочены только тем, как выжить в морозы. Отопление и электричества практически не было, вся мебель и книги пошли в качестве дров для обогрева жилища. К тому же

постоянно циркулирующие слухи о скором выходе из аномальной зоны не давали возможности, навести порядок. Дети сидели дома и мучились от скуки, кое-кто старался заниматься с детьми дома, например как Вера. Но остальные родители больше были заняты поиском дров и еды и не думали об этом. Весной мэр устав от скучающих детей, которые занимались мелким хулиганством и лезли туда, куда лезть не следовало, издал указ о начале функционирования школ с первого сентября. Учителя настояли на возобновлении занятий с августа, чтобы как-то восстановить утерянные за год знания.

- Не знала, что найдется всего два добровольца, на генеральную уборку школы. Где же хваленые преподаватели коллеги?

- Три добровольца. - Сказала вбегающая в комнату Липская Валерия одетая в лёгкое струящееся платье и сандалии в греческом стиле.

- Не ругайтесь на них, они были и ушли добывать канцтовары и учебники, и прочие вещи из складов мэра. По мне так проще тряпкой поводить. Женщины с тоской оглядели комнаты и, засучив рукава, принялись за работу. Фаина Леонидовна с гордостью заявила:

- Сережка у меня сменил работу. Наконец-то я смогу спать спокойно. Теперь он в администрации под присмотром отца.

- Я бы на твоём месте так не радовалась. Там тоже не сахар. Больше сборища волков в овечьей шкуре я не видела. - Промолвила Валерия. Не обращая внимания на идеальный маникюр, она с остервенением тёрла стену.

- Ты думаешь, там его могут обидеть? – Встревожилась Воробьёва.

- Не слушай её. Она сама общается только с этими волками. Там ему будет лучше.

И талонов больше. - Проговорила полушутя Вера.

- Как Валерию Васильевичу удалось уговорить Сергея? Он ведь, насколько мне известно, всё делает наперекор отцу.

- Он ему подарил желанный шлем.

Липкая нахмурилась и спросила:

- Разве это он его подарил?

- Ну а кто? Больше некому.

Валерия и Вера переглянулись, но промолчали. Фаина Леонидовна поспешила сменить тему.

- Как вы думаете, нас когда-нибудь выпустят из аномальной зоны?

- Разумеется, выпустят, они устанут нас кормить.

- А по-моему так ничего они и не устанут. Будут сюда отправлять народ на экскурсии, и люди из запаянных стеклянных колб будут махать нам руками и считать что мы животные под стеклом. – Пропела Валерия.

- А мы что будем стоять и махать приветливо рукой? – Ответила Фаина Леонидовна.

- А что нам еще остается. У нас же дети.

- Дети, детьми, но разве мы должны вот так безропотно сидеть и ждать пока зона один за другим нас поглотит.

- Всё образуется. Год назад мы тоже не проживали в безопасном мире. Аварии, экология, преступность. Да мы гибли ещё в большем количестве.

Вера села и скрестив руки на груди, смотрела остекленевшим взглядом в пустоту.

- Просто сейчас страшно. Мы порой не видим надвигающейся опасности. Но я иногда чувствую её суровый взгляд, направленный в мою сторону. Она, то есть смерть, словно смотрит пора или не пора забрать меня.

- И она понимает, что не пора. – Продолжила за неё Валерия.

- Как без тебя обойдется бедняга Подорожников и дети? Да и я! Ну ни как.

Женщины какое-то время работали в тишине. Когда пришла очередь побелки они вновь заговорили. Валерия спросила у Веры:

- Как самочувствие у Володьки? Мережкин не нашёл виновного?

Вера всхлипнула. Она гнала плохие мысли от себя. Три дня назад проснувшись ночью, она заметила, что племянника нет в кровати. Отсутствовал также рюкзак и его любимый, подаренный ещё матерью маленький плюшевый мишка. А без него он никуда не уходил. Вера разбудила мужа и вдвоем они стали расспрашивать соседей и прочесывать окрестности. Но найти Володьку они не смогли. Разочарованные и страшно напуганные они заглянули домой, чтобы накормить детей и увидели бесчувственное тело Володи, лежащее на пороге. Пётр Соломонович начал оказывать первую помощь и выяснил, что мальчик спит глубоким нездоровым

сном. Подорожников увидел след от инъекции. Очнувшийся Володя не смог ничего вспомнить. Только говорил о том, что видел отца живым.

- Он снова бегает и прыгает, как и прежде. Правда клятвенно пообещал не искать отца и не гулять по ночам. Только мне теперь страшно спать, просыпаюсь от каждого звука.

- Не переживай так, к тому же тебе вредно. Пей чай с мятой и витамины.

В воздухе послышался жужжащий шум, словно внезапно в комнату залетел улей пчел. Затем послышался хлопок и все листы газеты и обрывки бумаги, тряпки поднялись на метр от пола и зависли. Женщины с изумлением уставились на предметы. Через пару минут вся свалилось с неестественным грохотом. Липская вскрикнула. Вера навалилась на стену, словно теряя связь с реальностью. Но метаморфозы зоны на этом не закончились. Ярко стали излучать свет лампочки, давно перегоревшие в пыльных плафонах. Они стали синхронно мигать. Валерия не выдержав световой атаки, залезла на стремянку и выкрутила их одна за другой. Но они продолжали мигать и в её руке. Она сложила их в плотный мешок, но их сияние было заметно и через него. Валерия нервно рассмеялась и положила одну в свою сумочку. Вера побледнела и скатилась по стене на пол. Женщины подхватили её и положили на скамейку. Валерия достала небольшой пузырек и положила его в руки Подорожниковой. Воробьева забеспокоилась и спросила:

- Верочка с тобой что-то случилось? Ты заболела?

- Я жду ребенка. Ещё одного. - Проговорила Вера и села на трехногую табуретку. Фаина Леонидовна обняла её и радостно проговорила:

- Я так рада за тебя. Только дети дают нам энергию к жизни в этом кошмаре.

Вера заплакала навзрыд. Она пыталась утереть глаза и успокоиться, но видимо сказывалась беременность и она никак не могла взять себя в руки.

- Она боится, что ребенок родится неполноценным. Вы ведь слышали о детях зоны. – Промолвила Валерия.

- Не слышала, и слышать не желаю. Всё будет хорошо. Родишь здорового крепыша. А теперь кыш отсюда. Тебе вредно дышать известкой. Идите с Валерией убирайтесь в соседней комнате.

Они перешли в другой кабинет и принялись мыть, но уже с меньшим усердием.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Вера тебе когда-нибудь казалось, что жизнь здесь словно застыла и тянется, словно в замедленной съемке. Посмотри на ту яблоню. Уже конец июня, а она цветет, дурочка ведь твои яблоки не успеют вызреть.

Вера тоже подошла к окну и взглянула на молодое дерево, которое действительно цвело.

- Что с тобой?

- Мне невыносимо скучно. Я словно пустая изнутри. Ни к чему не стремлюсь, ничего не хочу.

- Так уж ничего. Я так и вижу твою пустующую квартиру по ночам.

- Он не любит меня. Вызывает на ночь как продажную девку и всё. Я для него красивая кукла. Если я поправлюсь на десять килограмм, он и думать обо мне забудет. Я перестану быть качественной вещью.

- Ты драматизируешь. Ему нелегко сейчас. Трудно управлять этим кошмаром. Вы же давно вместе.

- Возможно и так, а возможно он до сих пор любит только свою жену.

- Она давно умерла. А ты здесь и живая. Он помогает тебе, с ним тебе жить и легко и свободно.

Валерия задумчиво глядела вдаль и её прекрасные глаза озарились злым блеском.

- Ты знаешь, мне иногда хочется страстных объятий и сумасшедшей ревности и страсти. Я как Кармен. Не могу жить спокойно. Хочу чего-то настоящего.

Вера рассмеялась. Вслед за ней прыснула и Валерия.

- Страстей она захотела. Да тебе стоит прогуляться в том коротком платье и страстей будет много даже для тебя.

- Думаешь? Надо попробовать.

Валерия тщательно готовилась к походу в мэрию к Рудольфу Владимировичу. Прибрала волосы в элегантную прическу, сделала неброский макияж и выбрала самое простое, но очень ей идущее платье. Повод идти был пустяковый (плата налогов и аренды), но ей хотелось развеяться и покрасоваться. К тому же они не виделись несколько дней, и она заскучала. Она прошла по городу пешком, что было не безопасно, с неба падал холодный дождь с градом. Его на зоне не любили,

впрочем, как и грозу. Дождевая вода часто обладала странными свойствами. Она не замерзала или оставляла желтые следы на одежде и коже, которые держались несколько дней. Бывали и кислотные дожди. Грозовые тучи ввергали жителей в ужас, так как возможно предвещали новую атаку зоны.

Но сегодня птица радостно прыгали по лужам и отряхивали перья. Значит, решила Валерия погода ей благоволит. Она шла по пустынным улицам и странным образом контрастировала с патрулями военных полицейских, которые мокли по необходимости. Здание мэрии каждый раз напоминало Липской сказочный заброшенный замок. Статуи, лепнина и даже огнедышащий дракон на крыше. У Валерии был постоянный пропуск, и она, предъявив его, и одаривая всех дружелюбной улыбкой, прошла пост охраны. Она старалась идти по лестнице медленно, чтобы не запыхаться, и не вспотеть. Приемная встретила красавицу толпой ожидающих приема мэра мужчин и женщин. Кто с ненавистью, кто с плотоядной улыбкой встретил её. Она привлекла всеобщее внимание. Женщины, фыркнув про себя, подумали, что уж теперь аудиенции не дожидаться, к нему пожаловала любовница. Некоторые мужчины просто раздевали её глазами.

Валерия гордо вскинула голову и прошла к открытому окну. Она подмигнула красивой очень хитрой и умной секретарше. Та слегка кивнула ей в ответ. Теперь Липской оставалось только ждать. Она пожалела, что не прихватила книгу или журнал, возможно, придется пробыть здесь полчаса. Валерия развернулась к окну и наткнулась на увлеченно читающего знакомого из её прошлой жизни.

Теперь его было не узнать. Священник отец Тихвин Валерьян Николаевич был одет в явно великоватую ему рясу, довольно помятую. Торчащие светлые волосы до плеч были прихвачены сзади, небольшая борода с усами делала его на вид не старше, как наверняка он рассчитывал, а ещё моложе. Книгой в его руках была к удивлению Валерии не библия, а Макаренко «Книга для родителей». Валерия аккуратно задела Тихвина за плечо и он, вздрогнув, посмотрел на неё своими ясными голубыми глазами.

- Добрый день Валерия Ивановна. Извините, я вас не заменил. Прошу садитесь.

Он соскочил с колченогой табуретки одиноко стоящей у окна. На подоконник и пол долетали свежие капли дождя и оставались на коже и одежде стоящих у окна.

Поэтому Валерия и Валерьян стояли вдали от всех, одиноко.

- Ой. На улице дождь, а я и не заметил.

Валерия рассмеялась. «Теперь наверняка пойдут слухи, что порочная любовница мера спит с молодым священником».

- Может быть, вы отойдете? Промокнете.

- Ни за что. Снаружи такая свежесть. Кстати как у вас дела? Я редко с вами встречаюсь на улице.

Тихвин закрыл книгу и со всем вниманием начал рассказывать.

- Честно говоря, грех жаловаться, мы живы, приход функционирует. Только вот дикая нехватка людей. Недавно нас постигла огромная утрата. Погиб отец Димитрий. Он был для нас опорой, теперь мы словно осиротели.

Валерия слушала его в пол уха, думая про себя какой ясный и чистый взгляд. Ей сразу вспоминалось их первое знакомство. Он был тогда совсем другим человеком. Девять лет назад она спасла ему жизнь и возможно репутацию. К его чести он никогда не стеснялся своего прошлого и встретив Валерию в Лигате даже искренне обрадовался. Липская за это его очень уважала, у неё всегда спокойнее становилось на душе после случайной встречи с ним.

Познакомились они девять лет назад. Валерия работала официанткой в дорогом московском клубе. Она сразу обратила внимание на беснующую компанию золотой молодежи. Они были в наркотическом дурмане и вели себя агрессивно. Парней она видела раньше, каждый пытался пристать к красивой официантке. Девчонки были молоденькие хрупкие разодетые в дорогие вещи, но с тупыми одурманенными глазами. Среди них ей запомнилась одна. Хрупкая брюнетка с огромными синими глазами и длинными ресницами. Она была прекрасна красотой саморазрушения. Её хрупкость, бледность, чёткие линии маленького алого рта были прекрасны. Рядом с ней сидел молоденький парень. И если эту компанию она видела часто, то парень среди них был явно новенький. Он сжимал тонкое запястье брюнетки и смотрел на неё таким влюбленным взглядом, от которого даже посторонним делалось больно.

Тогда она подумала, что жизнь девчонки наверняка кончена, а вот парню надо бежать от неё как можно дальше. Домой она пошла раньше и, выйдя из клуба, она вновь наткнулась на эту компанию. Они садились в такси. Неожиданно светловолосому новенькому стало плохо, и он повалился на асфальт. Трясся в конвульсиях и извергал рвотные массы. Компания быстро забралась в машину, втолкнув совсем растерявшуюся спутницу новенького в салон. Машина умчалась. Валерия поборола желание убежать и сделать вид, что этого она не видела. Но оставлять парня, было жаль. Она наклонилась над ним. Он дышал. Валерия стала набирать номер скорой. Парень, изо всех сил вцепившись ей в руку застонал. «Родители. Нельзя в больницу». Валерия, кляня всё и всех, дотащила его до своей комнаты в общежитии и, позвав на помощь соседку, стала его откачивать. Соседка работала медсестрой в наркологическом центре, и едва взглянув на парня начала суетиться. В эту ночь Валерьян рассказал незнакомой девушке Валерии о своей любви, о родителях, о долге и служении. Валерия, которая была без сна двое суток, едва слушала эти откровения. Она запомнила только высокий сан его отца – священнослужителя. Она часто потом видела его на экране телевизора. Утром парень уехал. А через три дня на пороге её комнаты стояла немолодая стройная женщина в больших очках. Она передала ей конверт с деньгами, и едва сдерживая слезы поблагодарила. Валерия, которая в тот момент нуждалась в наличных, приняла конверт без угрызений совести. Теперь возмужавший Тихвин стоял перед ней.

- Давно ждешь аудиенции?

- Часа три. Как время пролетело.

- Рассчитываешь получить материальную помощь от власти?

Тихвин покраснел, но ответил со сдержанным спокойствием:

- Рассчитываем. Нам больше не у кого просить. У нас пятнадцать беспризорных детей в приходе. Скоро нечем их будет кормить, надо ещё и одеть и раздобыть учебные пособия. Наладить быт. А я признаться растерялся. На мне терпеть храм, а я вот беспомощен.

- Надейся.

Аномальная зона. Герт С.И.

Валерия попыталась отодвинуть от себя информацию о несчастных детях, чтобы не портить себе настроение. «Ты сам беспомощен как ребенок». Секретарша слегка кивнула Липской, выходя из кабинета шефа. Валерия коснулась красивой музыкальной руки Тихвина и промолвила.

- Удачи тебе.

Она развернулась на своих высоких каблуках и, игнорируя всеобщее возмущение, скрылась за желанными дверьми. Внутри огромного кабинета за овальным столом расположились фигуры Боярского, Потёмкина и Воробьева. Рудольф Владимирович выглядел уставшим и скучающим. Две пустые чашки кофе стояли рядом с ним. Дмитрий Валентинович Потёмкин, как всегда сверкая голливудской улыбкой, и щеголяя отличным идеально на нём сидящем костюме, встал и направился навстречу Валерии. Он поцеловал ей руку. Это было манерно, но лукавый взгляд Потёмкина заставил Валерию рассмеяться. Воробьев Валерий Васильевич сидел, погрузившись в бумаги, и что-то вычерчивал на схеме. Мэр встал со стула и, ткнув пальцем в бумагу, чтобы они обратили внимание на этот участок, отвел Липскую в сторону. Он провёл рукой по спине Валерии и по ней побежали мурашки.

- Чем это вы здесь секретным занимаетесь? Строите козни?

- Отнюдь. Спасаем жителей от непродуманных ночных прогулок.

Валерия внутренне засомневалась. «А не намекает ли он о том ночном нападении? Наверняка Мережкин всё ему выложил про Сталкера».

- Мы делаем свежую карту города Лигат. Отмечаем опасные зоны. Предоставлю и тебе копию.

- Хотелось бы взглянуть.

Валерия положила в руку Боярского конверт с деньгами, а тот улыбнулся и положил его обратно в её сумочку.

- Твои деньги вряд ли повлияют на судьбу города, а тебе точно пригодятся.

Они вернулись обратно к макету. На огромном столе были вылеплены и склеены макеты домов, пруда, парков, даже ротонда на Лисьей горе и трубы старого металлургического завода. На столешнице два на четыре метра в миниатюре располагалась вся аномальная зона. Макет был выполнен так тщательно, что

Липской на минуту он показался настоящим. Весь город при помощи иголок и ниток был разделен на зоны. В каждой располагался значок с ромбом, цвет ромбов отличался от белого до тёмно-синего оттенка.

Валерия обратила внимание на то, что её дом сейчас относится к более опасной зоне. И был отмечен оранжевым ромбом, а не жёлтым как ранее. «Впрочем, какое это имеет значение. Все ходят там, где им удобно, невзирая на ограничения.

Избегая самых опасных для жизни участков, о которых знают все». Она ещё раз посмотрела на мужчин. Боярский о чём-то смеялся с Потёмкиным, а угрюмый Воробьёв пытался вклиниться в разговор. «Похоже, он один к этому относится серьезно. Он ко всему относится так дотошно. Как эта занудность делает его несексуальным. Сухарь».

В кабинет через потайную дверь ввалился запыхавшийся потный Танаев. Он бесцеремонно кинул на кожаный диван свою куртку. Выпил воды из чужого стакана и громко дыша, подсел к столу. Валерия отвела от него глаза. Но почувствовала на себе его похотливый взгляд. Впрочем, и он, опасаясь мэра, вёл здесь себя адекватно обстоятельствам. Боярский со злостью и пренебрежением в лице скомандовал, указывая на принесенные Танаевым документы:

- Читай.

- Я? Зачем я? Вон Валерий Васильевич пусть читает. Он это умеет.

Воробьёв с возмущением оторвался от своих схем. Его задело не внимание к работе и бесцеремонность Танаева.

Рудольф Владимирович слегка наклонился в сторону развалившегося в кресле начальника охраны Танаева и процедил:

- Насколько я знаю начальник охраны и ВС у нас ты, а не Валерий Васильевич. Не так ли? Мне думается, что возможно он справится лучше тебя. Слишком много нареканий на тебя накопилось.

Наступила пауза. Липская отошла к кофейному столику и налила себе в бокал воду, Потёмкин откровенно ухмылялся глядя на пытящего от возмущения Петра Васильевича Танаева. Воробьёв с любопытством поглядывал на бумаги. Мэр стальным взглядом посмотрел на циферблат своих дорогих часов. Начальник охраны схватил со стола бумаги и скороговоркой принялся их читать:

Аномальная зона. Герт С.И.

- Помедленнее. – Ледяным голосом процедил мэр.

Пётр Васильевич сделал над собой усилие, и его речь стала более понятной.

- За последние две недели с 11 по 25 число погибло сорок человек. Шесть от естественных причин, три младенческих смерти, двенадцать от несчастных случаев, девять при пожарах, четыре убийства, три самоубийства, три по прочим причинам. Шесть человек считаются пропавшими без вести. Пять после взрывов на шахте находятся в критическом состоянии. Двое находятся на карантине в секретной лаборатории. У них обнаружена заразная болезнь неизвестной природы. Продуктов хватит на три недели, медикаментов на две, некоторых не хватает уже сейчас. Горючего на месяц. Очистительные установки воды работают на пределе, необходима замена некоторых узлов. Нехватка одежды, дров, угля, оружия и т.д. Здесь длинный список предметов вы и так знаете. Я пропущу. Информация о важных лицах города. Погиб один из ведущих врачей. Невосполнимая утрата. Вот ведь хрен Подорожников! Любит всё драматизировать. Он тут пишет о своих нуждах. Как будто мы ему с неба возьмём оборудование и персонал.

Воробьёв делал пометки себе в блокнот. Мэр смотрел на красиво изогнутый силуэт Валерии, стоящей у окна. Потёмкин явно заскучал и решил немного поддеть Танаева.

- Пётр Васильевич, ради всего святого. Избавьте нас от ваших комментариев. Просто читайте и всё.

- В рядах военной полиции тоже произошли потери. Погибло при исполнении три человека, два пропали без вести. Шесть изъявили желание перейти на более лёгкий труд. Но ничего поголодают с недельку и вернуться! Я им устрою сладкую жизнь! Я в последний раз отвлекся. Здесь немного осталась. Имейте терпение Дмитрий Валентинович, и не плюю я на вас. Вам кажется. Зафиксированы изменения поля. Покрытие стало более густым и фонит на 6 Дм больше обычного. Про провалившиеся дома вы и так знаете, я не буду перечислять адреса. Всё. Дальше смотрите сами.

Потёмкин, заранее прочитавший отчёт, смотрел на задумчивого мэра и спросил:

- Для населения нарисуем более оптимистичную картину. Как всегда.

Аномальная зона. Герт С.И.

Боярский кивнул и стал быстро диктовать измененные данные Воробьеву. Валерия только удивилась тому, как у него ловко получалось скрывать и завуалировать факты. Она рассмеялась.

- А я всегда верила сводкам. Они мне казались правдоподобными. Хотя город стал маленьким и все обо всем и так знают.

Воробьев тактично кашлянул, прерывая речь Валерии и спросил:

- Талоны выдавать по прежним нормам? Денег и продуктов намного меньше, чем было до этого. На социальные расходы остались полторы тысячи.

Потёмкин мрачно пошутил:

- Кому повезет, и он получит милостыню. Врачи, преподаватели или социальные работники?

Боярский повернулся к Липской и предложил:

- Валерия Ивановна кому мне отдать предпочтение? Решайте.

- Отдайте священнику.

- Вы собрались подстричься в монахини?

Все кроме Воробьева, что-то считающего на обрывке бумаги, рассмеялись.

Потёмкин сказал:

- Валерия Ивановна, где вы так согрешили, что решили отдать деньги священнику?

- Я не настолько грешница как вы считаете. Правда, отдайте талоны Валерьяну Тихвину. У него в соборе живут сироты, и он совсем не знает, как их содержать.

Танаев показал своей рукой лапой по направлению к двери и спросил:

- Это тот худой шибздик в сутане? Он же наглый до предела. Он увёл у нас стройматериалы и потом стоял передо мной моргал своими глазами и говорил: Я, дескать, не знал! И даже врезать ему нельзя. Он пришел с толпой женщин и старух как со щитом.

Рудольф Владимирович взял из сейфа конверт и небольшую коробочку-сейф.

- Решено. Если он дал отпор начальнику охраны, то он их заслужил. Валерия отдай ему этот конверт.

Затем, понизив голос, он прошептал ей практически на ушко:

- Надеюсь, я могу тебе это доверить? И отвези эту коробку Мирону. Он ждет её.

Ты умница.

Передав конверт просиявшему священнику, она спустилась вниз и сев в машину мэра развернула сверток и внимательно рассмотрела сейф. Ключа не прилагалось, и Валерия разочарованно всё сложила обратно. «Сплошные тайны. И ничего ценного. Философский камень мне бы не помешал, чтобы выжить».

Мережкин Павел Сергеевич выехал на своем стареньком велосипеде на очередной вызов. Зубкова он решил не брать. Дел в городе было по горло. На зоне в последние дни творилось что-то неладное. Чувствовалась в воздухе тревога и люди, предвидя опасность стали больше нарушать закон. Вызов был щекотливым. В колхозе Никольском, единственном сельском поселении, попавшем в зону, пропала корова. Мережкин мрачно думал о том, что на сегодняшний день жизнь обыкновенной коровы ценится выше, чем человеческая. Молоко считалось на зоне редким и дорогим продуктом. Извне почти все молочные продукты приходили настолько испорченными, что даже от запаха становилось тошно. От этого страдали маленькие дети. Поэтому на зоне был культ домашних животных, похлеще, чем в самой Индии. Если корову зарубили на мясо, то виновные могли попасть под смертную казнь.

Павел Сергеевич надеялся на то, что корова просто заблудилась или пропала в гиблых местах зоны. Он подъехал к кирпичному двухэтажному дому, на котором развевался потрепанный флаг России. Навстречу ему выбежал председатель, нервно размахивая руками. «Наверняка ему наплели о том, что я друг мэра вот он и испугался». Они обменялись приветствиями и в молчании направились к коровнику. Там стояли и мычали довольно упитанные экземпляры этого вида и, мыча, отмахивались хвостами от мух. Следователь осмотрел место происшествия и обнаружил, что веревку отрезали острым ножом.

- Когда вы заметили пропажу?

- Когда? Ну, когда началась утренняя дойка, тогда ко мне прибежала Нинка и говорит, увели Зорьку. Я говорю: Это как же увели, смотри, мол, внимательнее. А она голосит на весь коровник. Ну, я прихожу и смотрю и вижу, правда нет.

- А где сторож?

Аномальная зона. Герт С.И.

- Сторож? Да вон он зараза спит. Дрыхнет. Налакался ночью самогона и спит, не можем добудиться.

В стороне на расстеленном ветхом тулупе валялся мужик неопределенного возраста и храпел. Мережкин попытался его разбудить. Но кроме слов мата он ничего не услышал.

- У вас есть подозреваемые люди на примете?

- У меня? Да все могли это сделать. Все знали, что меня на месте не будет. А Егорыч слаб на выпивку. Да и если честно у нас здесь зреет бунт. Со снабжением сами знаете как. Хуже чем в городе. Продукцию всю до капли увозят в город в распределитель. Нам колхозникам как всегда шиш достается. Да еще от какой-то странной болезни куры передохли. Народ звереет без мяса. Да любой мог такое совершить. От такой жизни и не это сделаешь.

Мережкин хорошо знал окрестности. Когда то он гостил здесь у бабушки. Он решил пройтись по знакомым местам и заодно осмотреться. Он вышел на главную дорогу и, напившись из колодца ледяной, ломающей зубы водой неспешно двинулся вперед. Какое его ждало удивления, когда вдалеке замаячили две хорошо знакомых фигуры. И если Володьку Никитина он был рад увидеть, то фигура Бороды его не сильно обрадовала. «Как можно обладать такой прозорливостью и каждый раз оказаться на месте происшествия. Антенны что ли у него на новости настроены». Володька слегка подросший держал в руках блин и откусывал от него по кусочку. Стараясь продлить удовольствие. Увидев Мережкина, мальчишка бросился к нему. Борода едва поспевал за ним.

- Павел Сергеевич я так и думал, что сюда направят именно вас. Тока вы можете быстро во всем скумекать. Это же надо среди ночи увести корову. И все жители язык проглотили. Наверняка знают и молчат. Ночью мне сестра гуторит: «Слышишь, маленький ребенок плачет»? Я говорю: «Кажется тебе». А может ей и не казалась. А все-таки я рад, что вас увидел. Мы с Володькой уже неделю здесь гостюем. У моей сестры. Она одинокая. Ей приятно с мальчишкой возится, да и Вера говорит, что ему перед школой нужно набраться витаминов.

Володька доел свой блин и, вытерев жирные руки о застиранную рубашку сердито промычал:

- Ничего не так. Меня сюда выслали как в ссылку. Тётя не хочет, чтобы я искал своего отца, вот и выслала. А ещё говорит, что беспокоится обо мне. Павел Сергеевич помогите мне разыскать отца. Пожалуйста. Он жив. Я точно уверен! Мережкин не знал, что ему сказать и просто погладил его по голове и прижал к себе.

- Пока отдыхай здесь, купайся, веселись. А потом когда вернешься, мы что-нибудь придумаем.

- Правда? Только поклянитесь мне.

Следователь рассмеялся и спросил Бороду:

- Ефим Иванович, с какой стороны ваша сестра слышала звук?

- Там в стороне оврага.

«Идеальное тихое место». Павел Сергеевич направился туда и, потратив час на поиски, кажется, напал на след. Заметив следы от копыт, которые пытались скрыть, но не смогли, он двинулся в направлении следов. Наткнувшись на опасную зону, загороженной проволокой он немного посомневавшись, нашёл место, где проволока была срезана, и вошёл внутрь. Следы вели дальше, и он практически подошел к границе зоны до шлак отвалов с застывшей лавой. Ветерок донес до него запах свежего жареного мяса, от которого у Павла Сергеевича потекли слюнки. Стараясь не шуметь, он двинулся к источнику запаха. На поляне он обнаружил двоих мужчин, которые жгли костер и жарили мясо на огне. Рядом лежала шкура с головой. Остальной части туши животного не наблюдалось. Мужчины мирно сидели, но увидев приближающего к нему следователя, соскочили с места. Один явно уголовной внешности, весь в наколках встал и, подняв с земли большой нож, двинулся к Мережкину. Второй суетливо полез в рюкзак, крича что-то второму.

- Не убивай его не надо. Он наш человек. С ним можно договориться.

- Заткнись. Они получают у меня все!

Но второй кажется, ничего не слышал, он был в ярости. Мережкин остановился и полез в кобуру, затем выхватил пистолет. В висках застучало, хотя он и достал пистолет, но нажать на курок он был не в состоянии. Он оцепенел, липкое чувство страха распространялось по его телу. «Стреляй, Чего ты ждешь. Это не невинный

мальчик он порубит тебя на куски». Внутренний голос был неумолим. Вдали крикнула страдальческим голосом птица, и это привело его в чувство.

Нападающий был в пятнадцати метрах от него. Он уже прицелился в руку преступника, как что-то тяжелое ударило ему по голове, и он лишился чувств.

Последнее что он видел это чёрные прозрачные фигуры, которые надвигались на них со стороны забора.

Очнулся он словно от невыносимого похмелья, чувствуя невыносимую боль во всех частях тела. Набравшись сил, он приоткрыл глаза. Свет ударил сильной болью, и он застонал. Чья-то рука положила ему холодный компресс на голову.

- Он живой.

Мережкин разобрал звонкий голос Володьки Никитина.

- Конечно он живой. Подумаешь удар по голове. Поболит и пройдет, главное, что он жив.

Он разобрал бурчащий голос Бороды и запах особого табака, который тот выращивал. Он открыл глаза и попытался сесть. Сестра Бороды, которая оказалась довольно молодой женщиной подала ему две таблетки обезболивающего лекарства и стакан воды. Он выпил его залпом, но стало ещё хуже. Тошнота подступала к горлу. Борода не унимался:

- Павел Сергеевич вы теперь мне обязаны жистью. Это же я указал полицейским куда идти. Без них Валера бы тебя уколошил. Он как из тюрьмы вернулся у него приступы ярости стали появляться. В таком состоянии он бы вас точно того.

- Что произошло? - Простонал Мережкин, немного оторвавшись от кровати.

Три пары глаз с разным выражением уставились на него. Любопытство, жалость и возбуждение. Борода начал рассказывать, игнорируя суровые взгляды светловолосой сестры.

- Я углядел, как вас заносили в медпункт. Вы были бледный словно мертвый.

Врачиха наша даже всплеснула руками и давай вас уколами тыкать. Хотела уже вас оставить там, но что-то у них там стряслось, и они решили вас перенести в другое место. Нук я и говорю. Зачем в другое. Айда к нам. Вы же для нас почти родственник. На том и порешили. Аккуратно головой не трясите. Володька!

Аномальная зона. Герт С.И.

Слышь. Намочи Павлу Сергеевичу полотенце в холодной воде. Да не в том, а в синей кадушке.

Володька, что-то попутно жуя, принёс ему плохо выжатое полотенце и положил на лоб. Холодная вода стекала по лицу и приятно холодила кожу.

- А что с угонщиками коровы?

Все замолчали, переглядывались. В лицах читался немой вопрос рассказывать или нет. Мережкин убрал полотенце и сел.

- Да говорите вы уже, что там стряслось.

- Когда мы с вами расстались возле того овражка. Мы с Володькой поchapали к дому. Смотрим, подъезжает полицейская машина, и оттуда выходят три здоровых мужика в форме. Где спрашивают следователь? А я и показываю направление, куда вы пошли. Они туда и поехали. А остальное я от людей знаю. Догнали они вас и смотрят, вы отстреливаетесь от преступников, а мужики укравшие корову вас камнями по голове лупят. Полицейские всех и арестовали. А вас без сознания приволокли. Теперь одного отпустили. Двух в тюрьму. А Валеру долбанутого говорят, завтра казнят утром.

- Как казнят? За корову? - Удивленно простонал Мережкин.

- Как казнят. Обыкновенно. Через повешение. Будто вы не знаете, как это делается. Вон на центральной площади до сих пор виселица стоит. Я ведь часто на них присутствовал. Страшное зрелище. Только я считаю это не справедливо. Мясо чуть-чуть почти вся деревня получила. Тайно конечно. А умирать один должен. Он конечно дурной и я его не оправдываю. Но если жизнь у нас такая скотская. Вот люди и звереют при таком рационе.

Следователь попытался сконцентрироваться и собраться с мыслями. Он знал, что по законы убийство коровы каралось смертью. Но на практике доведения приговора до исполнения не случалось. Всегда находились смягчающие обстоятельства или человек откупался.

- Вы уверены, что будет казнь?

- Конечно. Вон мужики за талоны стоят виселицу. Жутко. А еще этот главный толстомордый у них бегаёт и прям чуть не визжит от восторга. Глазки злые. Мясник.

Аномальная зона. Герт С.И.

«Значит, сам Танаев прибыл для исполнения приговора. С ним договориться будет очень сложно. Одна надежда на приказ мэра». Мережкин сполз с кровати. Привёл в порядок одежду и запинаящимся шагом дошел до лавки у входной двери.

Женщина подала ему кружку с чаем.

- Куда вы собрались? Вы еле стоите.

- Я должен поговорить с полицейскими. Это же дикость. Где они сейчас находятся?

- В администрации. Я вас провожу. А ты Володька с теткой Анной ложитесь спать. Мы не скоро.

Опираясь на старика, Павел Сергеевич плёлся по деревенской улице. Гробовая тишина стояла над вечерней улицей. Все затаились, а возможно боятся и тихо ненавидят полицейских. Вдалеке раздался звук работающего топора. «И вправду строят виселицу». Подумал Мережкин. Борода молчал и лишь про себя ругался. От свежего воздуха Мережкину стало легче и когда они добрались до здания администрации, он шёл почти самостоятельно. Они прошли внутрь, минуя два припаркованных автомобиля. Внутри сидело два полицейских, и играли в карты, второй совсем молоденький вдалеке читал книжку. Когда зашел следователь с места поднялся только он.

- Я следователь Мережкин, хочу поговорить с Танаевым Петром Васильевичем. Он здесь?

- Это пострадавший. - Сказал один играющий полицейский другому.

- Он здесь, но занят. Ждите.

Павел Сергеевич, игнорируя просьбу подождать, сделал шаг к двери.

Молоденький полицейский, напоминающий ему Зубкова, подошел к нему и сказал:

- Он действительно занят. У него люди. Но я доложу, что вы его ждете.

Следователь сел и постарался игнорировать приступ невыносимой боли в голове.

Ждать пришлось недолго. Вскоре открылась дверь и на пороге показалась красная лоснящаяся фигура Танаева.

- О, я рад, что ты живой. Хотя выглядишь хреново. Заходи.

В кабинете было накурено и душно. Танаев, посмотрев на бледного коллегу, и приоткрыл форточку.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Ну чего пришёл? Тебе бы лежать. Твои показания пока не требуются. Но раз припёрся, распишись здесь.

- Я пришёл узнать о судьбе преступников?

С лица Танаева тут же слетело доброжелательное выражение, и он швырнул документы на стол перед Мережкиным.

- А с преступниками все по законам аномальной зоны города Лигат. Главному смертная казнь. Над остальными двумя мы смилостивились, и они получили два года опасных работ. Вот и всё. Четвертый ещё молод и сын председателя к тому же, да и не виноват он по большому счету. Просто дурак. Он заплатит натуральным продуктом. Коровой отца.

У Павла Сергеевича застучало в висках.

- А вам не кажется что это слишком суровое наказание?

Танаев рассмеялся и горящая сигарета выпала из его рта.

- Да ты еле жив остался. Он бы тебя прикокнул и всё. Завтра утром казнь и закончим на этом.

- Однако я жив, и требую пересмотра наказания. Я обращусь к мэру Боярскому с протестом. Он ответит на мою просьбу.

Танаев подошёл к стоящему на табуретке тазу и тщательно вымыл руки. Затем рассмеялся богатырским смехом.

- А ты думаешь, он не знает о случившемся? Рудольф Владимирович только что покинул этот кабинет. Он подписал приказ. И был полностью со мной солидарен. Сила - основа порядка. Мы повесим одного человека, зато потом долгое время ни одна гнида не посмеет поднять руку на имущество зоны. Не время быть добрыми.

- Добрыми быть всегда не время. - Прошептал следователь. Он смотрел на профиль Дзержинского на спине Танаева.

Павел Сергеевич вскочил с места и, взяв в руки документ, уставился на роспись с припиской. Да он и, не смотря на это знал, что это правда. Пётр Васильевич достаточно труслив и хитер, чтобы самому отдать подобный приказ.

- Боярский ещё здесь? Я догоню его, и мы это обсудим.

- Можешь не торопиться. Он уже уехал и его не догнать. Он поехал в зону 32. Там совещание. Тебя к нему не пустят, и ты потеряешь время. Казнь через пять часов. Ты бессилён.

Следователь присел на лавку, его голова предательски закружилась и он начал падать на пол. Танаев стоял рядом и ухмылялся. Он мог бы его поймать и при падении и избавить от новой боли, но он словно смакуя страдания Мережкина лишь улыбался. Боль была сильной. Павел Сергеевич почувствовал во рту солёный привкус крови. Танаев открыл дверь и позвал помощников. Следователь как через дымку увидел склонившегося над ним лица молодого парня, он помог ему подняться и вывел на улицу. Дальше проворный Борода где-то стащил тачку и, погрузив его, отвез в медпункт.

Павел Сергеевич окончательно вошел в сознание через час и обнаружил себя лежащим на койке. В его руку была вставлена иголка, через которую поступал целительный раствор. Он лежал в одиночестве, уставившись в окно. На улице ночь постепенно уступала место дню. Страшные мысли шли ему в голову. Он вспомнил и про казни и про железный кулак, в который сжали жителей, об огромном штате полиции. «А ведь так было и раньше. Просто на это меньше обращали внимания. Нас обманывали и делали это топорно, но мы делали вид, что так жить и надо. А сейчас у нас всех руки в крови. У меня, у Танаева, у Боярского с его подчиненными. У всех. Отчаянное время требует отчаянных мер. Но в России последние сто лет такие времена. Времена всегда одинаковые. Всё дело в нас. Нам проще поверить в силу, чем проявить милосердие. Мы люди зоны верим и понимаем только силу и власть. Но всегда верим, что кто-то проявит милосердие к нам».

К Мережкину тихонько подошла медсестра и ввела ему снотворное. Врач и Борода очень боялись того, что присутствуя на казни, Павел Сергеевич ещё раз грохнется без чувств. Следователь уснул глубоким сном, а умный Ферзь скребся в окно, немного подвывая, как бы спрашивая: «Все ли с тобой в порядке хозяин?»

Володька, с утра проснувшись, увидел, как суетились и о чём-то перешептывались дед Иван с бабушкой Анной. Она долго стояла возле икон, и мальчик сквозь дрему

сна смотрел, как она молилась. Потом пришел Борода, и они торопливо засобирались куда-то. Володька тут же соскочил с кровати и начал одеваться.

- Володя, ты за старшего. Останешься дома. Там в коробке цыплята вылупились, так вот от них кошку отгоняй.

Мальчик тут же изобразил недовольную гримасу, но она не подействовала. Он тут же вспомнил вчерашние ночные разговоры про казнь. В его голове она не выглядела страшным, но не смертельным событием. На ум пришли кнут и розги и он решил, что преступника как следуют, отлупят и всё. Он не хотел пропустить этого события. Будет потом чем перед мальчишками похвастаться.

Он не стал перечить взрослым, а решил, что залезет на сеновал, а оттуда спрыгнет в недавно привезенное сено и незаметно прокрадется к площади. Взрослые ушли, закрыв его на замок, на всякий случай. Володька мысленно досчитал до трехсот, предполагая, что прошло пять минут и, прихватив свой рюкзачок с мишкой, направился на сеновал. Спрыгнув и ощутив себя супергероем из мультиков, он побежал через огороды к площади у остановки. По дороге шли люди, и он старался не попадаться на глаза. В итоге он заблудился. Покружив немного по окрестностям. И встретив, наконец, возле медпункта овчарку следователя Ферзя, сел с ним на крыльцо. Рядом раздались голоса, словно на митинге и мальчик побежал на голос. Он натолкнулся на толпу и не мог ничего рассмотреть. Он вернулся назад и, подставив к дому валявшуюся рядом лестницу, он забрался на крышу веранды. Отсюда он видел всю небольшую площадь. На ней стояла виселица, на которой болталась веревка. Такую картину Володька уже видел в одном фильме про революционеров.

К ней подвели мужчину. Он пытался сопротивляться и вырваться, но его крепко держали два мужчины в военной форме. Затем его поставили на табуретку, одели на шею веревку. Толпа загудела. Один из мужчин, выбил из-под ног арестованного человека опору, и он смешно задергался. Володька думал, что вот-вот сейчас к нему подбегут и отрежут веревку, как в том фильме и скажут что с него и этого довольно. Но никто не бежал спасать преступника.

Толпа молчала. Он перестал дергаться и человек, в чёрной одежде перерезав веревку, положил его на дощатый пол сцены. «Может быть он живой, сейчас ему

дадут таблетку и он оживет. Ведь не может же быть так, что он умер». Но казненный не шевелился. К нему подошел человек, подержал за руку и затем закрыл его простышкой. В толпе послышались рыдания и ругательства. «Он мёртвый, он мертвец. Я только что видел, как убили человека». Володька, едва сдерживая крик ужаса, спустился с крыши и побежал к дому. Он бежал изо всех сил, словно покойник преследует его.

Добежав до ароматного сена, он зарылся в него и уже не сдерживал рыдания. Мальчик был переполнен различными чувствами. Страхом, стыда за окружающих людей, жалости. Он рыдал и рыдал до тех пор, пока не закончились слезы, которые слизывал с его лица верный пёс Ферзь.

Мережкин спустя день, который он накаченный лекарствами проспал, стоял на пороге гостеприимного дома. Его голова немного болела, но в целом он чувствовал себя неплохо. Ноющая боль от чувства вины после казни, причиной которой стало его расследование, не покидала его. Анна вынесла для него огромный сверток с пирогами. Борода сидел на завалинке, и сосредоточенно смотря вдаль курил.

Стояла прекрасная погода. Павел Сергеевич засмотрелся на Володьку и Ферзя. Они резвились на свежескошенной поляне. «Надо же жизнь есть жизнь. А детство беззаботно. Ещё вчера Володька рыдал из-за казненного, а сегодня, забыв обо всем, ловит бабочек». Попрощавшись, он оседлал велосипед и поехал в сторону города.

Рядовой охранник Петров Иван Иванович обходил вверенную ему территорию завода. Было жарко, и он пожалел о том, что надел комбинезон защитного цвета. Территория, которую он патрулировал, была большой и считалась не опасной. Раньше ещё до инопланетного нашествия, как любила шутить его жена, он был простым рабочим на заводе. Ему нравилось работать руками. Усталость в мышцах после трудового дня. Он прекрасно разбирался в станках и был отличным плотником. Даже сейчас он много времени проводил в мастерской и был отличным гробовщиком. Профессия не самая оптимистичная, но нужная людям, к тому же приносящая дополнительный доход. Ивану Ивановичу было сорок пять лет. У него была приёмная дочка десяти лет и молодая жена. Дочка осталась на Украине у родителей жены, и теперь они жили только вдвоем. Жена в первые месяцы сходила

с ума, скучая по дочери, но теперь немного успокоилась. Петров не любил даже вспоминать о том, что десять лет отсидел в тюрьме, а пять безбожно пил. Он вспоминал об этом с содроганием, искренне считая, что старается измениться и жить простой жизнью.

Петров знал каждый уголок на том участке, который он патрулировал ранее, но неделю назад его перевели на другой и каждый камень и трещина на здании казалась ему враждебной. Он не был трусливым человеком, но ощущение тревоги его не покидало эти две недели. Подходило время обеда, и он с радостью думал о том, как откроет термос с ароматным чаем. Ему осталось пройти последние два ангара и отметить в журнале привычную отметку «все спокойно».

Небо как будто потемнело, и мир вокруг стал выглядеть бесцветным, словно на чёрно-белой пленке фотоаппарата. Петров инстинктивно положил руку на пояс, где был обыкновенный газовый баллон и нож, а также несколько хлопушек. Он не боялся ничего сверхъестественного, но собаки и люди могли напасть. Но кругом была тишина. И лишь закрытые двери последнего ангара странно вибрировали, словно внутри кто-то пытался их открыть. На железных дверях не было замка, и вместе створки держала лишь накрученная проволока. Петров стал шаг за шагом подходить всё ближе, игнорируя паническое желание бежать. Он подходил ближе и двери стали вибрировать сильнее. Человеческий вопль слышался из глубины цехов. Подобные отчаянные вопли тоски и грусти он слышал иногда в тюрьме.

Иван Иванович крикнул в темноту:

- Кто здесь? Отзовись. Иначе не получишь помощи.

Но голос не отвечал, а только кричал и скулил. «А вдруг там человек, а я стою и дрожу от страха». Петров скинул рюкзак, в отверстие, перетянутом шнурком, показался кусочек от обложки библии, и рванул к дверям. Царапая пальцы, он содрал проволоку и, открыв створку, проник внутрь. В здании был полумрак, источником света служила обвалившаяся часть крыши, через которую виднелся кусок серого неба. Стоял смрад от гниющего материала. В цехе все было так, словно пять минут назад здесь работали. Цех был огромный, в него были проведены рельсы от железной дороги, что натолкнуло Петрова на мысль, что здесь, скорее

всего раньше был склад, сейчас довольно опустевший. «Скорее всего, его опустошили в первые месяцы зоны, а лишь потом опечатали».

Иван Иванович огляделся по сторонам. Его внимание привлекла сияющая паутина, покрывающая все стены и потолок здания. На секунду охранник даже подумал о том, а не выползет ли из глубины гигантский паук, но затем постарался отогнать от себя эти страшные мысли. Сзади раздался вопль человека и треск ломающего дерева. Он резко обернулся и увидел гигантский деревянный ящик, который буквально вибрировал и подпрыгивал на месте. Ужасный вопль о помощи раздавался оттуда:

- Помогите. Сволочь как же больно. Беги, беги. Володька. Беги. Красная стрела. Опасность.

Петров подбежал к ящику, игнорируя писк приборов, предупреждающих об опасности. Вытащив нож, он постарался откинуть крышку. Это у него получилось лишь с пятой попытки, но ящик, наконец, поддался и он открыл его. Увиденное содержимое вызвало в нём приступ рвоты. На дне лежало полуистлевшее тело человека. Оно жутко воняло, и были видны куски полуразложившейся плоти. Но ужасное продолжение ждало его впереди. Тело протягивало к нему руки и смотрело ему в глаза. Они смотрели на него с таким отчаянием. Но даже они не смогли заставить мужчину протянуть к трупам руки.

Вдали слышался звук приближающегося поезда. Иван Иванович обернулся и увидел вдалеке фасад приближающегося товарного вагона. Поезд отчаянно сигналил и Петров понял, что он с ящиком находится на рельсах. «Твою мать. Откуда здесь поезд. Для контрабанды, не слишком ли всё явно». Петров посмотрел в ящик. Труп не шевелился, но оставить тело на растерзание поезду он не мог. С огромным усилием он сдвинул ящик в сторону. Поезд был в нескольких метрах от него. Иван Иванович во все глаза уставился на него и только когда товарняк промчался мимо, он с ужасом понял, что поезд прозрачен. Сквозь него был виден стальной каркас здания, паутина и грязь. Это был поезд призрак, галлюцинация, фатум. У Петрова затряслись руки и он начал шептать слова молитвы. И чудо произошло. Неожиданно сработала рация в его кармане. Это было удивительно. Так как рация

Аномальная зона. Герт С.И.

функционировала всего процентов двадцать времени, в остальное время волны глушила зона.

- Внимание приём. Участок 32. Петров немедленно покинуть свой участок.

Самовозгорание в зоне 33. Горит газ. Немедленно пройди к центральным воротам, там вас через пять минут будет ждать транспорт. Если слышите, откликнитесь.

Приём.

Петров выхватил рацию и, нажав кнопку включения, закричал слегка охрипшим голосом:

- Приём. Сообщение слышал. На точке буду. ЧП. Обнаружен труп человека в квадрате 3С. Также повышенная концентрация необъяснимых явлений, включая галлюциногенные реакции. Прошу помощи в случае не явки. Повторяю квадрат 3С.

Вокруг вновь послышалось вибрирование здание и противный пищащий звук.

Петров со всей мочи побежал к дверям, когда он выскочил на свежий воздух, то двери с ухающим звуком захлопнулись и словно оплавилась как при высокой температуре. Петров сел на землю, чтобы отдышаться. На дверях, словно выгоревших образовалась из пламени красная стрела. «Красная стрела. Так как кричал труп. Опасность». Иван Иванович, больше не теряя времени, побежал к центральным дверям. Им двигало одно желание - поскорее покинуть это гиблое место. К счастью потрепанный Увазик уже ждал его там.

Сергей Воробьев с тоской поглядывал в окно, но работать оставалось ещё два часа. Воодушевление от новых перспектив у него быстро выветрилось. Да и работу ему отец на испытательный срок предоставил самую скучную. Копировать карты, вносить каждый день уточнения. Это было важным занятием, и не скучным, если бы изменения не надо было вносить одновременно в двадцать пять копий. А затем ещё выпрашивать подпись у начальника. Сергею было душно и неудобно, а мотоцикл, припаркованный на улице, так и звал его на прогулку. На работе его держал, и спор с Марией о том, что он проработает месяц и не уволится. Спор он намеревался выиграть, да и награда стоила того.

Отец часто его проведывал, заваливая работой. Сергей, столько лет прожив без него, забыл о его скрупулезности во всём, но сам с удивлением ловил себя на этой черте.

Он внёс изменения в последнюю карту про себя моля о том, что это последние корректировки на сегодня. Но как только он навел порядок на столе и решил немного подремать, в дверь его кабинета постучали. Не дождавшись разрешения войти, появился Потёмкин. Он выглядел усталым, но приветливым. Сергей не мог понять, почему его так недолюбливают отец с мэром. Он ему казался единственным адекватным человеком здесь. С ним можно поболтать. Но тот случай с Марией и его вспышкой ревности всё же оставили свой след. Но Дмитрий Валентинович, не замечая его настроения, держался с ним как с близким другом.

- Парень не время отдыхать. Новые сводки в квадрате 32. Отец просил передать тебе это.

Потёмкин положил на стол перечерканную схему.

- А что там стряслось?

- Не известно. Труп и сильное возгорание неизвестного газа. А может там нашли философский камень.

- Камень? Что за чушь? Он не существует.

Потёмкин наклонился ближе к Сергею и промолвил:

- Ты живешь в аномальной зоне и не веришь в чудеса. Тот, кто найдет философский камень, получит билет обратно.

- И вы его ищите?

- Нет. Но если найду, то не буду отказываться от открывшихся перспектив. А ты?

- Я не думал об этом.

Глава 8.

Город Екатериноград располагался в двухстах километрах от аномальной зоны. Город провинциальный, но полу столичный. Как вдовствующая княгиня в семье монархов. В городе располагались машиностроительные заводы, производства, но они терялись среди новостроек и зелени, торговых центров и парков. Город был красив своей особой красотой выдержанного спокойствия при сильных мускулах и остром уме. Екатериноград быстро развивался и до событий в Лигате, но после обнаружения аномальной зоны, он просто расцвёл. Центр города с дорогими гостиницами, офисами и ресторанами легко было спутать с любой европейской столицей. Окраины конечно, как и во всех русских городах были грязными, неухоженными, но разве на это кто-то обращает внимание?

Жизнь в городе подорожала, но местные жители от этого не пострадали, число рабочих мест подскочило на сорок процентов. Лаборатории, НИИ располагались на окраине и были уже прозваны Уральской Силиконовой долиной. Производства располагались в пригородах города Екатеринограда, где очень кстати располагались ещё построенные при Советском Союзе большие заводы-гиганты.

Ольга Рудольфовна Боярская, дочь мэра сидела на балконе пятизвездочной гостиницы и смотрела, как между двумя многоэтажками восходило солнце. Ночью ей приснился кошмар. Она проснулась от собственного крика и больше не могла уснуть. Ольга зажгла свет в комнате и, завернувшись в одеяло, смотрела на город. За четырнадцать месяцев изоляции зоны, она прожила здесь около шести месяцев и это были не самые её лучшие дни. В мыслях она то и дело попрекала себя в том, что уехала, тогда оставив родных в Лигате. Назад её не пропустили, не помогало

ничего: ни деньги, ни уговоры. Она сидела в приёмном пункте и присутствовала в тот момент, когда привозили беженцев Лигата, которые смогли вырваться в первые дни зоны. Паника, слезы, крики. Затем случилось страшное. Они стали заболеть и умирать, быстро в течение суток здоровый человек превращался в ссохшийся труп. Ольга едва не угодила в изолятор, но вовремя появился человек отца и, минуя все посты, вывез её в безопасное место. Даже оттуда отец помогал ей.

Позднее Ольга узнала, что половина из тех людей погибли в первые три месяца, а остальные остались жить. Часть из выживших людей, не ценя удачу словно сговорившись, склонялись к суициду.

В дверь постучались. На пороге показалась прехорошенькая девушка и вкатила столик с завтраком, которого бы хватило, чтобы накормить троих. Ольга, высокая и стройная натуральная блондинка с голубыми глазами, поблагодарив горничную начала одеваться. Вещи валялись на кровати как попало. Ольга, выпив чашку крепкого кофе, начала рыться в этих стопках. Заветная встреча должна была состояться в ресторане отеля Хайат в два часа. Куча времени, но Ольга торопила время. Она вытащила платье королевского голубого цвета и подошла с ним к зеркалу. «Пойдёт». - Решила она. - «Пусть не думает, что он для меня последняя надежда».

Девушка засунула в себя овсяную кашу, зная, что если не поест, то грохнетя в обморок или голова разболется. До встречи оставалось ещё шесть часов. Она, быстро одевшись, отправилась гулять. В центре города было суетно, народ торопился на работу. Иногда, она встречала людей говорящих на иностранных языках. В центре были представительства ста стран и организаций. Она понимала их речь, и ей иногда казалось, что она не на родине на Урале. Боярская была состоятельной девушкой. Заграничные счета отца, которые он изрядно пополнял, даже находясь в аномальной зоне, делали её независимой. Она могла позволить себе практически все: дома, драгоценности, путешествия. Отец заклинал её начать жить и не думать о нём и Мироне. Найти себя хорошего человека или просто развлекаться. Она пробовала всё, но отец, зная дочь очень хорошо, не понимал одного - её глубокую любовь к Мирону.

Ольга зашла в небольшой сквер, где били фонтаны. Здесь было свежо. Она присела на скамейку. Вот так, бывало она, по часу два ждала Мирона, который опаздывал или путал время свидания.

Ольга была красавицей отличницей, которую все баловали и любили. Она была холодной и высокомерной с мужчинами, искренне считая, что лучше отца нет на свете. Мужчины появлялись и исчезали в её жизни, пока восемь лет назад, пойдя с подружками в студенческое кафе, она не познакомилась с Мироном. Они, выпускники бауманки оживленно флиртовали с девушками, попутно споря о научной гипотезе, а Ольга влюблялась в улыбку Мирона. Она отбила его у своей подружки, и они больше не расставались.

Швец Мирон был из семьи учёного. Обычная бедная семья, ему было в диковинку внимание молодой богатой студентки, но она так внимательно слушала его рассказы, заботилась о нём, что его сердце дрогнуло. Ольга с ужасом вспоминала первую встречу с отцом, когда взбешенный Рудольф Владимирович кричал на неё за закрытой дверью. «Что ты в нем нашла»? Она и сама не понимала, но только с ним она чувствовала себя просто и легко.

В час тридцать Ольга, одев лучшие драгоценности и убрав волосы в строгую причёску, сидела за столиком ресторана и ждала. Седой импозантный мужчина лёгкой походкой направился к ней. В его глазах не было интереса к ней как к женщине, а скорее он смотрел на Ольгу как отец на дочь. Под внимательным взглядом пожилого мужчины она растеряла былую наносную уверенность, и в её глазах появилось мягкое просящее выражение.

- Добрый день Ольга. Вы так похожи на вашу маму. Я признаться был в неё немного влюблен.

Ольга улыбнулась и протянула руку для рукопожатия на европейский манер. Он сразу начал с главного.

- Я настоял на встрече не в официальной обстановке, чтобы поговорить по душам с глазу на глаз. Вы известная личность в нашем отделении. Вы пытаетесь стучать во все двери, но разве вы не понимаете, что ваши усилия тщетны? У нас мало власти, чтобы освободить людей из зоны заражения. И не, потому что мы кровожадные злодеи. Это опасно для всех. Для человечества.

Он прервался. Подозвал официанта и сделал заказ. Ольга сделала глоток воды и ответила:

- Но часть людей из зоны выжили и живут среди нас, ничем не отличаясь.
- Вы говорите об оставшихся в живых тридцати процентах. За ними пристально следят и живут они в закрытых городах.
- Но живут! Я думаю, мой отец, и жених не будут возражать жить там. Мы согласны на любые условия.

Чиновник рассмеялся.

- Ольга давайте расставим все точки над и. Я знал вашу мать, отца и ради них я буду с вами жесток. Кто-то должен сказать вам правду в лицо. Я думаю, вас немного вводили в заблуждение. Вы давали деньги на взятки и вам врал. Деньги не всегда дают нам то, что мы хотим. Они могут многое, но не всё. К сожалению или к счастью. Не сорите ими в нашем учреждении, если хотите просто отдайте их в детский дом.

Он принялся с аппетитом поглощать еду, и бросал внимательные взгляды на неё.

- Не обольщайтесь. Ни один человек в ближайшем будущем не покинет границу зоны. Тем более. Я повторяю тем более ваш отец. Почему? На нём держится наша власть в городе. Он навел порядок.
- Вы серьезно! Да послушать ваши репортажи, то хуже моего отца только Гитлер. Он оболган, назван трусом и душегубом. Все только и мечтают о том, чтобы появился настоящий руководитель Лигата.

Чиновник заливисто рассмеялся, отвечая на эту вспышку гнева, так идущей этой бледной юной леди.

- Ольга, вы живете в России и до сих пор не знаете науку читать между строк. О, она важнее высшей математике. В нашей стране редко говорят правду открыто, но на наше счастье её невозможно скрыть. Истину всегда видно. Надо уметь распознать её в тонне мусора. Вашего отца нельзя хвалить в прессе, нам нужны покладистые лидеры. Он не таков, но и он вынужден играть по правилам. Вашего отца выпустят из зоны в числе последних людей. Поверьте мне.
- А мой жених. Швец Мирон Александрович. Его могут выпустить?

Аномальная зона. Герт С.И.

- Вам не повезло с родственниками и возлюбленным. Он химик, талантливый молодой учёный. Он полез на зоне как никто. Я сомневаюсь в такой возможности.

Ольга отвернулась от мужчины и стала рассматривать людей в зале. Кто-то беззаботно трещал по телефону, парочка флиртвала друг с другом. Она смахнула непрошеную слезу. «Мои нервы совсем расшатались».

- Ну не стоит расстраиваться. Ваша жизнь только начинается. Вы богаты, красивы. Найдете нового жениха, родите детишек, и будете счастливы.

- Я однолюб. Так не получится.

- Ольга, вы не жена декабриста. Тогда правил долг над разумом. Жизнь коротка, а молодость ещё короче.

- Вы правы. Я не жена декабриста. Они хотя бы могли воссоединиться с мужем. У них был выбор. А у меня? Скажите есть возможность меня отправить в аномальную зону? Я согласна на любую сумму. Учёного Денкера вы туда отправили. И с какой помпой!

- Ольга извините, но вы не фигура уровня Самуила Денисовича, к моему большому сожалению. Вы не великий ученый, даже не кандидат наук, не химик, не врач. Вы филолог если я не ошибаюсь? Зачем на зоне специалист по словесности? Факт что вы дочка мэра еще не означает ничего.

- Но если я не ошибаюсь, Денкер платил деньги. Я смогу отдать больше. Я доплачу за ученую степень, за транспортировку и ваши хлопоты.

Мужчина усмехнулся и задумчиво посмотрел на неё.

- Вам что там делать объясните? Там страшно жить, люди одичали и живут впроголодь. Только четверть наших грузов доходят до жителей зоны годными для использования. Мусор, грязь, болезни, страх. Там гибнут люди каждый день от непонятных явлений. Дома уходят под землю, дождь из раскаленной лавы, ядовитые растения. Питьевая вода плохого качества. Печное отопление, ежедневная битва за выживание. Апатия, страх, депрессия. Вы понимаете, куда вы собрались? Я должен убедиться в том, что вы соображаете, о чём вы просите!

- Вы меня не напугаете, я насмотрелась репортажей всеми любимой Беккер Марии. Я уже год изучаю зону, и знаю о ней все, что может узнать человек в отдалении.

Меня трудно удивить. Если можете помочь, то помогите. Прошу вас, я всё взвесила и добьюсь своего с помощью вас или кого-то другого.

Ольга попрощалась и летящей походкой покинула зал. У выхода она задержалась и повернулась к чиновнику. В глазах у неё стояли слезы и немая просьба. Он помахал ей рукой на прощание и начал пить крепкий чай. Оплатив счет, он поднялся и покинул ресторан. В машине он набрал номер телефона и, дождавшись ответа с другого конца трубки промолвил:

- Шеф. В мои руки, попала птичка, которая поможет расширить канал наших поступлений. Что только не сделаешь ради дочери.

Мережкин вступил на землю квадрата ЗС. Здесь до сих пор стоял запах гари, а выгоревшая почва соседствовала с зеленой свежей травой. Всё вместе составляли витиеватые узоры на земле. Ферзь протяжно выл, он был отважным псом, но боялся одного - огня. Завидев его, он начинал скулить и падать на землю, прикрывая нос.

- Ну же Ферзюшка пошли. - Подбадривал его Павел Сергеевич, и он нехотя двигался.

Вступив в помещение, они стали задыхаться от смрада. Внутри ангар практически не затронут огнем, только паутина приобрела красноватый оттенок спекшейся крови. Иван Петров держался вдалеке и старался близко не приближаться к ящику. Мережкин, собрав волю в кулак, помог выдавшему всё санитару вытащить разложившийся труп на носилки.

Удивительным было то, что разложившийся труп был одет, в практически целую одежду, только вот куртка была на нем порвана, словно он пытался резко её снять. Преодолевая отвращение, следователь одел перчатки и начал обыскивать труп. В кармане был потёртый пропуск, на котором значилось имя Никитин Сергей. У следователя выступил пот. Он скомандовал санитару:

- Давай его перевернем на живот, мне нужно осмотреть спину.

На спине среди клочков плоти он разглядел небольшие, словно иссохшие куски кожи с татуировкой. На одном явно проступала нога зеленого дракона. Сомнений не было. Мережкин прекрасно помнил это тату. Однажды, когда он

Аномальная зона. Герт С.И.

помогал Подорожниковым крыть крышу на новом доме, он работал вместе с Сергеем. Было жарко, и он работал без рубашки. Тогда Павел Сергеевич детально рассматривал татуировку Сергея, она занимала почти всю спину.

- Унесите пока в морг.

- Он не работает.

- Тогда в подвал, где прохладно.

- Вы узнали кто это? - Спросил подошедший к нему Петров.

- Да. - Вздохнул следователь и потянулся за папиросой. - Это Никитин Сергей.

Надо сообщить семье. Чтобы они больше ни на что не надеялись.

В глазах Петрова промелькнуло сострадание.

- Он хороший был парень. Я немного знал его. Только вот, что я хотел бы вам сказать. Не примите меня за идиота или сумасшедшего. Месяц назад, когда я только начинал работать на этом участке, здесь проводили осмотр и уборку. Я с коллегами лично осматривал все ёмкости и ящики. И хорошо помню этот ангар. Труп здесь не было.

- Ты уверен?

- Конечно не на сто процентов. Но одно я могу сказать точно, в этом месте происходит что-то не хорошее. Вам стоит расспросить моих предшественников. Слишком часто уходят люди с этого участка. Рассказывают про летающие тарелки и прочее. Я видел здесь едущий поезд. Это был мираж, но умерший человек все же здесь появился наяву.

- Спасибо за помощь. Мордвин беги за медиком из лаборатории пусть выделят человека. И не как в прошлый раз, нам не нужен зубной врач. Скажи что дело серьезное.

Мережкин покидал место преступления одним из последних. Ферзь печально выли и всем видом показывал хозяину, что пора покинуть это место. Но ноги не несли его к дому Подорожниковых, чтобы сообщить им о смерти родственника. Павел Сергеевич, никогда не откладывал дел, которые тяготили его душу. Он открыл калитку дома, и едва он подошел к крыльцу, как на него выскочила взлохмаченная Вера. В её глазах стоял немой вопрос. В окне показалась веселые рожицы Вареньки и Николая. Подорожников держал мальчика на руках.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Володька?! - Выдохнула испуганная Вера. Павел Сергеевич покачал головой отрицательно.

- Никитин Сергей. Обнаружили его тело.

Ноги Веры подкосились, она села на крыльцо и зарыдала. Вышел Пётр Соломонович и обнял её.

Боярский Рудольф Владимирович танцующим шагом спускался в лабораторию. Он напевал популярную строчку из оперетты. «У любви как у пташки крылья»... Настроение его было прекрасным. Наконец-то удалось заполучить заветный ключик. Мирон спал, крепко держа в руках небольшой сейф. «Вот же идиот! У него в руках лежит вещество, которое стоит миллионы и куча народа пытается его заполучить, а он спит. Хорошо, что он мне ещё нужен, а то сослал бы его убирать с улиц мусор». Мэр постучал стеклянной палочкой по мензурке, и Мирон с криком соскочил со стула и, едва не уронив коробку, грохнулся на пол. «И это чудо будет называть меня папой!» Химик подал мэру сейф и, заикаясь, проговорил скороговоркой:

- Рудольф Владимирович, больше не просите меня хранить такие ценные вещи. Я плохо сплю и вынужден везде носить его с собой.

«Швец, да ты идеальное место хранения. Никто и не подумает, что у тебя есть чем поживиться». Подумал Боярский уставившись на дырку в носке у Мирона.

- Я принес ключ, давай открою. Этот образец изучи тщательно. Только приказываю не привлекать к исследованиям старого маразматика Денкера. У него своя работа и не надо его беспокоить. Всё понятно! И ещё! Это секретный образец. О нём сообщать только мне.

Мирон насупился и попытался возразить, но сейф в руках Боярского открылся и комната залилась светом. Светящийся шарик повис в воздухе. Он излучал тепло и приятный жёлтый цвет. У Мирона открылся рот от изумления. Он позабыл обо всем. Боярский же напротив выглядел задумчивым. Он думал о том, куда отселить Самуила Денисовича. Ему он не доверял и не считал безобидным человеком. В нём чувствовалась мудрость и опыт мужчины знающего жизнь. Рудольф Владимирович понимал, что только умнейший человек способен достичь таких высот в своей

области. Просто так никому ничего не дается, тем более в такой трудоемкой области как фундаментальная наука. Он увидел, что после двух недельной растерянности Денкер взял себя в руки и принялся за работу. Он умел расположить к себе людей и четко разделить между ними обязанности. Теперь лаборатория выглядела ни как празднично шатающаяся толпа. Что Мирону не удалось сделать за год, Денкер умудрился сделать за три недели. Появились результаты. Рудольф Владимирович не знал, что Самуил Денисович пока лишь доводил до логического конца разработку Мирона, не занимаясь своими.

- Я отошлю Денкера в другую лабораторию, а ты сейчас же начинай работать!
- Но мой отчет ждёт Павел Сергеевич. Это насчет найденного трупа. Там столько удивительного материала! В крови я обнаружил бензо-мета...

Боярский прервал его, выхватив из рук Мирона папку.

- Отдай её Денкеру. Пусть он или его ребята займутся. У тебя более важные дела.
- Хорошо. Рудольф Владимирович...
- Нет. Вестей от Ольги нет.

Рудольф Владимирович вышел, аккуратно закрыв за собой дверь, чтобы она не хлопнула. Мирон спрятал образец обратно в коробку и, злясь на себя за беспомощность и робость перед тестем, стал ходить по комнате. Он не мог сейчас заняться образцом, так как с минуты на минуту здесь должен был появиться нобелевский лауреат Денкер. Ему нужно было снять показания на одном приборе. Самуил Денисович появился как всегда нелепый в своем старом костюме и заштопанной рубашке, зато с чемоданом из крокодильей кожи.

- Доброе утро Мирон. Я сегодня проснулся рано и никак не мог уснуть. Столько мыслей в голове! Как будто их мне кто-то транслирует.

Он открыл дорогой чемодан и достал из него завернутые в салфетку блинчики.

- Я всегда лучше думаю, когда соок. Помните, я вам рассказывал о занятом образце породы. Оказывается, я не преувеличивал свойства этого вещества, а приуменьшал. Я с уверенностью могу сказать, что эта порода внеземного происхождения. По крайней мере, на территории Земли аналога подобного нет. Денкер не поведал историю о том, как он добыл этот кусок породы у красного камня, но решил не скрывать от него результаты его исследований. Он был

Аномальная зона. Герт С.И.

говорлив и совершенно не умел хранить секреты, но главное он увидел в лице Мирона своего приемника, который в случае его смерти, а она была, к сожалению, не за горами мог продолжить его исследования. Он даже поведал ему секретный шифр сейфа лаборатории.

- Это безобидный кусок породы. Он взрывоопасен и горюч только при взаимодействии с другим веществом. Я обнаружил одно его страшное свойство. Этот кусок породы всего лишь порох. А всем известно, что, для того чтобы произошел взрыв нужна искра. Так вот у этого вещества тоже есть свой катализатор, и я предполагаю, что встреча этих двух компонентов может привести к такому гигантскому выбросу энергии. Вот я тут набросал расчеты. Не обращайтесь внимания на рарег.

Мирон с нескрываемым любопытством уставился на кусок туалетной бумаги, мятый и обкапанный кислотой.

- Представьте. Если бы чисто теоретически предположить, что у человечества был килограмм подобного вещества и килограмм катализатора, ну или полкилограмма. Не суть. И космонавты бы поместили их на сто метров внутрь лунной поверхности. Эти два вещества запаяны в два сосуда, потом с помощью пульта управления эти два сосуда лопаются и вещества соединяются.

- И что произойдет?

- Боюсь это будет последний день, когда на земле могли лицезреть лунный месяц. Этот спутник планеты Земля навсегда исчезнет с небосклона. Бух и всё!

Мирон стоял с озадаченным выражением, под глазами у него были круги после бессонной ночи.

- Впрочем, это же все theory, theory. Меня часто заносит. Возможно, луна устоит. Меня даже в Америке в лаборатории называли сказочником. Люблю поддаться imagination.

- Это очень интересно. А мог ли я позже взглянуть на этот образец?

- Конечно, милости прошу. Правда, Рудольф Владимирович сказал мне, чтобы я теперь работал в новой лаборатории, но вы всегда можете прийти к нам. Мне слегка неудобно, я ведь занял ваше место.

Два ученых стояли красные, как раки. Им обоим было неловко друг перед другом. Один стеснялся страшного бардака и неразберихи во вверенном ему коллективе, другой наглого вторжения на чужое место.

- У вас было дело ко мне?

- Да есть, но сначала позвольте вам задать один вопрос по поводу этих двух веществ. Катализатор. Какой, по-вашему, он должен быть?

Денкер задумался и почесал лысину. Было жарко, и он снял пиджак, оставаясь в плохо поглаженной рубашке. Он вырвал листок из блокнота и стал писать на нём химические формулы.

- Я думаю, он кристаллической твердой структуры, но с подвижными атомами. Тверд и возможно, знаете Мирон, катализатор обладает свойствами выделять световые волны. Он словно маленькая легкая звездочка.

Мирон побледнел и слегка покосился на лежавший среди реагентов сейф.

- Ерунда не слушайте меня, вам нужно делом заниматься, а я вас задерживаю.

Рудольф Владимирович попросил меня заняться неотложным делом. Нашли труп мужчины, который умер загадочной смертью.

Мирон передал Денкеру папку. Тот бегло пролистал её содержимое и, поморщившись, проговорил:

- Я должен сам на него взглянуть. Похороны завтра утром?

Мирон кивнул. Денкер пошёл к выходу, затем развернулся и стукнул себя ладонью по лбу.

- Замеры. А впрочем, замеры подождут. Вы кушайте пока блинчики свежие, а мне пора.

Он удалился. Оставив свой пиджак на вешалке.

Утром за час до похорон в доме Подорожниковых творился хаос. Вера всегда активная, мучилась от сильного токсикоза. Пётр Соломонович был на срочной операции, но клятвенно пообещал успеть на кладбище. Валерия носилась по городу, взяв на себя организацию мероприятия, помогая беременной подруге. Люди слонялись по дому, предлагая свою помощь, но на самом деле только мешали. Валерия, вернувшись с добытым у барыг венком, сильно удивилась застав

Аномальная зона. Герт С.И.

в комнате притихших детей, окруживших ученого Денкера, который читал им в лицах сказку. Она прикрыла дверь и прошла на кухню, через гостиную, где посередине комнаты стоял гроб. Она старалась не смотреть на тело. В комнате с бледной Верой спорил Володька:

- Это не мой папа. Я не пойду на кладбище. Мой папа жив, а это кто-то другой!

- Володя, я понимаю, что это тяжело, но экспертиза доказала, что это твой отец. Мне жаль, но это так.

Голос мальчика сорвался на крик, и он попытался вырваться из рук тети.

- Не желаю ничего слышать! Я найду своего папу и докажу всем!

Он заплакал и вырвался. Вера, едва сдерживая рыдание села на табурет. Мальчик пробежал пулей через гостиную и кинулся прямо в объятие Денкера. Тот прижал его к себе и продолжал читать. Он немного всхлипывал, уткнувшись в живот ученого. Валерия убедившись, что Володька успокоился, вернулась к Подорожниковой.

- Оставь его в покое и не нервничай. Всё образуется. Он умный мальчик.

Вера, утирая слезы, проговорила:

- Вот уже год как я себе твердила, что Серёжа погиб. Казалось, я должна встретить это известие спокойно, но я не могу, не могу успокоиться.

- И не надо. Плач если хочешь. Никто тебя не осудит. Денкер всё же славный старикан, занял детей.

- Это тот прибывший химик. Пришёл вчера и долго возился с телом Сергея. Я убежала за продуктами. Прихожу, а дети сидят тихонько кушают. Их этот старик развлекал и накормил. Оказывается у него в Америке остались внуки, и он скучает по ним. Всё готово?

- Да. Не переживай. С минуты на минуту приедет Тихвин на телеге. Гроб повезём на ней, и заодно Валерьян помолится на кладбище. Сергей же был крещеный?

Вера кивнула.

- Спасибо тебе большое.

- Не за что. Давай умывайся и выходи на улицу к людям. Видишь, сколько народу собралось.

Аномальная зона. Герт С.И.

Журналистку Беккер Марию Сергей Воробьев кое-как уговорил пойти с ним на похороны Никитина Сергея.

- Я никогда не была на подобных мероприятиях, да и не хочу бывать. Я не знала этого Никитина. Что я там буду делать?

- Я его хорошо знал. Наши семьи дружили. Ты моя девушка и должна идти со мной.

- Мы разговаривали с тобой об этом. Не стоит перед всеми афишировать наши отношения. Ты мой помощник в твоё свободное время и всё.

- Твой засланный секретный агент. Я Бонд. Серж Бонд.

Он подошел к ней и, обняв, страстно поцеловал в губы. Они долго наслаждались поцелуем. Наконец Сергей, глянув на часы, сказал свой последний аргумент.

- Маша, ты больше года живешь на зоне и до сих пор ни с кем не общаешься. Кроме своего Правдина и нескольких чиновников. Да ты не знаешь никого. У тебя нет друзей. Если ты хочешь снять фильм про людей, живущих в аномальной зоне, ты должна постараться с ними подружиться!

Мария стояла в замешательстве. В словах Сергея была логика, но идти и улыбаться посторонним людям ей не хотелось. Но спорить дальше у неё не было сил. Она сказала последний женский аргумент:

- Мне нечего надеть!

Сергей закатил глаза к потолку.

- На зоне нет условностей. Иди так.

- Тогда я возьму камеру.

Оказавшись возле дома покойного, Мария, однако, удалилась на достаточное расстояние, чтобы не вступать в разговоры. Сергей со всеми здоровался. К нему подошла Катя вместе с плачущей матерью. Катя кивнула Марии и, посмотрев своими бездонными глазами на Сергея, поздоровалась с ним. Сергей, обрадованный встречей с друзьями, даже не заметил печального молчания девушки и болтал безумолку. Зубков весь красный и запыхавшийся (он бежал, чтобы не опоздать) стоял рядом. Мария включила камеру, и начала аккуратно, чтобы это не бросалось в глаза снимать всё подряд. «Может потом удастся это как-то засунуть в фильм. Похороны снимать! Да так я докачусь до уровня Правдина. Ладно бы

умер знаменитый человек, а то говорят обычный рабочий». Две старушки утирали слезы и, подойдя к ней, сказали пару ободряющих слов. Мария выдавила притворную улыбку и глазами начала искать Сергея. Он стоял и оживленно болтал с друзьями. А молоденькая девчонка смотрела на него влюбленным взглядом.

«Кажется, мой Ромео пользуется популярностью. Надо же»!

Алексей Зубков шепотом говорил:

- Тело нашли в жутком месте. Говорят, он был ещё живой, когда его обнаружили.

- Но что он там делал столько времени?

- Никто не знает. Мы с Павлом Сергеевичем будем расследовать это дело.

Сергей улыбнулся и обнял рукой Алексея.

- Вы хоть одно дело довели до конца. Вот чёрного человека разыскиваете уже несколько лет. Может и Сергея убил чёрный человек? Вы не знаете?

Молчаливая Катя, поправляя ещё школьное залатанное платье промолвила:

- Нет. Его убил не человек. Его лишило жизни какая-то странная химическая реакция. Я слышала разговор Мирона Александровича со своим коллегой. Он словно сторел изнутри. Это странная смерть. Ещё сказали, будто он материализовался из прошлого. Сплошные загадки.

Зубков нахмурился и застрочил в блокнот.

- Катя ты уверена, что всё правильно расслышала?

- Возьми Катьку в свой штат. Толку будет больше! – проговорил Сергей.

- А ты молчи. Лаборатории часто засекречивают свои исследования. Работать с ними трудно. Они, видите ли, боятся паники среди населения.

- Какие же из вас следаки, если вы данные лаборатории узнать не можете? Разве у нас в аномальной зоне можно что-то утаить?

Сергей рассмеялся, а Зубков разозлился и ляпнул не подумав:

- Действительно. Например, о твоём секретном романе с журналисткой Беккер знают все.

Катя вспыхнула и, помотав головой по сторонам, ушла к матери.

- А я и не стесняюсь! - С вызовом посмотрев на друга, промолвил Воробьев. – А горжусь!

Зубков нахмурился. «Бедная влюбчивая Катька, наверное, не знала. Она же не сплетница. Расстроилась. Ну и пусть теперь знает правду и не надеется. Этот debil даже не догадывается о её чувствах. Он берёт выше». Зубков протянул Сергею руку в примирительном жесте. Они сами его придумали в детстве, чтобы мириться после ссоры.

Сергей глазами стал искать Марию, но её и след простыл. Она уже была в доме и снимала интервью с Самуилом Денисовичем Денкером. Подъехала деревянная телега, запряженная старой лошастью. Стали выносить гроб и процессия потихоньку двинулась. Кладбище было в полукilометре от дома Подорожниковых и люди не спеша следовали за телегой. Вера с Валерией разбрасывали на дороге еловые ветки из мешка по старой традиции. Кладбище выглядело праздничным, цветущие цветы, летающие бабочки. Могила была вырыта рядом с могилкой юной жены Никитина.

Увидев это, Вера разразилась рыданиями, а еле успевший на похороны Пётр Соломонович стал успокаивать её. После кратких речей друзей и родственников пришла очередь Тихвину читать молитвы. Он немного сконфузился от количества глаз смотрящих на него, но сказав первое слово молитвы, весь ушел в её суть. Слышался тихий плач и причитания. Горе людей было неподдельным, так как хоронили очень молодого весёлого человека. Хотя похороны были частым явлением. Уход молодых людей оставалось печальным событием в городе Лигат, не смотря на все несчастья, на него свалившиеся.

Валерьян дочитал молитвы и близкие родственники стали прощаться. Помощники достали молоток и гвозди, чтобы заколотить гроб. Вера сделала шаг к гробу и оступилась, муж поддержал её. Именно в этот момент случилось странное и страшное событие. Крышка простого самого обычного деревянного гроба сама словно подлетела по воздуху и накрыла умершего. Наступило немое молчание. Все присутствующие, шокированные увиденным зрелищем, не могли сдвинуться с места.

Подорожников спустился к гробу и попробовал открыть крышку, она села как приклеенная. Тихвин осенил гроб крестом и при полном молчании его опустили в могилу. Многие люди при первой возможности удалились за пределы кладбища.

Остались только близкие друзья и родственники. Они кинули горсть земли в могилу. Два рабочих стали быстро засыпать могилу. Гроб завибрировал и стал подпрыгивать на месте. Перепуганные рабочие, покидав лопаты, убежали. Тихвин и Подорожников, оставшись в одиночестве, закончили начатое дело. Борода с Мережкиным стояли рядом с могилой.

Борода весь возбужденный от увиденного происшествия приговаривал:

- Да. Ну, надо же!

К курящему Павлу Сергеевичу подошел рабочий Иван Иванович Петров.

Мережкин знал биографию Петрова, но уважал его за то, что он исправился и стал добропорядочным гражданином и старался не распространяться о его прошлом.

- Павел Сергеевич я хочу вам рассказать все обстоятельства, при которых я обнаружил тело. Они объяснят то, что мы видели только что на кладбище.

Они удалились и даже натренированный слух Бороды не смог уловить ни звука.

Мирон, словно преступник, шёл по лаборатории, где хозяйничал Самуил Денисович. Он точно знал, что он будет на похоронах и торопился выполнить задуманное. Его присутствие ни у кого не вызвало подозрений. Он вошёл в кабинет Денкера и сев за его стол стал копаться в его записях. «Главное придумать качественную причину моего пребывания здесь». Он довольно быстро нашел тетрадь с записями исследований и стал быстро её пролистывать, ища необходимую информацию. Ученый записывал в блокноты и свои мысли о зоне. В глаза Мирону бросился абзац касающийся его. «Очень перспективный ученый, много научных идей и разработок. Трудности только с доведением их до логического окончания. Похож на профессора Лисенко в молодости. Безграничные перспективы». Далее шли рисунки.

Наконец на предпоследней странице он увидел свежие записи. Там шли сплошные химические формулы, значки, сокращения, но их он понимал. Читая это, у него выступила испарина на лбу. Он достал из своего кармана измятый листок бумаги, исписанный его рукой. Он водил по бумаге пальцем, чтобы найти необходимую формулу. Стал сверять её с аналогичной формулой из тетради Денкера. «Все совпадает, если не вникать в небольшие отличия. Это как инь и янь, как яд и

противоядие. У него топливо, а у меня искра». Он принялся читать далее. В тексте описывались магические свойства вещества. Небольшое количества раствора, способно заживлять раны, а излучение от камня своей частотой схоже с частотой работы человеческого мозга. Мирон читал и быстро делал пометки в своем листе, ему надо было торопиться, скоро должен был вернуться нобелевский лауреат.

Вернувшись к себе, он сразу достал кристалл и стал его разглядывать. Он излучал в отличие от самородка Денкера негативную энергию и не заметно портил здоровье того, кто его касался. «Главное, чтобы эти два элемента не соединились, но как этого избежать? Они настолько близки друг к другу, а главное где они были обнаружены!» Мирон чувствовал себя человеком, который держал в руках атомную бомбу.

В лабораторию вошел элегантный Боярский, он плавной походкой направился к зятю и недовольным голосом проговорил:

- Что за спешка, почему ты вызвал меня в срочном порядке. У меня полно дел.

- Извините, что я вас отвлек, но у меня дело огромной важности. Где вы обнаружили этот минерал? На территории зоны? У него есть аналоги?

Мэр почесал свой немного крупноватый для его лица нос.

- Я что должен отвечать на все эти вопросы?

- Это важно. Дело в том, что он может быть смертельно опасен для человека. Я поместил его в непроницаемый контейнер, но не могу с уверенностью сказать, что излучение не проходит через него.

- Эта вся опасность этого камня? Опасное для здоровья излучение? Другие полезные свойства ты обнаружил?

- Не совсем. Вы же не ответили на вопросы?

- И не собираюсь! Тебя это не касается.

- Минерал при взаимодействии другими веществами способен произвести взрыв, способный разнести город сравнимый по территории и населению с Москвой. Но самое страшное не это. При принудительном увеличении излучаемой кристаллом энергии, например при помощи огромных линз и химических реагентов он способен медленно уничтожить огромный регион.

Аномальная зона. Герт С.И.

Рудольф Владимирович начал хмурить брови и присел на стул. Кажется, он не ожидал услышать от зятя подобное сообщение.

- Как именно уничтожить?

- Население постепенно заболевает и умирает от резко прогрессирующих заболеваний. А главное он обладает свойствами полностью уничтожить у человека репродуктивную функцию. Население перестанет рожать детей. Конечно, для этого нужно около десяти лет. Но это не так много. К тому же обнаружить источник излучения практически не возможно.

- То есть ты хочешь сказать, что у нас в руках оружие нового поколения. Это и атомная бомба и страшный смертоносный вирус.

- Да! Я сделал предварительные расчеты, например Францию он способен уничтожить в течение пятнадцати лет, Россию за двадцать три, Америку за двадцать восемь. Конечно это все предварительные предположения, где много неучтенных параметров. Сейчас ни одна страна мира не обладает такими ресурсами, технологиями и веществами, но наука не стоит на месте. Одна аномальная зона всего за год произвела скачок научного прогресса, а через десятилетия мир изменится до неузнаваемости. Если доживёт.

Боярский встал и, теребя пальцы на руках, в сильном волнении стал ходить по комнате, недовольно косясь на стену, которая вся была увешена фотографиями дочери Ольги.

- Этот кристалл обнаружили в лаве в самой пострадавшей во время урагана точке города. Он в единственном экземпляре. По крайней мере, про другие мне не известно. Предположительно он внеземного происхождения. Он настолько опасен? А положительные свойства у него имеются?

- Я мало времени провёл, изучая его, но... я должен вам это рассказать ведь, правда. При правильном использовании, если подключить весь человеческий разум, технологии будущего, то из него можно сделать вечный двигатель, неограниченный источник энергии для всего мира.

- То есть ты хочешь мне сказать, что я держу в руках философский камень, который озолотит всех нас?

Аномальная зона. Герт С.И.

- Или свою погибель. Вы помните то, что я сказал ранее? К тому же с ним надо всерьез работать. Этот кристалл надо немедленно уничтожить. Я не придумал как но, по крайней мере, спрятать и забыть где. И никому, никому не говорить, то, что я вам только что сообщил. Сказать что это просто камень, тем людям, что обнаружили его. Он очень опасен.

- Не мели ерунды. Он нам пригодится.

- Пригодится! Я не желаю быть замешен в распространении оружия массового поражения. Это недопустимо для ученого.

- Да у тебя кишка тонка. Этот слабак смертник Денкер и тот способен на большее.

- Нет, он не должен его увидеть. Его никто не должен видеть...

Боярский подошел к Мирону и снял с держателя светящийся минерал. На секунду ему показалось, что он мигнул кроваво-красным светом. Он аккуратно поместил его в сейф. Взгляд его упал на стену с фотографиями дочери Ольги, и он с раздражением промолвил:

- Зачем ты здесь это развесил. Для этого существует твое личное пространство, разве не так?

Мирон стоял, скрестив на груди руки с нечеловеческой тоской в глазах.

- Мне кажется, что это единственное, что может вас удержать от страшного шага. Не думаете о себе, так подумайте о ней! Она тоже живет на планете Земля. Её тоже это всё касается. Подумайте, разве ваше богатство и свобода будет стоить её жизни?

Боярский молча развернувшись, удалился. Мирон сел на пол. Облегчение от того что от него унесли подальше камень смешался с чувством страха. Он чувствовал себя так, словно подписал приговор всему человечеству. Ни Боярский, ни Швец не заметили, как человек одетый в чёрную одежду слышал их разговор от начала до конца.

Мария Беккер сидела в кабинете Потёмкина. Был вечер, и здание администрации заметно опустело. Домой абсолютно не хотелось, её никто не ждал. Даже вечный спутник Сергей сегодня должен был помочь матери. Она была абсолютно свободна. Техника опять перестала работать, несмотря на попытки Правдина её

Аномальная зона. Герт С.И.

отремонтировать. Мария совсем отчаявшись даже накропала несколько статей в местную газету. «Докатилась, пишу для крошечной аудитории, к тому же судя по выражению лица редактора довольно паршиво». В кабинет вернулся Потёмкин с пакетом, из которого торчала бутылка вина.

- Заждалась меня? Но я не останусь в долгу. Накормлю тебя вкусным ужином.

- Я не возражаю. Но тебе следует очень постараться, чтобы меня удивить. Твои записи не убедили меня. А значит, не убедят и население зоны. Они любят Боярского таким, какой он есть - обаятельным тираном. Он легко отведёт все подозрения от себя. К тому же качество записей довольно плохое.

- Какие есть. Других не будет. У тебя лучшее оборудование в городе. –

Огрызнулся Потёмкин.

- Хочешь сказать во многом благодаря тебе?

Потёмкин просиял своей голливудской улыбкой. Во время разговора он раскладывал незатейливые продукты на тарелки. Он во всем любил эстетику и красоту.

- И мне тоже, но я рад тебе помочь и не только в этом.

Беккер только благодаря сотрудничеству с Потёмкиным жила в «правительственном доме», где, не смотря на катаклизмы зоны, работали все коммуникации, и было электричество. Мария могла бы получить те же привилегии и, подпевая мэру Боярскому, но их отношения сразу не сложились. Мария была пренебрежительна и надменна к местным жителям. Она не гнушалась ничем ради сенсации, а мэр, не любивший столичных выскочек, предприняв несколько попыток её приручить, решил просто игнорировать. Мария позже завязнув в зоне, пожалела о своем поведении, но исправить ситуацию уже не могла. Потёмкин был более прозорлив, но его влияние было несравнимо с влиянием Рудольфа Владимировича.

- И чем же ты сможешь для меня сделать?

- Смотря, что ты хочешь?

- То же что и все. Свалить отсюда. Но ты с этим мне помочь не в силах.

Дмитрий Валентинович разлил вино в высокие бокалы и передал один из них Марии.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Отчего же. Ты получишь пропуск в большой мир, как только я получу пост мэра. Ты никогда не думала об этой возможности?

- Разве мэр может это сделать?

- Да, но об этом не принято распространяться. Так как наш разлюбезный Рудольф Владимирович этим так и не воспользовался.

- Да, но разве ты не собираешься эвакуировать отсюда свою семью, да и самому тебе не хочется оказаться в безопасности? Амбиции?

- Безопасность относительное понятие. Моей семье намного спокойнее рядом со мной, нежели за периметром. А амбиции. Ты знаешь, я ведь долго проработал в Москве. Я высоко взлетел и больно упал. Хочу ли я повторить свой опыт? Не знаю. Среди акул даже не все акулы выживают. Я хочу остаться, здесь руководя своим изолированным государством в государстве.

- Для этого тебе нужно ликвидировать Боярского. Возьми винтовку и тёмной ночью сделай своё дело или закажи его чёрному человеку. А что, говорят, он может все!

Потёмкин рассмеялся своим приятным голосом и пододвинул блюдце с ветчиной поближе к Марии.

- Дашь адресок?

- А если серьезно разве не полагается в этих случаях привлекать его соратников на свою сторону. Например, Танаев. У него больше власти, чем у вас всех взятых.

- Он верный пёс. Когда меня назначили к нему в подразделение, он чуть не перегрыз обивку своего кресла, так он был зол. Дай ему волю он бы прихлопнул меня одним махом. Он боится и до безумия обожает своего хозяина. Хотя Боярский похоже его не переносит. Такие отношения возможны только, когда людей объединяет власть и страшная кровавая тайна.

- Не пугай меня. Танаев обыкновенный глупый вояка.

Потёмкин задумчиво посмотрел в лицо рыжеволосой Марии, и в его глазах промелькнуло сомнение.

- Мария, для всемирно известного журналиста ты плохо разбираешься в людях. Ты недооцениваешь их. Смотришь поверху, не вглядываясь в глубину.

Беккер выпила залпом бокал. Ей не понравились слова Потёмкина.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Надеюсь, с тобой я не пропаду. Я согласна действовать, ради пропуска на волю.

Что мне нужно делать?

Он наклонился к ней и поцеловал её в губы. Неожиданно для себя Мария ощутила внезапное возбуждение и ответила на его поцелуй.

- Пока достаточно составить мне компанию.

Но Мария была не готова к новому ракурсу их отношений, и она заспешила к выходу.

- В другой раз!

Мария понимала, что от его намеков и ласк будет сложно уклониться.

Кабинет мэра стоял в кромешной темноте, и на чёрном фоне фигура чёрного человека была невидима. Сделав несколько шагов, он нащупал крышку прекрасно замаскированного сейфа и с третьей попытки ввел код. Крышка открылась. Он быстро извлек сейф с камнем и быстро покинул комнату. Времени в запасе у него не оставалось.

Потерявший память больной быстро шёл на поправку. Ночью было спокойно и Катя, наконец, откликнулась на его просьбу позировать. Выписывать больного было рано. На ногах плохо зарастали раны и Никитин, так просил называть себя больной, мучаясь от скуки, занялся рисованием. Он почти профессионально рисовал портреты. В его коллекции было изображение Подорожникова, старой нянечки Ольги Васильевны и Мережкина. Пришла очередь Кати. Девушка долго сопротивлялась, но наконец, уступила. Она села на стул перед больным.

- Я правильно села? Может мне повернуться боком.

- Нет. Вот так оставайся и смотри на меня. Думай о чём-нибудь хорошем.

- Я думаю только о сне.

- Это тоже подойдет. Тебе говорили, что у тебя классическое лицо. Такие лица часто можно встретить на картинах.

Катя вздохнула и слегка улыбнулась:

- Что только мне не говорят, когда пытаются выпросить спирт.

Аномальная зона. Герт С.И.

В палату зашёл уставший Пётр Соломонович Подорожников. Застав их за этим занятием, он не стал делать выговор Кате, а наоборот, осмотрев пациента, стал рассматривать его рисунки.

- Память не вернулась?

- Иногда, кажется, я что-то начинаю вспоминать, но вновь темнота всё скрывает. Как будто кто-то мешает мне вспомнить.

- Ничего, ничего, прошло не так много времени. - Ободрял его врач.

Среди лиц и предметов на рисунках ему бросился в глаза зелёный дракон, уж очень от ему напомнил о недавно похороненном брате жены. Подорожников весь день ходил по больнице с мыслями о том может ли это быть совпадением.

Глава 9.

Летним вечером набережная городского пруда выглядела нарядно. Был не виден валяющийся мусор и разрушения аномальной зоны. С этого года, ещё с весны у местной молодежи появилось новое увлечение жечь костры. Практически каждый вечер набережная освещалась гигантскими кострами, здесь вместе тусовались,

распивали спиртное, целовались и грелись. Часто устраивали дискотеки под открытым небом. Молодые люди не знали, куда себя деть и впервые месяцы зоны буквально сходили с ума от изоляции. Ни интернета, ни телевидения, ни развлечений.

Сейчас спустя год они, кажется, привыкли и теперь находили себе занятия по душе. Катя была не частым гостем на пляжных вечеринках, ночные смены съедали свободное время, но сегодня было день рождения у школьной подруги и она выбралась на тусовку. Сейчас они подходили к одному из костров. На девушках был яркий манкий макияж, ставший популярным вкупе с разноцветной одеждой в серой и страшной зоне. Катя, оглядывалась по сторонам, ища в толпе знакомых и очень обрадовавшись, увидев вдалеке маячившую фигуру Алексея Зубкова. Она помахала ему рукой и, опустив пакет с бутылкой самодельного вина, направилась в его сторону.

- Привет. Давно тебя не видела. Эта моя подруга Анна. Познакомитесь?
Девушка уже изрядно выпившая вина, рассмеялась и протянула Алексею руку.

- Мы знакомы уже.

Алексей с интересом разглядывал миниатюрную брюнетку, но что-то в ней его отталкивало, несмотря на огромное желание именинницы, ему понравиться. В его сердце ничего не ёкнуло. Алексей был очень сентиментальным и душевным юношей. Он верил, что когда он встретит свою девушку, то обязательно это почувствует. Но нет, эта девушка ему совершенно не нравилась. «Совсем не похожа на Катю, вот в неё можно влюбиться, а с этой только можно провести время, и, кажется она совсем не против этого».

Алексей нравилась Катя, но просто как друг, тем более он догадывался о её влюбленности в Сергея Воробьева. Подруга, постояв немного, удалилась к другим своим знакомым. Катя и Алексей сели на бревно и уставились на блики от костров, которые играли на тёмной глади пруда.

- Как дела? - Повторила Катя свой вопрос.

- Неплохо. Павел Сергеевич обещал мне повышение. Только говорит тебе надо учиться, как будто аномальная зона сама не научит.

- Мы с тобой два недоучки!

Катя достала бутылку со слабым смородиновым вином и сделала глоток, затем передала бутылку Алексею.

- Я да, а ты скоро станешь настоящим врачом. Хочешь, развеселю тебя?

- Давай! - Кивнула девушка, рассматривая, как её подруги зажигают под весёлую музыку у соседнего костра.

- Приходит к нам один чужак и сообщает. Я ловил рыбу в пригороде и обнаружил, что она мутированная и приносит нам образцы. Мы долго рассматривали и ничего необычного не заметили. А он одно своё. Тычет в неё рукой и кричит. Разве вы не видите у неё совершенно другой окрас. Приходит один день, второй, третий. Павел Сергеевич уже не знает, куда его послать. В итоге вызвал нашего учителя биологии. Ну, ты помнишь эту старушку божьего одуванчика. Она приходит и с лупой долго рассматривает эти протухшие рыбины и сообщает. Это говорит товарищ обычный окрас рыбы и если это и мутанты, то должно быть они мутировали под действием химических заводов ещё несколько десятилетий назад. Тот недовольно стал собирать свои пожитки и тут в кабинет забегают его собачка. Настоящий мутант. Старушка так и села, с неё даже очки слетели. Собака, ты бы видела, с двумя свиными хвостами, пяточком, длинными ушами и противного зелёного цвета и кажется с грубой кожей словно панцирь. Павел Сергеевич показывает на неё пальцем и говорит: «А это кто у вас»? «Моя милая собачка, она в детстве переболела и теперь не очень эстетично выглядит». Ферзь, собака следователя, даже лаять не стала на этого зверя, а спряталась под стол и, кажется, сделала там лужу от страха. Вот такие идиоты у нас встречаются!

- Идиоты мутанты. А тебе не кажется Алексей, что и мы сами скоро мутируем?

Через пятьдесят лет нас выпустят, а мы совсем другая раса, даже не сможем иметь детей друг от друга.

- Мы всегда останемся друг у друга, пока выбор велик.

- Тогда почему ты сейчас не танцуешь с Анькой?

Зубков пожал плечами и, присвистывая, уставился на огонь.

- Тебе надо влюбиться. По-настоящему.

- По-моему это надо всем, кроме тебя.

Они смотрели на фигуру Сергея, которая маячила вдалеке.

- Ты знаешь, мне кажется, что мы в Лигате давно мутировали. Помнишь в детстве разноцветные облака заводов над городом. А мои бабушка и дедушка они никогда не улыбались и ходили с кислыми минами. А мой дядя, который любит выпить и жаловаться на всё на свете. Мы люди промышленного загрязненного города, мы уже уроды.

- Если судить по настроению нашего населения, то ты отчаянно прав.

Вокруг слышались пьяные окрики, смех, визг и вспышки спонтанных драк, которые быстро затихали. Стояла прекрасная теплая такая редкая для Урала ночь, ею все хотели насладиться. Катя, сделав глоток, придвинулась поближе к Алексею и положила голову ему на плечо. «И почему я не влюбилась в него? Он самый лучший друг на земле. Поддержит и всё понимает. Да и, пожалуй, симпатичней будет, чем Сергей».

Сергей, заметив их издали, помахал им рукой.

- Я иногда думаю о том, как бы я жил, если бы уехал. У меня была такая возможность. Я ездил тогда на полицейской машине и осматривал разрушения. Точно так же я бы мог подъехать к дому, загрузить болеющую мать в машину, и прорваться из города. Других близких родственников у нас нет, ничего нас здесь не держало. Я уверен, у нас бы вышло. Заградительные сооружения поставили только на восьмой день и не везде. Я сейчас мог бы вдыхать аромат соленого моря или кататься на лыжах на нормальном снегу и не бояться, что мой дом завтра уйдет под землю.

- Почему же ты не сделал этого?

- Как почему? Я думал, всё обойдётся. Мама наотрез отказалась, говорила: «Кто нас там ждёт, давай подождём ещё денёк».

- Надо было слушать Мережкина, я слышала, как он тебя гнал из города. Но знаешь, наверное, это судьба, что мы остались здесь. Больше половины уехавших людей погибли, а с нашим везением мы были бы давно в могиле.

- Ну не знаю, не знаю. Я считаю себя исключительно весёлым человеком!

- Если ты выиграл в лотерею пять тысяч - это еще не означает, что ты таков.

- Но все же почему не уехала ты?

- Я и не собиралась уезжать. В первые дни было столько больных, что я не могла уйти из больницы. Я почти не спала и валилась с ног. Я никогда не видела столько нуждающихся в срочной медицинской помощи больных. Страшные раны, смерти, гной, вязкая паника и страх, которые заволакивали всю мою грудь. А мне нужно было сохранять спокойствие, улыбаться и внушать надежду. Ты понимаешь, такая у меня работа. Некоторые врачи не выдерживали. У нас шутили, что в войну было ещё тяжелее, чем сейчас, что позади Лигат и отступить нельзя. Я жила на кофеине. Приехавшие бригады врачей МЧС помогали, но их было мало. На четвёртый день я сломалась. В приёмное отделение привезли мою первую учительницу Марию Федоровну. Ты помнишь её. Вечно придирающаяся ко всем старая дева. Всю изувеченную, в каких-то страшных зеленых трупных пятнах. С оторванной кистью рук, с огромными рваными ранами, без глаза. Своим единственным оставшимся глазом смотрела на меня с немой мольбой. Она меня в тот момент узнала. Все носились с другими ранеными, а я, положив её на каталку, направилась в операционную. Ей срочно требовалась операция. Но все были заняты, все врачи! Я в страшной панике и отчаяние носилась по коридорам.

Врач Павленков посмотрел на неё и, сказав, что она не жилец, принялся за другого больного. Наконец я нашла спящего от усталости хирурга Гнатько. Я с криками матом и кулаками растолкала его и заставила заняться ею. Он просил ассистировать. Но я не могла, не могла. С отчаянным плачем я выбежала из больницы и побежала домой. Мне хотелось поскорее выбраться из этого кошмара. Я прибежала домой и увидела мать с котомками и вечно пьяного буянящего отчима, который второй день праздновал конец света.

Мать обрадовалась, она уже собиралась за мной в больницу. Я посмотрела на них и вдруг поняла, что если бы они не нашли меня, то покинули бы зону вдвоем, оставив меня здесь. Мать панически боялась отчима и не в чём ему не перечила. И я вспомнила, из-за чего я так ненавидела эту Марию Федоровну. В младших классах я была такой забитой замарашкой. Вечно грязно одетая, неухоженная девочка, трясущаяся как зверёк. Этакая неблагополучная дебилка. Учитель, стараясь привить чистоплотность, ставила меня перед всем классом и позорила. Я страшно страдала и злилась.

Она не понимала, что дело не только во мне, но и в матери. Однажды она пришла к нам в дом и долго разговаривала с моей подвыпившей матерью. Представляешь, после этого разговора она даже купила мне платье и оставалась трезвой с неделю. Потом покатилося всё так же, как было до этого. Но я уже немного повзрослела и начала следить за собой. Но эта жгучая ненависть и стыд остались во мне навсегда. Детские эмоции самые сильные. И сейчас стоя на пороге дома и увидев своих собравшихся бежать родственников, я вновь увидела этот полный мольбы и боли глаз учительницы. Мне стало страшно стыдно за себя. Убежавшую из больницы медсестру в такой страшный для города час. Я, сказав матери, что не буду убегать. Зашла в дом. Сварила полную кастрюлю каши и, съев всё съестное в доме без остатка, легла спать на четыре часа. Затем я вернулась в больницу и в последний раз взглянула на мёртвую Марию Федоровну. Словно хвостик прилепилась к хирургу Подорожникову и во всём стала ему помогать. Вот так.

Зубков обнимал откровенничающую Катю. Ему была понятна её боль и желание выговориться. Девушка утёрла слезы, бегущие по щекам, и сказала:

- Извини. Я не знаю, что на меня нашло. Такие откровения.
- Мне не сложно послушать. Катя ты такая положительная!
- Ты шутишь!
- Нет, правда. Я в сравнении с тобой ну просто червяк!
- Скажешь тоже.

К ним подбежала возбужденная весельем Анька, и с удивлением посмотрела на их объятия. Затем, схватив Алексея за руку, помогла ему подняться с земли. Она посмотрела с вопросительно свирепым взглядом на Катю. Та в ответ только покачала головой. Мол, и не думаю его соблазнять. Аня обняла Зубкова и проговорила:

- Пойдём танцевать. У меня сегодня день рождения. Ты не можешь отказать имениннице.

Катя помахала им рукой, подумав о том, что возможно сегодня её подруге удастся проснуться утром с Алексеем в одной постели. Девушка огляделась по сторонам. Желания веселиться у неё не было. Вдалеке маячила смеющаяся фигура Воробьева. «Что же он свою любимую Беккер сюда не приволок? Или

рассчитывает сегодня заарканить девушку помладше». Катя застегнула куртку и направилась домой. Пройдя двести метров, она услышала шаги сзади. Она обернулась и увидела, как её догоняет Сергей. Она остановилась.

- Привет. Ты куда идешь?

- Как куда? Домой!

- Одна? Совсем с ума сбрендил. Попросила бы и я тебя проводил.

Они медленно двинулись к Катиному дому, который располагался совсем рядом. Катя молчала, ей не хотелось поддерживать с ним разговор. Но Воробьев, не замечая этого молчания, оживленно болтал о всяких пустяках. Дойдя до калитки, Катя, быстро поблагодарив, скрылась. Сергей повернул назад, он спешил к «правительственному дому», где его ждала любовница Мария Беккер.

Солонин Марк Валерьянович, которого все знали под именем Сталкер, забрался ночью в цех металлургического завода. Нужды в деньгах у него не было. Но неделя относительно спокойной скуки подействовала на него угнетающе, и он решил совершить ночную прогулку. Вокруг было спокойно, и он пробрался в цех заставленный ящиками с готовой продукцией. Место было опасное и не все мародеры осмеливались сюда сунуться, но Сталкер здесь прекрасно ориентировался, было время, когда он неделю здесь прятался. Он открыл один ящик и стал копаться в содержимом. Весь ящик был забит брезентовыми сапогами и перчатками.

«Вот это удача». - Подумал Сталкер. - «Продав содержимое ящика, я смогу месяц жить на широкую ногу». Новая обувь на зоне была дефицитным товаром. Он стал ломать крепёж второго ящика и вдруг он почувствовал в отдалении опасность.

Сталкер не пользовался приборами, которые по большей части были бесполезными. Он доверял только своему обостренному чутью. Чувствовать опасность он научился ещё на войне. Всей кожей. Он бесшумно развернулся и стал осматриваться по сторонам. «Что за черт! Откуда эта новая паутина»!

Он аккуратно подошёл к проходу в соседний отсек здания и стал всматриваться в темноту. Он почувствовал впереди себя колебания. Достал из рюкзака очки ночного видения и одел их. Этот прибор он не любил, так как, снимая очки, он

пять минут почти ничего не видел. Но в этой ситуации без них не обойтись. Он услышал шорох и, спрятавшись за высокий станок, стал всматриваться. То, что он увидел, удивило его. Впереди шли люди, около шести человек. «Надо же нашлись ещё смельчаки, которые хотят тут пожить, ну что ж посмотрим, на что вы способны».

Он достал из рюкзака несколько металлических шариков и бросил их по бетонному полу. Они, стуча по поверхности, создали целую какофонию звуков. Но идущие люди никак не отреагировали на это, а продолжали двигаться в направлении к Сталкеру. Он заметил в них ещё одно странное обстоятельство. Они двигались, словно пьяные, натыкались, на коробки и другие препятствия, словно не видели их. Падали и вновь поднимались и семенили дальше.

В боку мужчины неприятно кольнуло. Он, выдохнув, вышел им на встречу. Но опять ноль реакции, он крикнул. Опять ничего. И тогда он увидел, что их лица опущены и не выражают ничего. Бледные тени человека. Одного из них он узнал. Это был недавно пропавший военный из охраны. Он был такой же сорвиголова как Сталкер и они нередко встречаясь, делились новой информацией о зоне друг с другом. Но сейчас он был совсем не похож на себя. «Сука да ведь это зомби».

Он кинул в знакомого железной болванкой и он, оступившись, упал и словно барахтающийся жук на смог встать. Сталкер нагнулся над ним и увидел абсолютно бледную, тонкую, словно пергамент кожу на его лице, синие круги под глазами. Остальные люди остановились рядом с лежащим коллегой. Нескольких из них Сталкер тоже узнал. Он стал прощупывать пульс, но его не было и звука дыхания тоже.

- Что за чёрт. Что с тобой случилось?

Он стал бить по щекам и зомби открыл глаза. Все глазное яблоко было красного цвета.

- Как же вам помочь?

Солонин увидел вдалеке изолированную стеклянную будку, в которой, скорее всего в благополучные времена сидел начальник участка. Он по одному каждого зомби затащил внутрь этого помещения и закрыл снаружи. Они начали метаться, словно одурманенные мухи внутри стеклянной банки. Сталкер вернулся к ящикам

с обувью и, оттащив их подальше, накрыл брезентом и закидал грязью. Он быстро выбрался за пределы территории завода и направился к частному сектору, в котором жил следователь Мережкин. Он тихонько постучался в окно, и на пороге спустя пару минут показалась полностью одетая фигура Павла Сергеевича.

Сталкер вышел на свет и проговорил:

- Я обнаружил кое-что странное. Вам стоит взглянуть.

Мережкин ничем, не выказав удивления от визита Сталкера, отвязал овчарку Ферзя и, накинув старую замшевую куртку, последовал за ним. Следователь обратил внимание на то, что он один создает шума гораздо больше, чем Солонин с Ферзем вдвоем.

- Там кто-то умер?

- Я бы так не сказал. Когда увидите, решите сами. И только не задавайте мне глупый вопрос, что я сам там делал.

- Я догадываюсь.

Мережкин старался запомнить тот замысловатый путь, каким его вёл Солонин. Много любопытного ему открывалось в этот момент.

- Почему пришли именно ко мне?

- Вы мне симпатичны, в отличие от ваших коллег. Вы напоминаете честного полицейского из качественных детективных романов. К тому же у нас с вами одна цель.

- Цель? - Удивился Мережкин.

Он хорошо знал послужной список Солонина Марка Валерьяновича, но он в данный момент был неприкасаемым. Любое возбужденное против него дело, тут же закрывалось всесильным приказом мэра Боярского.

- Да цель. Мы оба хотим найти чёрного человека. Только вы ищете его, чтобы представить к справедливому суду, а я, чтобы долго мучить, прежде чем убить.

- Заманчивое сотрудничество. Похоже он пока неуязвим для нас обоих.

- Ему необычайно помогла аномальная зона. В хаосе и панике легко убивать. Но сейчас он вновь стал рисковать. Жажда крови. Ничего не поделаешь. Он вновь выйдет на охоту. Я его скоро найду!

- Сообщи мне как найдешь. – Пробурчал Мережкин.

Марк Валерьянович, поправив шляпу на голове рассмеялся.

- Обязательно. Кстати я на досуге ознакомился с вашими схемами, вы на правильном пути. У вас сегодня удачный день. Я сообщу вам новую информацию, касающуюся убийства старого фотографа. Вы правы там было два человека. Наш ненаглядный маньяк чёрный человек и я. Я чист. Я только очень корректно доставал пленки в доме, когда наш разыскиваемый «друг» издевался над стариком в огороде. Я тогда почти успел его настичь. Но этой сволочи повезло, его спасла сама зона. На небе появился летающий сверкающий цилиндр. Я словно прирос к месту, а он скрылся. Какой-то физический феномен. Расскажите на досуге об этом вашим учёным.

Мережкин с сомнением посмотрел на Сталкера, а тот в ответ рассмеялся.

- Не считайте меня идиотом. Вы ведь сами его видели там на «Северке». Когда вы покидали заброшенный поселок

«И откуда он все знает»? подумал Мережкин, перебирая в памяти всех людей которым он об этом рассказывал.

- Зачем ты мне все это говоришь?

- А вдруг я не доживу до момента мести. Только полный кретин на зоне строит планы на будущее. Тогда хотя бы вы схватите этого мясника за горло.

Они практически подошли к заводу, осталось только пересечь старинное кладбище. Мережкин похолодел.

- Пойдем через него, так быстрее и безопасней.

Через несколько минут ходьбы Мережкин застыл на месте от страха, чёрные фигуры, так испугавшие его на «Северке» опять стали подниматься из могил. Он смотрел на них, и они словно заметив его взгляд, поплыли к нему. Он перекрестился и упал на землю. Его скрутили конвульсии страха. Над ним склонился Сталкер.

- Только не говорите, что вы испугались этих чёрных испарений зоны. Их нельзя бояться. Они это чувствуют и тогда питаясь вашим страхом они будут принимать формы того что вы боитесь или перед кем вы чувствуете вину. Эта не моя теория, а вашего друга Бороды. Он иногда приходит ночью и вызывает фигуру своей

покойной жены и болтает с ней. Скучает, наверное. Я когда это впервые увидел, чуть сам в штаны не наложил.

Павел Сергеевич поднялся с земли и, отряхнувшись, стал оглядываться по сторонам. Фигуры в чёрном окружили мужчин. Молодой юноша с горящим взглядом, не отрываясь, смотрел на него. Следователь вскрикнул:

- Да кого вы видите? Признаться мне очень любопытно? Какие муки совести вас мучают.

- Разве вы видите что-то другое? - Еле слышно прошептал Мережкин.

- Да. Каждый видит то, что его мучает. Свой ночной кошмар. А так как меня не беспокоят угрызения совести, а лишь эротические фантазии, то мне мерещатся красивые женщины. Да возьмите же себя в руки. Это просто туман. Не все их видят. Если они рядом, значит, другие твари не сунутся.

Они быстрым шагом покинули территорию кладбища и вплотную подошли к заводу. Мужчины зашли в ангар, предварительно включив фонарики. Стояла тишина, и лишь огромная паутина немного вибрировала. Сталкер подвёл следователя к стеклянному аквариуму, где продолжали биться в странном танце две человеческие фигуры. Остальные лежали на полу и дергались в конвульсиях. Солонин открыл замок и они зашли вовнутрь. Внутри отвратительно пахло. Мережкин с ужасом заметил, что гноем сочится бледная кожа людей.

- Они мертвы, по крайней мере, у них нет пульса.

- Отчего же ты пришёл ко мне? Им же нужен врач и как можно быстрее.

Павел Сергеевич бросился к одному ходячему трупу и, коснувшись его с ужасом понял, что кусок кожи остался у него в руке.

- Вы что серьезно думаете, что им можно помочь? Да они рассыпаются на глазах. Я бы на вашем месте затем тщательно помыл руки. Я свою работу сделал и собираюсь удалиться.

- Хорошо. Хорошо. Только еще одна просьба к вам.

- Ещё? Кажется, я вас сегодня и спас и привел на место преступления, поделился планами насчет чёрного человека. Что же еще?

Сталкер курил, ухмыляясь, что на фоне умирающих людей выглядело оскорбительным.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Зайдите к Зубкову, пусть он приведёт сюда врача с лабораторией. И поскорее. Он поднес руку к голове и отдал честь.

- Будет исполнено товарищ следователь. Ещё поручения будут? Нет. Тогда я удаляюсь. А вы с этого момента мой должник.

- Сочтёмся!

Лаборатория, возглавляемая Денкером, прибыла только через два часа. Два ужасно долгих часа, которые Мережкин провел в одиночестве с трупами. К приезду специалистов шевелилось только два трупа, остальные лежали неподвижно. Взволнованный Подорожников, который больше всего на свете боялся распространения инфекции, тут же стал колдовать над трупами, беря анализы. О том чтобы привезти их в больницу для вскрытия не было и речи. Денкер напротив долго бродил по помещениям с прибором большого размера, снимал показания. Время от времени шепча про себя:

- Это интересно.

Алексей Зубков дежурил у входа. Его уже дважды вырвало, и Павел Сергеевич оставил его на улице. К нему подошёл Пётр Соломонович, который выглядел усталым, замученным и произнес:

- Предварительно могу сказать, что это не инфекция и не радиация. Они умерли от удушья и несколько дней назад. Мне здесь больше делать нечего. А отчего они продолжают ходить? Эти вопросы вам стоит задать лаборатории. Меня ждут живые люди.

- Спасибо вам большое.

Они попрощались и врач удалился. Ферзь долго смотрел ему вслед, он тоже был не прочь покинуть это место, но хозяин продолжал упрямяться. Денкер, кажется, никуда не спешил. Следователю пришлось задержаться ещё на полтора часа. В животе у Мережкина отчаянно бурлило, когда к нему подошел сияющий учёный.

- Я думаю, вам стоит поторопиться и поскорее вывезти из этого места corpses, они разлагаются с огромной скоростью. Эти люди теперь стали не интересны зоне.

Мережкин отдав приказания своим людям, вновь подошёл к ученому. Крепкие мужчины с отвращением помещали трупы в мешки, и грузили их в автомобиль, экстренно присланный Боярским.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Вы не могли бы назвать причину смерти этих людей?

Денкер почесал свою знаменитую лысину и поправил очки. Он задумчиво осматривался по сторонам, будто кто-то мог подслушать их разговор. Хотя вокруг не было никого.

- Вы не возражаете, что мы поговорим об этом в более подходящем месте. Понимаете?

Он показал рукой на крышу ангара.

- Она всё слышит. Именно сейчас она копается в наших мозгах. Ой, вам же не понятно. В центре есть милая булочная с кафе. Там делают самые вкусные булочки с изюмом и хозяйка там просто красавица. Может, сходим туда и позавтракаем. Знаете стариковская привычка кушать по расписанию. Я угощаю. Я только начинаю знакомиться с местными жителями. К счастью все оказались такими дружелюбными.

«Интересно с кем он здесь общается. Если видит всё в розовом свете. Наверняка не с моим ненаглядным другом Рудольфом Владимировичем».

Они сели в кабину грузовика, и тесно прижавшись, друг к другу, в полном молчании доехали до центра. Денкер долго объяснял своему подчиненному, что следует к его приезду сделать. Наконец, вернулся, к уставшему ждать Мережкину. Они зашли в источающую запахи булочную и словно оказались в своем детстве.

«Надеюсь, от нас не пахнет трупным запахом». Валерия Липская выйдя из подсобки, расплылась в дружеской улыбке. На ней было одето нарядное алое платье и босоножки с золотистыми ремешками. Наверняка она собиралась на встречу.

- Доброе утро. Кофе с молоком и двумя ложечками сахара и немного корицы, а для вас, что принести Павел Сергеевич?

«Оказывается Денкер смог расположить к себе и первую красавицу города».

- Мне тоже, что и Самуилу Денисовичу.

Она кивнула, и через пять минут за их столик принесли горячие напитки, омлет и теплые булочки. Денкер с явным аппетитом принялся за еду. Казалось, свежие воспоминания о гниющих трупах его не беспокоили.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Я здесь себя чувствую как в Америке. Мы с семьей собирались по утрам и вместе have breakfast.

«И в правду занятно. Сидеть вот так в кафе завтракать, как будто на улице не бушует опасная зона».

- Вы хотели прояснить для меня ситуацию с этими погибшими людьми.

- Да, да. Извините, я так легко отвлекаюсь. Я зафиксировал в радиусе от места обнаружения трупов колебания определенной частоты. Допустим как сердцебиение у человека. Но другой природы, более сложной организации. Подобные вибрации излучает наш мозг. Я осмелюсь предположить, что именно из-за этих колебаний мёртвые люди сохранили физиологические функции организма. Они могли передвигаться. Их питала среда. Если бы они оказались за пределом этого радиуса, то они вели себя как обычные трупы.

- Что это за колебания? Это аппарат, прибор?

- Такие волны способно излучать только разумное существо. У меня есть теория, немного безумная, но которая может объяснить произошедшие события. Я предполагаю, что то облако, которое накрыло город Лигат более года назад, было разумное существо неземного происхождения. И оно до сих пор здесь. Допустим, что весь периметр зоны это тело.

Он положил булочку на стол.

- А это.

Он взял небольшое печенье круглой формы и стал водить им по булочке.

- Мозговой центр. Он способен перемещаться по телу в любых направлениях. Совсем не так как у человека. Он изучает периметр, в котором он находится. И вдруг в этот центр зашли непрошенные гости. Я слышал ваш разговор с военными. Эти трупы не простые люди. Это профессионалы, которые не боялись ничего. Они искали артефакты и изучали зону. Должно быть, они оказались не в том месте, не в то время или чем-то обидели наше существо из другой цивилизации. И оно их наказала. Я вам уже объяснял причину смерти этих военных. Они словно в одну секунду перестали дышать, как будто кто-то выкачал из воздуха весь кислород. Я не знаком с подобными технологиями. Но самое интересное то.

Денкер прервался, чтобы сделать глоток и насладиться напитком. Павел Сергеевич увидел через окно, как по улице прогуливалась Вера со своими детьми и непоседливым Володькой. Он помахал ему рукой.

- Интересно то, что этот разум посылал импульсы в мозг этих людей, и они продолжали жить какое-то время. Вернее продолжал функционировать их brain. Это существо копалось в их головах, считывало информацию и изучало их. Как и нас когда мы там находились.

- Вы хотите сказать, что наш город подвергся инопланетному нападению?

- Разве вас это удивляет? Вы же видите, что здесь происходит! Все противоречит логике. Хотя я, конечно, не могу это утверждать на сто процентов. Это теория. Но ваш друг Ефим Иванович тоже пришёл к этому выводу. Хотя конечно его теория несколько сказочная.

«А Бороду к чему он сюда приплел?»

- Аномальная зона изучает нас как подопытных крыс и решает, кому жить, а кому умирать. Она здесь главная. Разве вы не замечали некие фантомные галлюцинации. Они всегда адресные. Как по-другому зона могла спроецировать то, что кроме вас никто не знает. Она способна читать души людей.

Валерия очень торопилась, добираясь до здания местного кинотеатра, туфли ей жали, и она не могла передвигаться быстро. Но пройдя на место, оказалось, что она пришла первой. Вскоре появилась запыхавшаяся Вера с детьми и ещё несколько женщин. Они косились на Валерию, рассматривая её нарядное платье. Наконец в дверях замаячила фигура Воробьёва Валерия Васильевича. Он подошёл к столу, и долго раскладывая бумажки явно волнуясь, начал:

- Я собрал вас всех, чтобы с помощью инициативной женской группы организовать небольшой праздник. День города. Это идею предложил наш мэр Рудольф Владимирович, чтобы жители города немного встряхнулись. Я думаю, каждый согласится с тем, что жителям не хватает положительных эмоций. Я предлагаю назначить главой по проведению торжеств, присутствующую здесь Липскую Валерию Ивановну.

Девушка буквально подпрыгнула от неожиданности. Окружающие женщины зашипели от возмущения. Фактически Липская не состояла ни в одной организации города и работала на себя. Кроме романа с мэром с городом её ничего не роднило. «Вот так сюрприз и зачем только я жаловалась Рудольфу на скуку. Это провокация. Он страшно не любит, когда я начинаю вести себя как первая леди. А тут надо же». На лице Валерии не было ничего кроме самой дружелюбной улыбки. Она вопросительно посмотрела на Веру, но та показала ей руками, мол, соглашайся. Она подошла к Воробьеву и, одарив его самой своей обаятельной улыбкой, промолвила:

- Это большая честь для меня. Но без вас, самые активные женщины города я не справлюсь. Вся надежда только на вас. Я новичок в этом. Но с вами мне не страшно организовать самое захватывающее торжество за последние несколько лет.

Валерия понимала, что улыбками и лестью ей не заполучить расположение дам, и она сделала ход конем.

- Своей помощницей и правой рукой я назначаю Подорожникову Веру Васильевну. Как человека ответственного и талантливого.

Вера встала с места и всем кивнула в знак своего одобрения. Хотя она и понимала, что толка от неё будет немного, если вообще будет в связи с беременностью. Но авторитет Веры, жены непогрешимого врача Подорожникова был не оспорим. Женщины постепенно привыкнув к Валерии, вступили в обсуждения и предлагали свои идеи. Воробьев воспользовавшись паузой, быстро удалился, его ждали другие дела. А в голове Липской кружилось только одно: где взять финансы для проведения праздника? Мэр не был щедр и выделил смехотворный бюджет, но этим женщинам очень захотелось праздника и они внутри дрожали от его предвкушения.

Валерия очутилась дома только через три часа. Её голова гудела от множества мыслей и она, останавливаясь на каждой, обдумывала её перспективы. Валерия в период раздумий начинала перебирать свою гардеробную. Это её успокаивало, и выставляло мысли в голове в логическом порядке. Приборка помогла и в этот раз, идей было множество и, в конечном счете, все упиралось в ресурсы. Но это и было

Аномальная зона. Герт С.И.

главной проблемой. Взгляд женщины натолкнулся на красивую коробочку, лежащую в ящике. Она открыла её и долго перебирала руками драгоценности подаренные Сталкером.

«Может деньги это и не такая проблема». Она вышла на балкон и затянулась ментоловой сигаретой. Запасы сигарет таяли, и лишь изредка Валерия позволяла себе вновь почувствовать табачный привкус во рту. Она подставила лицо приятному свежему ветерку. Только тучи, сгущающиеся у горизонта, вносили диссонанс и кололи иголками страха.

Взгляд девушки опустился на улицу, и задержался на фигуре Сталкера. Он стоял на противоположной стороне улицы и смотрел на неё. «Пришёл посмотреть дома ли я. А ты мне как раз и нужен». Она высунулась из балкона и помахала ему рукой, приглашая его зайти внутрь. Даже издали она смогла различить волну удивления, пробежавшую по его телу.

Она открыла дверь, а сама присела за свой обеденный столик и принялась составлять смету. Он зашёл и стоя на пороге с пошлой улыбочкой уставился на неё. Липская встала и, пройдя к кухне, налила чай и разогрела ужин. Она красиво сервировала стол и жестом предложила ему присесть. Он вымыл руки и сел с ней рядом. Он ужинал, не отводя от неё задумчивого взгляда. Сталкер несколько раз пытался заговорить, но она жестом приказывала ему молчать. Наконец, когда его молчание стало трудно выдерживать кожей, она встала и протянула ему листок бумаги, где был список вещей и необходимая сумма.

- Сможешь достать это? Срок три недели.

Он рассмеялся, осматривая список глазами. И теребя сальные волосы рукой, наконец, проговорил:

- Это что смета на проведение свадьбы, тогда это нужно передать нашему ненаглядному мэру.

Он с усмешкой уставился на неё.

- А я, предлагаю тебе совсем другое времяпрепровождение, нежели законный брак. Если это тебе интересно я готов!

Он принялся расстегивать пуговицы на своей рубашке.

- Перестань. Это смета на проведение дня города. Можешь сбыть это?

Аномальная зона. Герт С.И.

Она положила на стол подаренные ранее им же драгоценности и несколько вещей из её запасов.

Он задумчиво, и ей на секунду показалось, что с затаенной болью посмотрел на неё.

- Возможно, это и стоит бешеных денег там за границей аномальной зоны. Но здесь за это ты получишь сущие копейки.

Убери это и успокойся. Есть что-то по-настоящему ценное?

Валерия жестом показала подождать и, уйдя в ванну, через несколько секунд вернулась с небольшой коробочкой в руках и положила его на мозолистую руку Солонина. Он аккуратно развязал шнурки тканевого мешочка и извлек чёрный камень размером с орех.

- Ты ас в контрабанде. Ты и скажешь мне правду. Хватит или нет денег если продать это для того чтобы выбраться отсюда и если нет, то вырученные деньги пусть пойдут в дело.

Валерия показала рукой на лежащий на столе список.

- Где ты его обнаружила? На вид обычный камень. Мне нужно время. Что ты молчишь?

- Где я его взяла, его уже нет, и вряд ли он вернется на место. Если страшно, то отдай мне его назад и забудь об этом разговоре.

- Страшно! - Он рассмеялся громким издевающимся смехом. Но голос его был как никогда серьезен. - Мне страшно за тебя. Если он чего-то стоит, то тебе нужно быть осторожной. Ты меня поняла. Твой любовник страшный человек, если ему перейти дорогу, можно поплатиться.

Сталкер аккуратно положил камень в карман и направился к выходу, захватив список с собой.

- Я вернусь, как только узнаю его цену.

Звук шагов отчетливо слышался на много метров вперед и это был, пожалуй, единственный недостаток этой новой недавно построенной сверхсекретной лаборатории. Генерал старался приглушить шаги, в этот вечер он хотел остаться на посту в одиночестве и погрузиться в работу. Гостей на объекте не предвиделось.

Титановый корпус здания напоминал космическую станцию, нежели исследовательский институт, что было отчасти обусловлено тем, что разрабатывали и строили станцию те же люди что запускают в космос русские ракеты и спутники. Научные разработки русских инженеров были, как никогда за последние двадцать лет востребованы. Генерал ввел секретный двадцатизначный код и приложил свой пропуск. Дверь послушно открылась. На входе лаборант проверил состояние пульса и давление, к сожалению атаки аномальной зоны, на здоровье человека происходили и здесь. Генерал с тоской во взгляде посмотрел на экраны, из которых состояли три стены комнаты. Он надел белый стерильный халат. Здесь было так принято. Посередине комнаты располагалось рабочее место с наушниками на вращающейся платформе. Генерал удобно расположился на месте, рядом незаметно появился кофейник с ароматным кофе.

Смена предполагалась длинная. Более половины экранов не работали, шли помехи. Они вдруг начинали работать, а отключались другие. Это были капризы зоны, сигнал был неоднородным. Над тем чтобы перехитрить аномальную зону, трудились лучшие умы человечества и намечались значительные успехи.

Генерал взял пульт, и навел на один из работающих экранов, изображение тут же переместилось на свободное поле стены и увеличилось. Это была центральная площадь города. Вдалеке виднелся автомобиль мэра. Военная охрана организованно патрулировала улицы. Показалось группа детей, которые парами держась за руки, шествовали по площади, подгоняемые суетящимися рядом воспитателями. Детей снимала журналистка Беккер вместе со своим оператором. Генерал настолько приблизил изображение к лицу Марии, что смог отличить даже мелкие веснушки на её лице. Ему надоело смотреть на эту идиллическую картину, и он перевел изображение на район разрушенного квартала. Там все дышало смертью и страхом. Сколько не всматривался генерал, он так не заметил там ни единого живого существа. Ни собаки, ни крысы, ни даже мухи. Только гробовая тишина и туман господствовали в этом месте. Изредка там показывались люди, чаще непонятные тени и призраки, в которые Генерал не верил. Эта безжизненная картина ему тоже скоро наскучила. Он переключился на изображение одной улицы, и внимание его привлекла идущая фигура мужчины. Он приблизил

изображение, чтобы внимательнее рассмотреть лицо. Генерал вздрогнул. Мужчина повернулся, и уставился с экрана, прямо генералу в лицо. Глазами он сверлил его. Казалось, он смотрит прямо на него. Это был Сталкер. Не отрывая взгляда, он несколько секунд надменно пожирал его. И наконец, отведя глаза, он стал осматриваться по сторонам. «Ищет камеру. Не ищи это спутник, вряд ли ты его увидишь».

Солонин жадно глотнул воздуха, словно чувствуя слезку, опасность. Не теряя ни секунды, он скрылся во дворах. Генерал не стал его преследовать. Его внимание привлекли густые темные облака, идущие с Севера. «Как хорошо, что лаборатория надежное укрытие в опасной аномальной зоне». Вдруг сработала красная кнопка, и раздался знак предупреждающей сирены. Сознание Генерала долго не могла принять тот факт, что тревога на это раз не является учебной. Экраны, поморгав немного, погасли все до единого. Генерал схватил рацию и прокричал в неё:

- Уровень опасности три.

Погас свет, а аварийное освещение загорелось только спустя пять минут. Он выбрался из комнаты и с максимальной скоростью, на какую только он мог быть способен стал подниматься по лестнице вверх. Он добрался до застекленной площадки, из которой был виден город Лигат. Здесь уже присутствовали несколько учёных, покинувшие, как и он, свои посты. Генерал не скрывая удивления, стал смотреть в окно. Снаружи бушевала буря. Было темно как ночью, ветер гнул деревья до земли, камни и мусор кружились в воздухе. Земля ходила ходуном и стонала. Было по-настоящему страшно. Вода начала выходить из берегов пруда и становилась кроваво красной. «Господи, что же будет с жителями аномальной зоны. Снаружи ад». Только и успел продумать Генерал, когда стихия зоны обрушилась на новую лабораторию.

Священник Тихвин Валерьян Николаевич стоял на коленях в полуразрушенном храме и молился. Порывы ветра страшным звуком доносились снаружи. Тихвин старался отрешиться от всего. Но у него это не выходило. Ему было страшно. В здание он остался один. Детей и служителей храма он успел эвакуировать в убежище, а сам, вернувшись чтобы спрятать иконы, остался здесь. Он молился изо

всех сил, словно старался своим словом воздействовать на стихию. Порыв штормового ветра откинул запор на дверях, и они распахнулись. Напор воздуха стал кружить и переворачивать скамейки, стойки со свечками и оставшуюся церковную утварь. Тихвин изо всех сил вцепился в железную трубу, приваренную к полу, он старался не прекращать молитвы. Часть икон упали и закружились в отчаянной пляске по полу, ударяясь о стены. Только икона божьей матери продолжала кротким взглядом смотреть на священника. Он старался, не отводить от иконы взгляда, словно от этого зависела его жизнь. Стихия не унималась, и только спустя некоторое время в короткую передышку он увидел, что лик иконы плачет и приятный запах наполнил пространство. Он и перекрестился и пал перед ней на колени. «Что же происходит там снаружи, что даже иконы источают слезы»?

Глава 10.

Погода в аномальной зоне злобствовала трое суток, и только утро четвертого дня, кажется, дало жителям надежду на скорый покой. Вера Подорожникова, как и другие жители Лигата укрылась в бомбоубежище и ждала, теряя надежду.

Бомбоубежище, а по-новому укрытие было полезной постройкой, которое спасло ни одну жизнь. Построенное ещё при советском союзе, а весной восстановленное значительными усилиями жителей оно располагалось на территории завода, и было гигантского размера. Но, несмотря на значительные площади в него набилось столько народа, что передвигаться по нему было сложно. Люди сидели на каждом свободном клочке бетонного пола.

Время тянулось так медленно, что капающая с потолка капля воды, казалось, медленно летела, и пока достигала пола проходила вечность. Люди настолько спешно покидали свои дома в начале грозы. Прихваченной еды хватило только на первые сутки. Дети плакали и капризничали. Вере стоило громадных усилий их успокоить. На её душе было не спокойно. Муж Пётр Соломонович в момент эвакуации был в больнице, и она ничего не знала о его судьбе.

- Тетя Вера, кажется, гул затих. Можно я быстро сбегаю и проверю как там наверху? А?

Вера прислушалась, но ветер только на миг успокоившись, подул с удвоенной силой. Звонящий звук наполнил пространство комнаты.

- Володя. Тебе показалось. Когда ураган закончится снаружи, нам дадут знать.

- Интересно как нам сообщат, если возможно там никого не осталось в живых?

Кто-то, рядом услышав слова, отчаянно вскрикнул, и зарыдал. Вере захотелось дать подзатыльник и сидящей рядом женщине и собственному племяннику.

- Не говори ерунды. Это не единственное укрытие, да и стихия властвует не равномерно.

К ним подошёл мужчина и раздал им по крошечной порции воды. Полтора литра на четверых ещё на день. Продуктов не выдали совсем. Их просто не было.

Измождённый мужчина жестом показал, что задавать ему вопросы не стоит.

Варенька и Николай захныкали, и она крепче их прижала к себе. Вера повторяла одно. «Главное мы живы и непогода обязательно закончится». Она повторяла эти слова как молитву, хотя и не была в этом уверена. Если стихия будет злобствовать месяц, то им никто не придёт на помощь, а просто дадут погибнуть.

- Тётя Вера. Мне приснился замечательный сон.

Володька зашептал женщине эти слова на ухо.

- Просто замечательный. Я видел как там, у входа меня ждет отец. Представляешь. Можно? Ну, можно я сбегаю на минуточку и посмотрю, может он и вправду там стоит?

Вера обняла Володьку и стальным голосом прошептала:

- Володя ты не должен отходить от меня ни на шаг. Понимаешь. Одна я не справлюсь. Ты должен нам помочь, как старший мужчина. Когда мы будем в безопасности, тогда и продолжишь поиски. А пока будь рядом.

Володька шмыгнул носом, но выражение лица тёти и слова на него подействовали, и он словно стал выше ростом.

- Обещай мне это.

- Хорошо. Но я уверен, что он где-то рядом и ищет нас. Представляешь, как замечательно будет, когда мы встретимся!

Вера закрыла глаза. В её животе словно заплывала рыбка. Не родившийся ребёнок тоже страдал от голода. Она погладила по животу и в сотый раз проверила все карманы и сумки. Хотя знала, что там уже ничего не найдет. Прошла целая вечность, и Вера, рассказав уже все детские сказки, какие могла придумать и вспомнить. Она погрузилась в дрему. Неожиданный стук снаружи привёл всю отчаявшуюся человеческую массу в движение. Открылись двери убежище и

Аномальная зона. Герт С.И.

солнечный свет, проникший внутрь, больно зарезал глаза. Мужчина в военной форме аккуратно спустился внутрь и коротко скомандовал:

- Кто здесь главный подойти ко мне.

Из толпы выделился седоватый мужчина, директор местной школы и засеменил к военному.

- Сколько здесь человек?

- Около четырёх тысяч, может и больше. В основном женщины и дети. Что там снаружи?

Мужчина стал расталкивать людей, сидящих у входа прося их передвинуться. Он расчистил площадку и буркнул:

- Ураган ещё бушует. Сейчас здесь спокойно, но он может вернуться. На сутки всем оставаться здесь. У вас есть запасы воды?

- Совсем немного. Продуктов нет совсем.

Седой мужчина развел руками:

- Ясно.

Пока военный с добровольцами поднимались наверх, к директору спустился вертлявый мужчина и, используя пустой ящик как трибуну стал проводить митинг. Володька заёрзал на месте и стал вытягивать шею пытаясь рассмотреть в щель между створками дверей, что творится на улице.

- Тетя Вера я вижу папу! - Вдруг радостно завопил он, указывая пальцем на вход. Вера посмотрела в том направлении, но увидела лишь несколько фигур в военной форме.

- Володя сядь! Тебе показалось.

От крика заерзали младшие дети, и она отвлекла своё внимание на них. Желудок, предчувствующий пищу, буквально стал сводиться судорогой и Вера села на пол, чтобы пережить этот приступ. Она не заметила, как племянник прошмыгнул мимо неё и направился к выходу. Вертлявый мужчина начал свою речь:

- Дорогие жители пострадавшей зоны. Спешу вам сообщить, что местное руководство, которое назначено нас защищать, которому мы доверили наше будущее абсолютно деморализовано и не способно выполнять свои функции.

Избранный мэр в эти страшные дни укрылся в личном бункере и переживает и ему

Аномальная зона. Герт С.И.

абсолютно всё равно на ваши страдания. Это удача для вас, что нашелся человек, который рискуя своей жизнью и должностью, открыл склады, организовал людей и сейчас вы будете обеспечены питьевой водой и хлебом, чтобы выжить.

Нелепый агитатор сделал паузу, указывая на ящики с водой и продуктами, которые быстро спускали вниз. Жители, уставшие от скуки бункера, оказались хорошими слушателями. Только самые внимательные слушатели могли заметить, с каким презрением на агитатора поглядывали военные.

- Кто этот человек спросите вы? Я отвечу. Потёмкин Дмитрий Валентинович.

Именно ему вы обязаны тем, что ваши дети уснут сегодня с наполненным желудком. Я должен еще сказать...

К агитатору подошел главный военный, который первый вошёл в бункер и, схватив его за локоть, потащил к выходу.

- Вернёмся через сутки. Этот человек. - Он показал на директора школы. -

Распределит все продукты поровну. Удачи.

Дверь бункера закрылась, и несчастные люди жадно глотнули свежего воздуха, который смешался в их организме с чувством надежды. Надежда для измученного человека это уже много. Если снаружи есть живые люди, то жизнь не кончилась.

Нужно только запастись терпением. Вокруг то и дело вскипали разговоры, слышались недовольные высказывания о мэре. «Видимо даже такая неуклюжая пропаганда имела успех». Подумала про себя Вера. Она уже давно кляла про себя и зону и мэра и Потёмкина и своего мужа, а главное нескончаемую очередь, которая выстроилась за водой и продуктами.

- Володя. Володя. Ты где? Подойди.

Она стала оглядываться по сторонам, ища глазами мальчика. Ей он нужен был для того чтобы он проследил за детьми, пока она стояла в очереди. Но его нигде не было. Варенька, дергая мать за рукав, проговорила:

- Он ушел на улицу. Я видела, как он помахал мне рукой. Он сказал, что пошел за отцом.

Вере понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить произнесенные дочерью слова и понять, что она говорит правду. Женщина набрала полные лёгкие воздуха и изо всех сил закричала:

– Никитин Володя. Где ты?

Но ей никто не ответил.

В единственной больнице, которая функционировала, несмотря на ураган, был сущий ад. С началом бури паника так и не прекращалась. Персонал в спешке унёс тяжелых больных в подвал. Все путались и мешали друг другу. Трансформаторы плохо справлялись, и электричество то и дело гасло, погружая палаты во мрак. Только к концу второго дня Пётр Соломонович Подорожников своей железной волей сумел установить порядок, но сразу же к больнице стали приезжать военные грузовики и больница стала наполняться пострадавшими. Места было мало, а врачей ещё меньше и вскоре всё здание стало напоминать полевой военный госпиталь. Пострадавших было так много и эти люди являлись их знакомыми и родными, что у кого-нибудь из персонала то и дело возникали истерики и плач. У медсестры Кати тоже опускались руки при виде страданий и смертей, только Пётр Соломонович работал как заведенный. Сортировал больных, осматривал их, оперировал. Он делал всё возможное для пострадавших, но он не знал о судьбе своих близких и страшно переживал.

Он казалось, был одновременно в нескольких местах. Катю он прикрепил к себе, и она как хвостик бегала за ним, выполняя его поручения, ассистировала, помогала с осмотром. Вскоре она заметила, как к их тандему присоединился третий элемент. Неизвестный, потерявший память молодой больной мужчина. Как только начался ураган, он принялся помогать персоналу. Мужчина немного хромал и не мог двигать шеей, но в остальном он был очень силен. Он не гнушался любой работы и делал это спокойно и со знанием дела, почти профессионально. Он старался не отставать от Кати и если вдруг задерживался с пострадавшим, то через некоторое время вновь появлялся рядом. Катя не спала уже третьи сутки и валялась с ног, но старалась держаться бодро. Опытный глаз Подорожникова отметил это.

- Катя тебе положены два часа сна. И не упрямясь, через три часа нас ждут сложные операции и ты мне нужна отдохнувшая. Молодой человек, проводите Катю в сестринскую и проследите, чтобы она легла спать.

Сергей тут же встрепенулся, взял девушку за руку и потащил к выходу.

Аномальная зона. Герт С.И.

- А как же вы? - Пролепетала Катя.

- Мне поможет Павел Викторович.

Сергей потащил Катю по коридору, умело лавируя между лежащими на полу больными. Кате не нравилось называть этого мужчину Сергеем. Это имя давно ассоциировалось у неё с другим так горячо любимым человеком, и она в шутку называла его Эмилио. Как героя мексиканского сериала, который за сто серий дважды умудрялся терять память.

- Эмилио прекрати. Я сама прекрасно дойду.

- Я проконтролирую, как ты поешь и поспишь. Иначе ты полежишь двадцать минут и побежишь помогать.

- Нет, правда я устала, и доктор прав мне нужно немного поспать.

- Тогда я попью с тобой чай.

Катя пожала плечами.

- Как ты думаешь, когда все закончиться?

- Тот военный на грузовике сказал мне утром, что ураган стихает и возможно скоро закончится.

Словно игнорируя эти утешительные слова, раздался толчок землетрясения. С потолка посыпалась известка. Поднимая битую посуду, Катя порезалась и заплакала. Сергей склонился над ней и, подняв её с пола, обнял и прижал к себе.

- Вот видишь, я же говорил, что тебе необходим отдых.

Он подвел её к дивану и, стряхнув осколки, положил на него толстое одеяло. Затем уложил на него Катю. Он заваривал чай и отгонял то и дело забегающих в ординаторскую врачей и медсестер. Наконец он закрыл дверь на задвижку и принёс чай и бутерброд из засохшего хлеба девушке. Но Катя уже спала, свернувшись калачиком. Он долго с нежностью на неё смотрел. Разнообразные мысли вихрем проносились в его голове. «Была ли у меня девушка или жена? Ждет ли она моего возвращения»? Он погладил девушку по голове и, поставив завтрак рядом на выдающую виды табуретку, направился к выходу. Он хотел сделать тугую повязку на грудь, чтобы сломанные ребра меньше ныли, но очередные толчки нарушили его планы. Сергей уже хотел схватить с дивана Катю и спуститься на этаж ниже, но яркая вспышка из окна на несколько секунд

ослепила его. Но это было ни солнце, ни радуга, ни метеорит. Это был летающий аппарат цилиндрической формы, внутри которого находился мужчина и Сергей мог поклясться, что знает его. Он был одет в чёрный комбинезон, и только большие перчатки серебристого цвета привлекали внимание. К ним были присоединены провода, с помощью которых он возможно и управлял этим аппаратом. «Откуда я его знаю»? Мужчина в аппарате поравнялся с окном и их взгляды встретились. В его глазах был стальной блеск, но что-то в глубине его глаз было родным.

Мужчина поднял руку и ослепил Сергея ярко красной вспышкой, которая словно электрический заряд проникла в его тело, и, кажется задела каждую клеточку тела. Следующий сильный толчок всколыхнул твердь земли города Лигат и пол задрожал. Он упал и стал надеяться, что скоро все закончится, но очередной толчок сорвал с петель шкаф и он с грохотом опрокинулся на мужчину. Он в защищающем жесте закрыл лицо, но это не помогло. Удар при падении и красная вспышка вступили в странный симбиоз и в его голове стали возникать давно забытые образы и воспоминания.

Вот он летит на точно таком же аппарате и легко маневрирует в воздухе, военные учения, анализы. Податливое тело девушки неземной красоты, боль и страдание и похищенная его рукой, чья то жизнь. Боль страшная боль, которая переворачивала его тело рвотной судорогой. Затем он ощутил в своих руках худенькую руку своей умирающей от рака сестры и последний её прощальный взгляд, направленный на него. Он почти вспомнил всё и стал ощущать себя тем человеком, каким он был до аварии, которая вызвала амнезию. Воспоминания о прошлой жизни больно впечатывались в его сознание, и второе чужеродное я простого рабочего Никитина сжималось и с каждой секундой вытеснялось и становилось всё меньше и меньше размером. Сначала с апельсин, затем размером с грецкий орех, а затем и совсем превратилось в горошину. Но в тот момент, когда чужеродное сознание уже старалось покинуть его душу один крик, лишь один только крик всё перевернул вспять.

- Папа, папа спаси меня!

Сергей мог поклясться, что это кричал сын Никитина Володька. «Но постойте же. Это же мой сын!» Чужеродное сознание вновь захватило всё, и мужчина с огромным усилием поднялся с пола и побежал на улицу. В его голове вновь вихром закружились воспоминания Никитина. Они были лёгкими, радостными и простыми. Любимая до дрожи молодая жена, маленький смеющийся сын, простая и понятная работа. Никитин выбежал на улицу и отчаянно стал оглядываться по сторонам. «Господи как же я его найду. Один только крик, пожалуйста». Никитин со всей силы закричал.

- Володька, Володька, сынок, где ты?

Он отчаянно старался напрячь свой слух. Он даже не догадывался в этот момент, что его военное прошлое и применяемые на нём новейшие препараты помогут ему. Он своим усиленным слухом услышал далекие крики мальчугана и со всей силы, оббегая разрушенные развалины, побежал. Хромая он всё же довольно быстро достиг того места где находился сбежавший Володька. Он забрался на полуразрушенный гараж и голосил изо всех сил. Его рука странно висела и казалась сломанный. Сам мальчик, то истошно орал, то плакал от боли. Было видно, что ему ужасно страшно здесь находиться. Свора отчаявшихся голодных собак окружили гараж и пытались туда забраться, а мальчик отчаянно их отгонял. Увидев хромящего к нему Сергея, он радостно закричал.

- Папа! Папа! Я нашёл тебя. Почему, но почему ты не пришел раньше. Я знал. Знал, что ты жив!

«Как же он меня узнал. Ведь выгляжу я совсем по-другому». Он с волнением стал оглядываться по сторонам, ища, чем же отпугнуть этих бродячих собак.

- Сейчас, погоди сынок, я тебе помогу.

Он поднял с земли несколько камней, но собак ими было не отогнать. К тому же парочка из них уже переключила своё внимание с Володьки на него. Он приготовился отразить атаку, как выстрел раздался совсем рядом. Затем последовало ещё несколько выстрелов, и послышался отчаянный вой подстреленного пса. Остальные, потеряв вожака с рычащим лаем разбежались. Никитин повернулся и увидел необычную фигуру мужчину в шляпе с сальными длинными волосами. Это был Солонин. Он закурил и, подойдя к Сергею сказал:

Аномальная зона. Герт С.И.

- Ты кто? Я тебя не знаю.

Никитин не нашелся что ответить, а Володька отчаянно жестикулируя, прокричал:

- Это папа, это мой папа. Снимите меня отсюда. Пожалуйста.

Никитин поспешил к мальчику, а Солонин наставил ему в спину пистолет. Сергей остановился и повернулся к Сталкеру лицом.

- Я знал его отца и это не ты. Кто ты? Я видел тебя раньше и ничего хорошее это знакомство для меня не предвещало.

- Марк прекрати. Слышал моего сына. Я его отец и убери пушку.

Он с мольбой посмотрел в глаза Сталкера и неожиданно запел детскую дразнилку.

- Марк-Мар-дурачок

Повадился в кабачок,

Там его били,

Его колотили

В четыре дубины

- Это я. Дай помогу мальчику.

Сталкер убрал пистолет в кобуру и оба мужчины подошли к гаражу. Сталкер поднялся на здание и спустил ребенка на землю. Мальчик кинулся в объятия к отцу. Сталкер с удивлением на них уставился.

- Вам нужно убираться отсюда. Видишь тучи впереди. Нас ждёт еще одна встряска, боюсь не слабая.

- Мы вернемся в больницу. К тому же сыну нужна помощь.

- В больницу? - Поморщился Сталкер. – Нет. Слишком далеко. Здесь рядом бомбоубежище. В метрах ста. Идите туда.

- Да там тётя нас ждет. Я знаю дорогу.

Они взялись за руки и направились в сторону бункера.

- Постой. Я буду следить за тобой. Я, кажется, вспомнил, где я тебя видел. А пока иди. Спасай мальчика.

Они довольно быстро подбежали к убежищу. Но открыли им только спустя десять минут. Высунулась голова директора и затащила их внутрь. Володька кинулся в объятия насмерть перепуганной Веры, а Никитин стоял сзади. Он не знал как вести себя с сестрой. Ведь он был не в своём теле.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Тетя Вера смотри. Это папа. Я же говорил, что найду его.

Вера с ужасом уставилась на Никитина.

Мэр Боярский Рудольф Владимирович действительно находился в бункере своего дома. Но сказать по правде сюда он заезжал лишь в случае, когда его нахождение наверху было опасным. Он старался руководить жизнью города и отсюда, но узнав о масштабе разрушений, которые постигли город, у него опускались руки. Сейчас он переждал очередную вспышку разрушений и как он надеялся последнюю. В период вынужденного бездействия он страшно злился и вымещал это на своих близких подчиненных. Но как назло все были при деле. Танаев руководил доставкой раненых в госпиталь, Воробьев сидел на складе, а остальные и вовсе разбежались по подвалам и бункерам.

Он спустился в лабораторию, где работал Мирон и с удивлением увидел, что все домашние прячутся от него здесь. Мирон, словно не замечая окружающей обстановки с увлечением занимался своими опытами. Загадочный учёный Денкер, что-то записывал в свою пухлую тетрадь, тихонько сидя в сторонке. Рядом откровенно спал, издавая свистящие звуки охранник, который был назначен для того, чтобы охранять нобелевского лауреата. А заботливый Самуил Денисович даже подложил ему под голову подушечку. Липская тоже не сразу заметила вошедшего любовника. Она кроила кусок ткани на столике для опытов. Рядом с ней на полу стояла швейная машинка. Увидев, наконец, Боярского, она, натянуто улыбаясь, направилась к нему. Поцеловала его в щечку, но он небрежно от неё отмахнулся и развалился в кресле. Валерия пыталась угодить мэру Боярскому с того момента, как украла из его сейфа загадочный камень. Жаль, что он оказался обычным, что с сарказмом заявил ей Сталкер. Она ему верила. Лишь одна мысль возникала в её голове, зачем Рудольф Владимирович хранил обычный камень в сейфе?

- Хочешь выпить? - Спросила она хмурясь.

Он кивнул. Валерия вернулась через пару минут, неся полный стакан с виски.

- Как там наверху? Много разрушений?

Она боялась заикнуться про жертвы, так как не хотела услышать ответ.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Будем всё это считать, когда эта буря закончится. Что это ты делаешь?

Работаешь?

Он ткнул пальцем на разложенные вокруг неё журналы с выкройками.

- Шью костюмы на праздник.

Мэр рассмеялся и сделал большой глоток из стакана.

- Праздник? Ты думаешь, что его стоит проводить?

- Стоит, не стоит. Но сидеть без дела невыносимо. Так, по крайней мере, голова занята.

- А желудок вином?

Она посмотрела на пустую бутылку вина в руках мэра и пожала плечами. Она и сама не заметила, как успела выпить её.

- Значит работаешь. Как эти два светила? Наверху суший ад, а они даже не замечают этого, и увлеченно работают.

Валерия посмотрела на улыбающееся лицо Мирона. Кажется, его опыт прошел успешно.

- Им же всё равно на людей. Они живут в науке. Два идиота.

- Не ты ли недавно выдал им объёмный список того, над чем им необходимо работать в ближайшее время. Они и трудятся сутками и помогают пострадавшим людям. По-своему.

- Тебе нравятся эти два химических недоразумения? Может, будешь с ними проводить свободное время.

Валерия выдохнула и проговорила тихим голосом:

- Не стоит бросаться на людей только за то, что в одного влюбилась твоя дочь, а второй пытается всем угодить, и доброжелателен с тобой. Они не виноваты, что ты сидишь здесь и корчишься от бессилия. Возьми себя в руки.

Мэр схватил Валерию за запястье. Девушка вскрикнула от боли и с удивлением уставилась на него. Она никогда не видела Рудольфа Владимировича в подобном состоянии. Ему вдруг стало стыдно. Он понимал, что зашёл далеко.

- Не строй из себя леди, мне гораздо больше нравится ложиться в постель с провинциальной звездой.

В лабораторию заглянул один из охранников мэра и промолвил:

Аномальная зона. Герт С.И.

- Ужин готов. Всех зовут в столовую. И ещё приехал Воробьев Валерий Васильевич и просит вас подняться.

Мэр удалился к выходу. Валерия оглянулась на остальных присутствующих. Они, кажется, и внимания не обратили на ссору. Она захлопала в ладоши и громко проговорила:

- Дорогие учёные. Минуточку внимания. Вам необходим перерыв. Поэтому давайте поужинаем.

- Есть новости? – Взволнованно спросил Денкер.

- Пока не поднимемся, не узнаем.

В столовой Валерия увидела странно взъерошенного и словно помолодевшего Воробьева. Словно мальчик он скороговоркой кричал слова на всю комнату.

Всегда до мелочей вежливый он даже не встал с места, чтобы поприветствовать девушку.

- И вот этот наш так называемый коллега разъезжает со своими прихлебателями по убежищам и везде треплетя о том, что это он, дескать, раздаёт продукты и воду.

Как будто мы, то есть вы, к этому не имеете никакого отношения. А наоборот перекрыли склады и оставили горожан умирать от жажды и города. Он подонок, извините Валерия Ивановна, но он именно подонок. С какой стати он решил мутить воду именно в этот трудный для нас момент.

- Ты не прав Валерий Васильевич, это самый лучший момент! Выжившие люди навсегда запомнят имя своего спасителя, даже если это ложь.

Пришедшие ученые тихонько подсели к столу и с аппетитом устали на еду.

Мэр, отодвинув от себя полную тарелку, закурил, выдыхая ровные кольца дыма.

Воробьев удивлённо спросил:

- Я не понимаю его стремления к власти. Зачем она ему нужна? Здесь это самая неблагодарная работа.

Мэр рассмеялся.

- Знаешь, почему я считаю тебя лучшим помощником? Ты всегда говоришь то, что думаешь. И хотя есть люди умнее и хитрее тебя, но ты всегда на своем месте.

Воробьев открыл рот от удивления, не зная как реагировать на этот сомнительный комплимент.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Он хочет власти. Она даст ему деньги и внимание. Он страшно тщеславен и последователен. И умён. Под носом Танаева провести такую аферу. Только он даже не представляет, как легко власть заберёт из него всё человеческое. Как много простому народу может стоять некомпетентный руководитель.

Неожиданно в тишине комнаты раздался негромкий голос Мирона:

- Вы думаете, что от одного руководителя много зависит? И он один может двигать историю по своему желанию?

Боярский слегка опешил, когда услышал вопрос от зятя.

- Нет, конечно. Любой вождь. А именно крупного руководителя вы сейчас имели в виду? Не так ли? Не нас мелких чиновников. Любой вождь это заложник и раб своего народа, одновременно палач и хозяин. И каждый власть держащий стоит перед выбором приобрести черты тирана или прослыть благородным слабаком. Тиранов ненавидят и любят в нашей стране, а слабаки долго не живут.

- Но всегда существует третий путь.

- Возможно. Это путь умелого лавирования между слабаком любителем и тираном. Этаким хозяин либерал просветитель. Такие тоже встречались в нашей истории, но они кончали ещё хуже, чем слабаки. Их уничтожали не палачи из народа, а люди их же круга.

- А наш нынешний руководитель разве не относится, по-вашему, к этой третьей категории? Или я ошибаюсь. Я плохо осведомлен о состоянии современной политики.

- Возможно, он умудряется это сочетать, но ведь и земля не горела у него под ногами. Как легко может упасть маска миротворца с лица хозяина, когда безумные шаги бунта тихо послышатся впереди.

- А вы сами себя относите, к какой категории?

Мэр задумался. Липская сидела, отвернувшись от мужчин блистая великолепным профилем. Самуил Денисович сидел бледный от приступа боли, парализовавшего его на несколько минут. Воробьёв ковырялся в бумагах. Он любил порядок даже в хаосе нынешних событий. Один Мирон, раскрасневшись, смотрел мэру прямо в глаза. У Боярского стучало в висках, словно отстукивало количество погибших

Аномальная зона. Герт С.И.

людей. «Какой же я тиран, я слабак сижу тут с вами с отключенной рацией и прячусь, пережидая грозу».

- Я если надо смогу быть и слабаком и тираном. Если так будет лучше для моих горожан. Мы с вами в уникальной ситуации. Мы на одной лодке.

- Вы не желаете быть крысой и не покинете свой корабль до конца?

Рудольф Владимирович расхохотался:

- Нет, я этого не говорил. Мы все крысы и желаем выжить. Не все геройничают.

Некоторые настолько устают, что желают только об одном, о свободе. Знаете, я ведь верю в ту историю, что однажды царь, оставив всё, власть, семью, подданных и ушёл в монастырь. Он устал. Он просто устал.

Рудольф Владимирович уже хотел прервать разговор, но Мирон не унимался. Его очки казалось, сверкали победным блеском.

- Вы считаете, что власть аморальна?

- А ты разве нет? Любая власть это насилие над слабыми. Подавление воли. Да любая власть аморальна.

Валерия устав от этого разговора, улыбаясь, попыталась сменить тему.

- Вам не кажется, что в подобной ситуации разговоры о политике не уместны?

Полно других тем.

- А ты можешь предложить другую тему для разговора? На мой взгляд, в беседе, да и вообще в разговорах ты не сильна. Мы не в кабаке и не в борделе. Там ты бы стала лучшей собеседницей.

Валерия вспыхнула и чуть не выронила бокал из руки. Нервная дрожь пробежала по её телу. Ранимый Денкер покраснел как рак. Мирон сидел с открытым ртом и смотрел на окружающих. Воробьев покопавшись в бумагах, передал одну из них своему начальнику. Валерия неслышно встала и, запустив пустой бокал в противоположную стену, извинившись, вышла. Осколки лежали на полу.

Домработница не спешила их убирать. Все молчали и торопливо доедали ужин.

Тишину нарушил сам Боярский.

- Валерий Васильевич вы мне так и не объяснили то, где в этот момент были наши люди среди военных? Как они допустили откровенного саботажа и агитацию?

Аномальная зона. Герт С.И.

- Он такой же их начальник, как и Танаев. Многие предпочли не вмешиваться. Предоставив начальству самим разбираться. Да и откровенно говоря, не до этого было Рудольф Владимирович. Вы же понимаете? Последний раз подобная трагедия была больше года назад и люди живо всё помнят. К тому же сам Пётр Васильевич Танаев, говорят, рвал и метал. Одного из агитаторов Потёмкина, точнее его зама сильно избил и оставил снаружи, не впустив в бомбоубежище. Надеюсь, он остался жив.

- Да я сам виноват, что схлестнул этих двоих, заставив бороться за место под солнцем. Я этим пытался приструнить потерявшего ощущения границ Танаева. Ну что ж небольшое противостояние Боярского и Потёмкина не сделает нам хуже. Народу будет, о чём поболтать вечерами.

Мэр откинул от себя листок, переданный Воробьевым лишь бегло на него взглянув.

- Считать урон будем тогда, когда это потребуетя, а сейчас я поднимаюсь наверх. Мне надоело бездействовать. Пойдем в администрацию и начнем работать. Надеюсь, вы со мной.

Воробьев, убирая бумаги в портфель, кивнул в знак согласия. Боярский встал из-за стола с удивлением обнаружив, что учёные незаметно испарились, что было необычно, так как оба были довольно неуклюжи. Он достал из ящика комода рацию и попытался настроить, но сигнала не было. Взгляд мэра наткнулся на портрет жены. Она с укоризной смотрела на него, словно была им недовольна. Боярскому стало противно от своего бессилия и пустых разговоров. Укол совести кольнул его, когда он увидел осколки стекла на полу.

- Только у меня к вам будет просьба Валерий Васильевич. Вы не могли бы подняться наверх к Валерии. И принести ей мои извинения. Как бы она не наделала глупостей и не отправилась наверх.

Воробьев хотел отказаться, но пока он придумывал фразу отказа, Боярский уже скрылся за дверьми своего кабинета. Тихим шагом он направился наверх, ища глазами человека, который бы смог указать ему местоположение Валерии. Но её к счастью долго искать не пришлось. Она сидела на полу в соседней комнате. На коленях её лежал глянцевый журнал, в который, кажется, она даже не заглядывала.

Аномальная зона. Герт С.И.

- А это вы.

Подняла она на него глаза. «Какая красавица и ни капли слез на лице.

Разозлившаяся прекрасная Кармен».

- Это он вас отправил ко мне. Можете ничего мне не говорить. Я всё понимаю. Не хватило времени прийти самому.

- Валерия вы прекрасная женщина и заслуживаете всего самого лучшего.

Женщина вздохнула и поднялась на ноги. Она сняла туфли и сейчас стояла босыми ногами на пушистом ковре. В этой комнате, как и во всех других со стены на входящих смотрел портрет умершей жены Боярского.

- Я знаю. Вот только счастье в этот список явно не входит.

- Вы живы, молоды и красивы. Этого достаточно для счастья. А мужчина? Иногда стоит, разрывая сердце уйти от человека, но дать себе шанс на другое будущее.

- Вы говорите о себе или обо мне? – Резко прервала его девушка.

Воробьёв отвел глаза. Валерия, знающая историю Воробьёва, чувствовала, что он несчастлив во втором браке, и жалеет, что оставил первую жену.

- Вот только мы все в одной клетке и нам некуда бежать.

Воробьёв развел руками и вышел. В коридоре его ждал переодетый Рудольф Владимирович.

- Там может быть опасно.

- Опасно? Гораздо опасней для нас оставаться здесь в неведение. Не трусьте.

Идём.

Они стали подниматься по лестнице наружу.

Самуил Денисович Денкер сидел в лаборатории весь погруженный в свои мысли. Приступ боли, мучающий его на ужине, прошёл, а необычные методы освещения в доме мэра подсказали ему несколько идей, которые он прокручивал в своей голове. Денкер не сразу обратил внимания на топчущегося рядом с ним Мирона. Швец никак не мог найти слова, чтобы начать разговор. Наконец, проверив все двери на наличие подслушивающих людей, он проговорил.

- Самуил Денисович можно я побуду с вами.

Денкер с интересом посмотрел на коллегу.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Конечно. Вы мне совсем не мешаете.

Денкер вновь занялся опытами. В небольшой перерыв между исследованиями

Мирон вновь заговорил:

- Самуил Денисович, что бы вы сделали, если бы обнаружился катализатор к камню, изучением которого вы занимаетесь?

Денкера вновь накрыла волна боли и сквозь слабость он ответил:

- Я бы вручил свой камень тому человеку, который пришел с катализатором.

Сказал бы: делай с ними, что хочешь я, умываю руки. Уничтожить их непростая задача.

Мирон побледнел, но Денкер вновь занявшийся опытами не заметил этого.

В подвале единственной действующей церкви города Лигат тоже укрывались люди, здесь же находилось несколько детей сирот. Валерьян Николаевич Тихвин хотя и сумел спрятать в подвал большую часть икон, однако совсем не предусмотрел то обстоятельство, что в заточении подвальных стен они могут провести несколько дней. На их счастье кладовая церкви располагалась именно в подвале. Бочка с водой, и другие припасы сделали их пребывание относительно сносным. Но запас иссякал, а грузовики с помощью игнорировали здание церкви, таким ветхим и заброшенным оно казалось.

Устав выслушивать жалобы и всхлипывания детей, он, набравшись мужества, поднялся наверх. Его поразила царящая вокруг тишина. Ни пения птиц, ни гомон людей, ни лая собак. Тишина властвовало над зоной. Он глотнул свежего воздуха полной грудью и вышел на крыльцо. Вокруг церкви было мало разрушений. Много мусора, поломанные деревья, но вот то, что он увидел впереди, привело его в ужас. Плотная штормовая темно-синяя стена воздуха разгулиwała по городу, разрушая всё на своем пути. Она напоминала сверло, которая врезается в волокна древесины, оставляя за собой ровную борозду. Тихвин увидел, как вдалеке рухнул многоквартирный дом в считанные секунды. «Мать пресвятая богородица. Судный день и тот, наверное, выглядит милосерднее».

У священника подкосились ноги и он сел на крыльцо. Пара белоснежных кроссовок высунулась из-под потрепанной сутаны. Тихвин схватился за голову и

пытался сдержать слезы неожиданно подступившие. «Просто удивительно как я умудрился оказаться в самом страшном месте России». Он тут же задвинул эту паникерскую мысль подальше, вспомнив какие муки, претерпевал народ и священники во время войны и революции. «Это всего лишь небольшой клочок земли по сравнению с огромным миром. Люди, живущие в других городах, даже не представляют, какой здесь ад». И совсем уж не прошенная мысль, затесавшаяся в его сознание. «Надеюсь, моя гитара не пострадала от этого сильного ветра»?

Взяв себя в руки, он принялся молиться, совсем позабыв о том, зачем он поднимался наверх. Внизу его ждали с провизией измученные люди. Неожиданный звон колокола привел его в чувства. «Колокола же не в рабочем состоянии, отчего же они зазвонили»? Он поднял голову и с изумлением уставился вверх на колокольню. Там находился человек и странно суетился. Мысль о воре посетила голову Тихвина. В действительности несколько колоколов были ценными. Он со всех сил бросился по ступенькам вверх. Но не успел он подняться на колокольню, как услышал довольно мелодичный перезвон колокольчиков. Наконец еле волоча ноги, он достиг верхней точки. Он еле дышал и, увидев мужчину, лет сорока пяти в комбинезоне защитного цвета, не смог выдохнуть ни слова.

- Здорово. Что же вы не приводите колокола в рабочее состояние. Тут работы часа на три не больше. Ну и конечно нужен человек с музыкальным чутьем, чтобы выровнять звук. Я с этим не справлюсь, конечно. В нотной грамоте я ноль. Да и зачем вы здесь все перепутали, перевязали? Не порядок.

- Вы кто? И что здесь делаете? - Еле выдохнул Валерьян и подошёл поближе к открытому проёму, чтобы взглянуть на бушующую тучу.

- Она ушла и, кажется, не вернется к нашему месту, но всё равно следует поставить снаружи человека, чтобы глядеть за её передвижениями. Видал, как бушует. Зараза.

Тихвин кивнул в знак согласия и только сверху стал рассматривать масштабы разрушения. Часть районов города были полностью разрушены. Часть оставались нетронутыми. Оставалось только надеяться, что люди успели спрятаться в укрытиях.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Я рабочий Петров Иван Иванович. Забавное имечко. Никто его не может запомнить. То Ивановым, то Сидоровым обзовут. Моя жена прячется у вас в подвале. А я вот в затишье сюда прорвался. У вас ничего, только жрать нечего. Тихвин припомнил красивую белокурую женщину лет тридцати стойко переносящую все испытания. Она ни разу не пожаловалась и пыталась ему помочь. «Значит это её муж». И он действительно вспомнил, как видел несколько раз эту пару на улице.

- Я тут без вашего разрешения всё облазил. Но ничего не нашел, кроме пачки печенья. И подумать не мог, что вы тут в церкви так бедно живете. Всегда считал, что вы здесь как сыр в масле катаетесь. А может затырили где-то в секретном месте? Так я вам так скажу, сейчас самое время делиться.

Тихвин развёл руками. С продуктами и вправду в последний месяц было плохо, да и запасы все были внизу.

- Если только в трапезной посмотреть.

Петров махнул рукой.

- Там побывали до нас. Ничего не оставили. Гады. А ещё?

- Нет. Больше продуктов нет.

- Тысяча чертей. Ой, извините. Я по-свойски, по-простому. Ну что ж.

Он почесал затылок и внимательно стал рассматривать строения внизу.

- Мужики мы или не мужики. Туча на западной стороне города. Полчаса у нас будет. Видишь там булочная. Прорвемся туда, наберём воды и еду. А рядом аптека. Там внизу мальчонка. Ну, ты знаешь, наверное. Совсем слаб. Лежит с температурой. Ему бы пока лекарства, а как всё утихнет я его в больничку отволоку.

Валерьян действительно тоже беспокоился за больного мальчика, лекарства немного сбивали температуру. Ему требовались средства сильнее.

- Ну что пойдём. Погоди. Оружие у тебя есть? Господи у кого я спрашиваю! Ты бы священник понемногу выходил из ступора. Ты же здесь начальник как-никак. Стоишь, глаза выпучил, слова вымолвить не можешь. Ты же должен нести спокойствие и надежду своим прихожанам. Вот отец Димитрий тот был серьёзным. Как зайдет в храм, все затихают.

Они спустились вниз и направились к центральной части города.

- Вообще кто тебя здесь поставил главным? Ты же мальчик совсем. Что больше никого не было? Вон Никитичну бы поставили. Она вон, какая бойкая баба.

- Главный не главный. Некого больше. Погибли все. Недавно и отец Димитрий перестал бороться за жизнь. Один я.

Они аккуратно обходили завалы. Петров останавливал Тихвина и шёл, вперёд ощупывая почву и оглядываясь по сторонам в поисках источников опасности. Вокруг отвратительно пахло, и город выглядел как словно после землетрясения.

- Аккуратнее. Стой. Иди за мной шаг в шаг.

Они обошли развалины двухэтажного дома. Валерьян старался не смотреть на груды из кирпичей, из которой торчала женская рука. Они подбежали к булочной и, открыв двери, вошли внутрь. Тут тоже до них побывали, но, поискав немного, они обнаружили несколько черствых батонов и две банки с джемом.

- Хоть что-то. Стой у входа, я зайду в аптеку. Только вот там были бы лекарства не на замке. Воровать грех.

Он лукаво подмигнул Тихвину и, сверкнув наколками на руке, скрылся за дверью аптеки. Валерьян стал осматриваться по сторонам, он чувствовал на себе чей-то взгляд. Кажется, они не одни мародерствовали на просторе главной улицы. Внутри аптеки слышался грохот и женский крик. Затем всё стихло и через несколько минут показалось довольное лицо Ивана Ивановича. Он держал в руке бумажный сверток с лекарствами.

- Ведьма просто. Представляешь, продавщица сидит там с ружьем и никого не пускает. Пальну, дескать, если хоть шаг сделаешь. Пришлось объяснять ей о болезни мальчика. Все талоны мои вытянула. Придётся тебе со мной поделиться. Но лекарства дала и, кажется такие, какие надо.

Они быстро двинулись назад, так как воинственного вида разрушающая туча казалось, изменила свое направление и двигалась в сторону храма. Тихвин отставал, хотя бежал изо всех сил. Он оступился и растянулся на дороге. Асфальт стал проваливаться под его весом. Тихвин провалился в образовавшуюся под ним яму. Он попытался встать на ноги и закричал. Земля под ним была горячей и асфальт плавился.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Твою мать. Ты живой? Обалдеть. Я первый раз видел такое. Встать то можешь? Подожди, я тебе помогу.

Яма была около полутора метров в глубину. Тихвину несказанно повезло, что ему достался такой физически сильный помощник. Он схватил его за руки и быстро извлек из ямы. Накинув мешок с провизией на плечо, он второй рукой поддерживал хромающего Валерьяна. Они добежали до церкви и, войдя внутрь, сели на мраморный пол, чтобы отдышаться.

- Давай посидим немного отдохнем. Нельзя такими вваливаться вниз. Нападут с вопросами. Минута ничего не решит. А я покурю.

Он сел, сложив ноги по-турецки и с удовольствием закурил.

- А ты ничего способный. Освоишься. Главное быть строгим, но простым. Тебе там, в семинарии голову запудрили, а с простыми людьми надо уметь разговаривать. И ещё гнал бы ты своего кладовщика помощника Валентинова. Ведь ворует он у вас безбожно и не работает, как следует. Сосед он мой. Я молчал. Думал, вы тут жируете, раз он домой продукты волокёт. Думал излишки. А у вас мышь повесилась. Нельзя так. На тебе дети. Да и храм нужно немного подлатать. Звоняря найди. Оно же всяк приятнее, когда колокольный звон. Значит надежда и назидание людям. Ну, с этим я помогу, но попозже. Посмотрю, что с домом моим. Тихвин слушал этого человека. Ему было приятно его общество. «С таким не пропадешь. Вылитый заместитель отца Васильев».

- Плотника бы тебе хорошего. Но с этим у нас в городе плохо. Гробы и те делать не кому.

Неожиданная мысль возникла в уставшей голове Валерьяна.

- А может, вы пойдете к нам плотником и кладовщиком. Талоны нам выделяют, да и поможете нам немного.

Он задумчиво сузил глаза и стёр пот со своей бритой головы.

- А что можно. Надоело в охране топтать. Толку ноль. Только время выхаживай. А тут польза. Только я вам в моральном аспекте совсем не подойду. Я ведь в тюрьме сидел. Человека я убил.

- Вы же исправились. – С сомнением в голосе промолвил Тихвин.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Двадцать лет назад это случилось. Конечно, я теперь стараюсь быть другим. Но все же. Грешник я.

Но Валерьян уже не хотел менять своего решения.

- Тогда по рукам.

- Только выйду я через неделю. Пока уволюсь, пока замену мне найдут. Тогда ещё вопрос к тебе. Это, правда говорят, что твой отец работает с самим патриархом?

- Да он мой крестный отец.

Краска стыда выступила на лице Валерьяна. Он не любил говорить об отце.

- Хорош же у тебя папаша. Упечь сынка в такое пекло. Хуже моего. Эт точно.

Хотя мой ещё, каким тираном был. Ну что пойдём.

Они спустились вниз. Снаружи подул сильный ветер последнего аккорда бури.

Денкер поднялся в комнату. Его колотило после разговора с Мироном. Нервная дрожь спровоцировала приступ боли, и он упал на пол, корчась от судорог. В комнате замигал свет и сквозь дымку он услышал, как защелкали клавиши на его старой пишущей машинке. Отстукав минуту, она затихла, и листок бумаги опустился на пол около него. Подползя к нему, он прочитал надпись на листке. «Приложи камень к телу. Исцелишься». Недолго думая, он залез в портфель и, достав светящийся сверкающий минерал, он приложил его к животу. Боль немного отступила и вскоре исчезла совсем. Он уснул в позе зародыша. Камень приятно пульсировал на его коже.

Валерия Липская шла по пустынной улице, с ужасом оглядывая разрушения в городе. Вздох облегчения вырвался у неё, когда она увидела стоящий в целостности свой дом. И лишь подойдя ближе, она обнаружила выбитые окна и трещины. Но она была рада тому обстоятельству, что ей есть куда вернуться. На мэра Боярского она не злилась, только противное тягостное чувство осталось в груди. Душа ныла, но уже отдельно от тела. Увидев окружающую картину города, она в чём-то могла оправдать Рудольфа. Она знала, как трепетно он к нему относится и сколько сил вложил в его развитие. Народ потихоньку выбирался из

укрытий. Заработали специальные службы. Военные специалисты, не смотря в глаза несчастным рыдающим жителям, разбирали завалы и вывозили трупы.

Валерия с удивлением подумала о том, что в этом городе у неё появились близкие люди, за которых она переживает. Вера с семьей, Воробьева, Солонин. Валерия знала, что друзья в безопасности, но что стало с остальными? Она остановилась возле подвального бара, в котором она не раз видела Сталкера и заглянула внутрь. Она не удивилась тому, что он с отрешённым видом сидел возле стойки пустующего бара. Солонин всем своим видом выражал тоску. Он не видя направленного на него взгляда, словно перестал притворяться и прятать свои истинные чувства. Валерия прижалась к окну. Ей самой вдруг стало настолько горько, что захотелось закричать или заплакать. Или ощутить себя в объятиях сильного и крепкого мужского тела. Сталкер почувствовав на себе взгляд, повернулся. Прочитав призыв в глазах Липской, молча поднялся и пошёл вслед за девушкой. Он шёл за ней до квартиры, не догоняя и не отставая от неё. Когда за ними захлопнулась дверь, он перестал себя сдерживать и сжал её в сильные объятия.

Генерал хотя и старался казаться незаметным, но всё равно выделялся среди учёных и лаборантов своей статью и выправкой. В главном отсеке подземной лаборатории сейчас собралась вся команда специалистов. Все хотели увидеть своими глазами предстоящий эксперимент. Генерал не вел бумаги, доверяя эту нудную работу своему помощнику. Сейчас он внимательно наблюдал за работой одного из химиков, который в застекленной запаянной камере аккуратно пинцетом отделяет небольшой кусочек найденного минерала и кладет его в аппарат. Толстостенный сосуд занимал значительное пространство камеры. Лаборант вышел и начал колдовать над приборами. Все затаили дыхание. Газ красного цвета через подключенные трубки начал поступать в сосуд. Неожиданно сработала сигнализация.

Раздражающий звук раздался по коридорам лаборатории. Прикованное к камере внимание переключилось на другие предметы. Через мгновение раздался чудовищный взрыв, которой снёс всё на своем пути, словно взрыв атомной бомбы.

Аномальная зона. Герт С.И.

Последней мыслью, которая посетила голову генерала, была мысль о сыне и новорожденном внуке. «Они никогда не узнают, на каком секретном задании сложил голову их отец и дед. Никто не узнает. Вот она настоящая аномальная зона города Лигат».

Глава 11.

Священнику Валерьяну Николаевичу Тихвину снился сон. Он видел её. Свою девушку. Свою единственную любовь. Он видел её настолько ясно, что мог ощущать запах мокрых волос. Она шла впереди и звала за собой. Коротко стриженные кудрявые волосы, острые скулы и небесной синевы глаза. Она была одета в белое полупрозрачное платье, босоногая. Во сне он изо всех сил бежал за

ней, но не мог догнать. Он задыхался, падал на холодную землю, вставал и снова бежал. Он звал её по имени, но она не произносила ни звука и не останавливалась, а только улыбалась своей загадочной улыбкой. Небольшая часть его сознания шептала ему остановись, не беги за ней. Она вся дым и соблазн, но трепетное сердце не слушало ничего. Она удалялась. Он опять теряет её. В очередной. В десятый раз. И он уже не достанет её из наркотических слез. Он в последний раз изо всех сил позвал девушку по имени. Она оглянулась и исчезла. Он заплакал.

- Нет. Ну, посмотрите, что он творит. Спит! Да как можно! Я же говорил. Давай начнём уборку попозже. А он нет в семь утра самое время. А сам дрыхнет.

Рабочий Петров откашлялся и, оглянувшись по сторонам, и, увидев, что его пламенную речь к счастью никто не услышал. Ему было неудобно так откровенно вслух костерить своего начальника.

- Да он никак плачет. Валерьян Николаевич просыпайся.

Тихвин соскочил со ступенек и словно пьяный стал оглядываться по сторонам, размахивая своими худощавыми жилистыми руками.

- Ну, тише, тише. Да я не девушка, ни краля которую ты звал во сне. Или погоди, это может имя святой. Прости меня господи!

Иван Иванович поправил съехавшую ляжку рабочего комбинезона и перекрестился.

- Никак привыкнуть не могу, что теперь работаю в храме. Ну что начинаем работу? Дом мой слава богам остался цел. От службы меня тоже освободили.

Он жалостливо потер свой лиловый синяк на лбу неизвестного происхождения.

- Теперь по бумагам я числюсь здесь. Но ты спустя некоторое время все же проверь. У них там суэта несусветная. Могут и перепутать. Вот починил лопаты. Давай за работу.

Тихвин с тоской уставился на груды мусора и поваленные деревья. Одев перчатки, они вдвоём принялись за работу.

- Я это и ребятишек привлёк к работе. Они хоть и малые, но всё польза. Сейчас их Никитична покормит и они выйдут. Погуляют, свежим воздухом подышат. Деток надо к труду приучать с малых лет. Вот вы Валерьян Николаевич совсем руками работать не умеете. Вы в детстве, наверное, всё книжки читали.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Я посещал музыкальную школу. Играл на фортепиано. Берег руки.

- Как же тебя угораздило стать священником? Наверное, хотели походить на своего отца.

- Все мальчики в детстве подражают своим родителям.

- Ну, это вы за всех не говорите. Знали бы вы моего папашу. Не дай бог таким стать. Ведь всех окружающих изведу. Я на матушку похож. На этом и стою.

Территория очищалась медленно и вышедшие ребяташки служители церкви не очень сокращали время приборки. Но в скором времени Валерьян стал замечать, что прихожане церкви из соседних домов вышли им на подмогу. Люди не говоря ни слова, некоторые чёрные от горя, мели улицы и разбирали завалы. Надо было где-то подчерпнуть желание жить. Общее дело объединила народ, церковь вновь привлекла несчастных потерянных людей. Петров отвел Тихвина в сторону.

- Вы бы это. Шли бы отдохнули часик до службы. Подготовились. Сегодня вам нужно найти особенные слова. В утешение, вселить надежду. Ты уж постарайся. А я налушу лучин из того дерева. Свечек совсем не осталось.

Тихвин словно очнулся от заморозившего его утреннего сна. И он стал оглядываться по сторонам. Люди помогали им с уборкой, остальные страждущие заходили на минутку в его полупустой храм и молились. Так искренне, что его сердце закололо от сочувствия. «Дурак я. Хожу и грежу о грешнице и не вижу как людям нужна помощь. Мир не видел такого беспомощного священника как я. Но если больше не кому, то я должен сделать это». Он отложил носилки и поднялся в храм. Он почувствовал прилив сил и страха.

На удаляющего Тихвина посмотрел Иван Иванович и с сожалением покачал головой, смотря на вымазанное в грязи лицо и облачение священника. «Дите, дитем. Прости господи».

Боярский Рудольф Владимирович находился в своем кабинете. Здание администрации уцелело. И одно это внушило ему оптимизм. Везде царил паника, но он, прибыв на пункт, сумел за день организовать все службы. Он кричал, запугивал, уговаривал и умасливал. Люди стали шевелиться. Погибших было много, но цифра была не настолько большой, как он предполагал сидя в повальных

помещениях в своем доме. Сейчас насчитывалось около двухсот погибших и около двадцати пострадавших. Спасла народ быстрая реакция и быстрое оповещение. Все успели укрыться вовремя.

Наиболее пострадали уже разрушенные и пустующие районы. Перед мэром Боярским стояло еще множество проблем. Очистка города, достойное захоронение погибших, восстановление коммуникаций и многое другое. Он понимал, что снаружи аномальной зоны будут помогать неохотно и медлить с доставкой провианта.

В кабинет забежал запыхавшийся Танаев и, поставив на стол объёмный чемодан, достал из него мобильную рацию.

- Держи. Твой Мирон немного поколдовал над ней, и она заработала. Уже два раза звонили. Я не брал. Мне не нужны неприятности. Я ухожу, и не смотри на меня волком. Я сам от происходящего совсем озверел.

Танаев испарился. Он искал по всему городу Потёмкина и никак не мог с ним встретиться. Его пыл наставить Потёмкину тумаков никак не уменьшался. Но судьба видимо оберегала Дмитрия Валентиновича. Рудольф Владимирович поборол в себе желание выпить добрую порцию виски, набрал злополучный номер.

На той стороне тоже не спешили брать трубку. Но вскоре раздался тихий голос:

- Рудольф Владимирович рад узнать, что вы живы и здоровы. Но у меня для вас очень плохие новости. Я мог вас и не предупреждать, но я привык относиться к людям честно.

- В чём дело? - Боярскому едва удалось скрыть волнение в своем голосе.

- Разве вам не известно, что с территории зоны перекинулось облако излучения, на много километров. Правительство в панике. Нам едва удалось засекретить эти данные. Но президент принял решение, которое вам вряд ли понравится. Зону накроют куполом, всё население будет уничтожено через три дня.

- Вы хотите сказать, что жители пережили ад этих десяти суток, и выжили только для того чтобы быть погребенными под железными плитами своего же производства. Последние суки! Вот вы кто!

В трубке зашуршало, но вскоре неполадки были устранены.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Я предвидел эту вашу реакцию. Успокойтесь! Я для вас едва ли не единственная соломинка, которая поможет вам выжить. Слушайте меня внимательно. На территории зоны есть то оружие и топливо, какое нужно всем. Философский камень. Найдите его и отдайте нам. У вас на всё три дня. Если он будет у меня. Приказ отменяют.

- Как вы можете верить в подобные сказки?

- Верить? Небольшой фрагмент камня был в нашей секретной лаборатории. Одна десятая грамма разнесла сверхпрочную лабораторию. Ищи. Я выйду на связь через сутки.

Боярский сел на кресло и обхватил голову руками. Затем он соскочил со своего места и выскочил в коридор. Он скомандовал секретарю:

- Срочное совещание. Всем быть у меня через час! Всем!

Мария Беккер лежала обнаженная на не заправленной постели. Рыжая копна волос красиво выделялась на белоснежных простынях. Она сладко потянулась, когда Сергей Воробьев склонился над ней. Он стал страстно её целовать, а она лишь удивлялась его пылу. Они не виделись с момента начала бури и признаться, Мария не слишком беспокоилась о его судьбе. Журналистку больше волновала её собственная жизнь. Он же казалось, ни на минуту не мог от неё оторваться. Ей это нравилось, она соскучилась по мужскому телу. Мария отстранила Сергея и прошептала:

- Хватит, а то всё это опять затянется.

- Именно этого я и хочу. Ещё и ещё.

Мария откатилась от него по кровати и сев на край начала одеваться.

- Не обижайся, но мне пора и тебе кстати тоже. Сегодня рабочий день. Правдин меня ждет. Сейчас столько информации. Снимай, не хочу. Я уверена, эти сюжеты оторвут с руками.

Сергей расстроено вздохнув, тоже стал натягивать джинсы.

- Тебя волнует только работа. Я как дурак бегал по городу разыскивая тебя, а ты обо мне даже и не вспомнила.

Мария мгновенно поняв, что настроение Сергея изменилось. Рассмеялась и обняла его сзади за плечи:

- Дурачок. Ты что же рассчитывал на то, что я в момент этой бури буду бегать и разыскивать тебя? Ты же настоящий мужчина и понимаешь, что я верю в то, что ты способен защитить себя и меня. Ведь, правда?

- Мне иногда кажется, что ты меня воспринимаешь как мимолетный роман.

- Какие слова! Не придумывай. К тому же у меня к тебе деловое предложение, а точнее просто просьба. Ты сейчас солидный человек, работаешь в администрации. Твой отец там не последний человек. Мне нужна секретная, сенсационная информация.

Сергей нахмурился и, повернувшись лицом к Марии произнес:

- Информация о чем?

- Тайны, секреты, сенсации.

- Ты предлагаешь мне шпионить? Я на это не подписываюсь.

- Отчего же шпионить и обманывать. Слушать, вникать, интересоваться. Они многое скрывают от простых людей. Разве ты не думаешь, что люди переживающие кошмар за кошмаром достойны того, чтобы знать хотя бы часть правды? Мы этого заслуживаем. Но если твоя совесть тебе не позволяет этого. То, что ж. Совесть это важно.

- Я подумаю. Но не жди от меня, что я буду сливать информацию.

Мария полностью одетая бегло рассматривала себя в зеркало и, удовлетворившись результатом, подошла к Сергею.

- Это просто просьба. Я ни на чём не настаиваю. Я не хочу, чтобы это влияло на наши отношения. Да я трудоголик, мне нравится рыться в грязном белье. Это моя работа.

Сергей примирительно улыбнулся и обнял её. Он и вправду разнервничался на пустом месте. Он ведь хорошо знает непростой характер Беккер.

- Я не обещаю, но попробую. Хорошо. И жди меня вечером. Я приду сразу после работы.

Сергей пригладил свои светлые отросшие торчащие во все стороны волосы и вышел из здания. В первый раз за все время работы на новой должности он с

удовольствием шёл к зданию администрации. Среди всеобщей неразберихи и хаоса, она внушала стабильность и надежды. «Смогу пообщаться с отцом, говорят, ему сильно досталось. Нам очень повезло, что никто из близких людей не пострадал». Сергей почти бегом прошел по разрушенному кварталу, его замутило от мысли, что и он мог оказаться на месте погибших. Его феерическое настроение быстро испарилось и, добравшись до своего кабинета, он почувствовал в груди давящую тяжесть раздражения. В здании творилась неразбериха, кругом располагалась охрана, а его коллеги носились по кабинетам. «Лучше бы помогли расчищать завалы, было бы больше пользы».

В кабинет Сергея ворвался возбужденный Потёмкин. Он был одет элегантно как всегда. Его светлый костюм был идеально выглажен. Лишь лихорадочный блеск глаз выдавал в нём сильное волнение.

- А вот ты? Живой. И хорошо.

Он долго рылся в шкафу, затем схватил наугад несколько свежих карт и убежал. Сергей злобно выругался на него, и стал наводить порядок. Ему не хотелось, чтобы его аккуратист отец сделал ему замечания. Убирая бумаги, он не сразу заметил забытую Дмитрием Валентиновичем папку с бумагами. Недолго думая он открыл её и стал разглядывать документы. Поняв, что это не простые рядовые отписки Сергей закрыл кабинет на ключ и, выудив из папки листок с непонятными шифрами, быстро переписал их. Он знал, какие сейфовые ячейки он сможет открыть с их помощью.

Удовлетворенный результатом он сел на стул, дожидаясь возвращения Потёмкина.

Дремучий старик Борода Ефим Иванович на проверку оказался ещё довольно крепким. Его дом сильно пострадал после урагана, и его сестра Анна позвала его жить к себе. Но он не привык жить в городском доме, через день вернулся к своему потрепанному жилищу и принялся его чинить. Борода, воспользовавшись теплой погодой, решил выстирать свои вещи. Сложив их в вёдра и одев на плечи древнее коромысло, он направился к городскому пруду. Он словно помолодел и сейчас шёл, насвистывая веселую песенку. Он спустился к берегу и, отметив про себя, что вода пруда перестала быть мутно красной, а выглядела вполне обычно.

Он снял свою вечную летом и зимой фуфайку и, закатав брюки, принялся полоскать белье. Находившиеся поблизости женщины стали выкрикивать ему приветствия и шутить над ним, сами думали про себя, что же за дети у старика, что он вынужден сам о себе заботиться. Борода, выполнив нехитрую работу, присел на берег и стал рыбачить. В успех он не особо верил, но запах свежей сваренной ухи, словно витал в воздухе.

Рядом бегали испуганные детишки в потрёпанной одежде. Они искали съестное, но ничего не находили. Бороде было их жаль, но так же ему было жаль свои растущие на огороде овощи. Наверняка его грядки уже подверглись нашествию этих маленьких вандалов. Старик повезло, и спустя час он уже имел три крупных и несколько мелких рыбешек. Он посмотрел вокруг на одиноко шатающихся по берегу людей, собирающих скарб на дрова. Борода решил, что одному его улова будет много, сходил до дома и вернулся с большим котлом и с нехитрыми овощами. Он разжег костер и принялся готовить. На запах тут же сбежались голодные потерянные ребятишки, и расселись у костра. Они взглядами побитых щенков смотрели на старика. Как только приготовилось его блюдо, он раздал им всем по ложке и стал кормить. На горизонте показались фигуры двух женщин. Это была Фаина Леонидовна Воробьева и Вера Подорожникова. Они подошли к детям и, поздоровавшись с любопытным стариком стали ждать пока потерянные сироты насытятся.

- Вы хотите сказать, что это всё сироты?

Женщины переглянулись, им было известно о том, что родители одного из мальчиков погибли несколько дней назад. Вера ответила:

- Все не все, но бродить по городу им не стоит. Наше начальство распорядилось расселить разрушенный детский дом в помещениях церкви и всех потерявшихся ребятишек тоже сопровождать туда. Там их родителям будет легче их найти.

- Да уж. Нынче сирот больше, чем во время войны.

Вера вздохнула. В её животе недовольно зашевелился ребенок, напоминая ей, что ей не годится бегать по городу в таком состоянии.

- А чем же их кормить будут в церкви? Там говорят ничего нет.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Соберём с миру по нитке. Вон ты можешь рыбу принести. Говорят, наш священник Тихвин за продукты раздает Кагор.

Вера пошутила, но старик сразу оживился и захлопал глазами.

- Это что ж самый настоящий церковный кагор. Дак что же я сижу. Ступайте не мешайте. Не отпугивайте мне рыбу.

Женщины заулыбались, и с тревогой отметив про себя, что количество детей у костра уменьшилось, собрали остальных и направились к центру города.

Воробьев Валерий Васильевич с утра испытывал смешанные чувства. Он словно стучался в закрытую дверь. Он никак не мог взять в толк, что происходит с Боярским и коллегами. На срочном совещании созванным мэром он не присутствовал, так как с утра бегал по городу, проверяя учреждения и склады. Он не мог понять, отчего все службы города бездействуют. Военные преспокойно тырят запасы и играют в карты, в то время как горожане голодают и из последних сил пытаются собрать и похоронить умерших. Он с ужасом думал о том, что если недовольство народа достигнет определенной точки, то начнутся серьёзные волнения. Народ почти дошёл до отчаяния.

Воробьев с трудом прорвался через огромное количество военных, которые охраняли, а точнее разворовывали склады. Он буквально затрясся от злости, когда бандитского вида начальник местной охраны проигнорировал его бумагу с санкциями, подписанной мэром города. Этот узколобый качок просто отшвырнул бумагу ему назад и принялся дальше пить чай. Воробьев завыл, словно дикий зверь и со своими хилыми кулаками кинулся на него. Неизвестно, что было бы дальше, если бы в этот момент в здании не появился Павел Сергеевич Мережкин со своими подчиненными. Он оттащил Воробьева и, выяснив у него, что они здесь присутствуют по одному и тому же поводу, объединились.

- У меня есть указание открыть склады и выдавать продукты пайками людям. Эта бумага подписана мэром города!

Но военный не унимался и, достав пистолет, положил его на стол около себя.

Аномальная зона. Герт С.И.

- Мне Пётр Васильевич Танаев дал чёткие указания. Не верить ни одному приказу без его личной подписи. Его печати я не вижу. Поэтому говорю в последний раз. Прощу вас покинуть это помещение.

Крепкие мужики, которые были вооружены ломом и палками стали возбужденно выкрикивать ругательства. Следователь Мережкин попросил их утихомириться. Он отошел в сторону и, порывшись в своих бумагах, вытащил из папки потрепанный листок, исписанный вручную, направился к военному.

- А вам известно, что ваш начальник, всеми уважаемый Танаев уже несколько часов как находится в больнице в тяжелом состоянии. Об этом стыдно не знать! Воробьев сглотнул и уставился на Мережкина. Он мельком видел Танаева всего час назад. В добром здравии. Но сейчас уже перестал верить сам себе.

- Теперь, исполнять его обязанности, назначен Воробьев Валерий Васильевич, который и стоит перед вами и требует подчинения.

У Воробьева отвисла челюсть от удивления. «Да я последний человек в городе кому Рудольф Владимирович мог доверить эту должность. Он бы скорее поставил нашу уборщицу, нежели меня». Мережкин поднял документ выше, чтобы все смогли увидеть документ.

- Это подчерк мэра, его печать и подпись.

С начальником охраны стали происходить настоящие метаморфозы. Он словно вытянулся в росте, с его лица сошло наглое выражение и на его место пришло подхалимское. Он встал со стула и, отдав Воробьеву честь, передал ему связку ключей. Мережкин подошел к Воробьеву и прошептал:

- Подыграйте мне. Вы ведь тоже хотели открыть эти склады, так действуйте!

- А постановление?

- Липа, конечно, я ещё с детства хорошо копировал подчерк своего друга Боярского. Откройте склады. Накормите людей и отправьте этих молодчиков расчищать завалы. Здесь хватит для охраны и двадцати человек.

- Но отчего тогда не вы?

- У меня работы полно и так. Маньяк чёрный человек оставил после себя два трупа. Потом будем объясняться друг перед другом.

Аномальная зона. Герт С.И.

Воробьев, стараясь не думать о последствиях, вышел в коридор и, позвав всех руководителей, стал отдавать приказания. Военные с неохотой послушались его и неспешно стали собирать людей. Однако крепкие мужики, сопровождавшие Мережкина, ускорили их передвижения. Воробьев словно заряженный от батареи носился по складам и коридорам. Через полчаса дежурившему возле складов народу стали выдаваться небольшие пайки с едой. Устав и охрип от постоянных выкриков он, наконец, присел на деревянную лавку и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Он не заметил, как к нему вальяжной походкой подошёл Потёмкин.

- Валерий Васильевич вы не боитесь, что вас за этот поступок могут отправить на трибунал?

- Будем болтаться в петле вместе, говорят, вы тоже в этой неразберихе отличились.

Потёмкин рассмеялся своим звенящим смехом.

- Признаться и я думал, что гнев Боярского будет сильней. Готовился. Подбирал фразы. И знаете, он сегодня разговаривал со мной так, словно ничего не случилось. Мне даже стало обидно.

- Не переживайте этот человек никогда ничего не забывает. Просто не до вас или вы ему сейчас нужны. Не иначе. Придет время и он воткнет вам нож в спину.

- В спину. Нет, он будет бить, наотмашь смотря прямо в глаза.

Дмитрий Валентинович смахнул невидимые пылинки со своего костюма. Воробьев с тоской уставился на свои пыльные руки. Потёмкин продолжал:

- А все-таки вы меня удивили. Бунт против своего хозяина. Обман ради спасения людей. Благородно. Неожиданно. Вы мне всегда казались идеальным подчиненным, исполнителем, молчаливым и безупречным. И вдруг такое.

«Ты плохо меня знаешь». Подумал Воробьев.

Боярский сидел в своём кабинете, тупо уставившись на репродукцию своей любимой картины Сальвадора Дали. Его сердце глухо отстукивало удары. В груди жгло. Мэр проглотил несколько таблеток и теперь ждал окончания приступа. С ним это случалось крайне редко, а только в периоды наивысшего напряжения сил.

Боль постепенно уходила, и он стал более или менее ясно мыслить. «Счастье, что эта волна не накрыла меня на совещание, а то эти зайцы совсем бы поджали хвосты». Он вспомнил перепуганные лица своих подчиненных. Страх и ужас в их глазах и отчаяние.

«Мы только и хотим просто жить. Жить и все». Читалось в их лицах, хотя еще несколько минут до этого пришли со скорбными минами жаловаться на нелегкую судьбу. «Жаль, не было Мережкина. Он хотя бы не трус. Да и Воробьев с Потёмкиным где-то запропастились. Ничего скоро узнают».

Мэр на совещании был краток. Обрисовал ситуацию без прикрас и сказал всем забросить дела и искать камень. Подключить всех. Преступников, домохозяек, военных. Главное найти. Найти хоть что-то похожее на тот камень. Рудольф Владимирович теперь с тоской думал о том, как не повезло с тем камнем. Его подменили на обычный булыжник, а он возлагал на него такие надежды. Мэр встал с места, надел пиджак и направился к выходу. Он хотел все тщательно обдумать во время прогулки.

В помещении он не встретил ни одного человека, он очень удивился когда, выйдя на улицу, увидел впечатляющую картину. Толпа усталых людей мела улицы. Его поразило не само присутствие этих людей, а их молчаливая работа. Они стояли здесь и лица этих людей были похожи одно на другое. Одинаковое выражение лица на военном, старухе, ребенке. Все молчали и только изредка переговаривались в полголоса. Он шёл по площади, а люди останавливались и на мгновение задерживали на нём свой взгляд. Словно задавали ему молчаливый вопрос.

У Боярского задрожали руки, он на секунду подумал о том, что должно быть и в любом советском городе во время войны так же стояли люди и с остервенением копали траншеи, жгли дома, отступая или делая снаряды, едва стоя на ногах от голода. Он почувствовал несломленный дух этих людей и на мгновение заглянул в свою душу. Этой стойкости, остервенения и надежды на жизнь он у себя не увидел, и ему стало стыдно. Он словно увидел, как его предки стоят перед ним и, смотря на него в упор, словно говорят глазами: «Сдался. Отступил».

Боярский остановился. Люди продолжали работать, но краем глаза посматривали на него. Он снял пиджак и, взяв свободную лопату, стал складывать мусор в

носилки. Он понял, почему стали чистить именно эту улицу. Она шла к больнице и складам. Он старательно работал. Вокруг была звенящая тишина, и только звук инструментов нарушал её. Рудольф Владимирович не сразу увидел бежавшего к нему Танаева, а только почувствовал запах его пота.

- Шеф, ну какого черта вы схватились за лопату, когда вокруг такое творится. Воробьёв и Потёмкин устроили...

Он осекся, когда увидел злобное звериное выражение глаз Боярского. Он схватил другую лопату и принялся ему помогать, не переставая при этом болтать. Держать слова при себе он не мог даже под страхом смерти.

- Они меня похоронили! Написали бумагу под твоей подписью, якобы я умер и теперь вместо меня всем заправляет теперь этот Иуда Воробьёв. Они вместе с дружкой Потёмкиным открыли все склады. Все! И раздают всем желающим провиант. Сняли с объектов военных и отправили их на расчистку города. А моих бойцов отправили рыть могилы и хоронить умерших. Это в то время когда каждый опытный человек на вес золота! Воробьёва почти носят на руках.

Мэр отставил лопату в сторону и, выпрямившись, прошипел тихим голосом:

- Так какого черта ты до сих пор здесь. Или ты хочешь, чтобы завтра выкопали могилку для тебя. Марш отсюда выполнять приказ.

Боярский огляделся по сторонам и словно избавившись от временного оцепенения, вновь начал шевелить мозгом. Его разум стал выдавать одно решение за другим и мэр, прорезая толпу, направился к появившемуся вдалеке Потёмкину. Его походка стала вновь уверенной. Он знал, как поступить дальше. Дмитрий Валентинович руководил техникой, которую мобилизовали в помощь людям. Рудольф Владимирович ещё издалека увидел, как внутренне сжался его оппонент, когда увидел движущуюся к нему фигуру.

- Дмитрий Валентинович не хотите прояснить ситуацию с неожиданным повышением бедняги Воробьёва. У него, что голова лишняя?

- Отчего же лишняя. Он действовал полностью по моей указке. Я считаю, в создавшемся положении наши распоряжения были уместны и правомерны. Если всему этому суждено вскоре стать пеплом пусть народ хоть немного порадуетя.

От Боярского не ускользнула малейшая тень сомнения в глазах Потёмкина, и он заметил эту фальшь. Это окончательно вывело его из себя. К тому же окружающий рёв техники и крики привели к тому, что в груди вновь отчаянно заболело.

- Врёшь. Зачем ему идти наперекор. Он мог запутаться, но предать? А вот ты да. Это твоя порода. Ты метишь на мое место. Зачем? Ты всего лишь лакей, а здесь нужен другой человек. Сейчас не мирное время. Умный, расчетливый, бессовестный. Тиран. Стратег. Куда тебе. Даже если я уйду, и назначат тебя, ты не выдержишь и недели!

Боярский отыскал свой одиноко висящий пиджак и начал его одевать. У Потёмкина потемнело в глазах:

- Многие считали себя недосягаемыми, а затем больно падали.

Рудольф Владимирович рассмеялся и, обернувшись почти спокойным тоном произнес:

- Намекаешь на своих покровителей? Они ставят на десятки лакеев в надежде и страхе, что один из них им не окажется. К чему вражда именно сейчас? Ищи камень. Спасай свою шкуру.

Боярский направился к месту скопления людей. Он понимал, что после такого стихийного бедствия на аномальной зоне народ всегда недоволен своим начальником. Слухи скоро как тараканы расползутся по городу. Панику будет сложно остановить. Но придётся. Он натянул на своё лицо самую обворожительную из своих улыбок и направился к толпе, среди которой он уже увидел сияющее от всеобщего внимания лицо своего секретаря Воробьёва Валерия Васильевича.

Мэр поднялся на возвышение, которое вблизи оказалось всего лишь кучей досок, и прилюдно пожал руку Воробьёву. Тот, увидев показное одобрение своего начальника, засиял уже меньше. «Просто он опьянен вниманием, словно ослеп. Он всегда точно улавливал нюансы моего настроения. Да стоит вывести человека в герои, и он теряет бдительность». Подумал мэр. Далее он вдохновенно произнес речь. В ней он успокаивал и подбадривал свой народ. Возле него собралась толпа. Замелькали знакомые лица журналистов. Рыжеволосая журналистка Беккер направила на него камеру.

Он говорил о поддержке, о героях, которые проявили себя в день бури. Мэр похлопал по плечу Воробьёва и горячо отметил его инициативность и полное свое одобрение его действиям. Краем глаза он заметил в толпе злые глаза Потёмкина. «Зря он так упорно записывает меня в свои враги. Смотрели бы мы в одну сторону и не раз были бы друг другу полезны».

Мэр старался во время речи заглянуть каждому в глаза и внушить оптимизм. Он был неплохой оратор, и речи у него получались. Он знал, когда окончить своё обращение, и на каком слове. Боярский отметил, что буквально за час Танаев вновь организовал ряды своих людей. Небольшими группами они покидали площадь и отправлялись на разные объекты. Толстоватый начальник охраны буквально светился от осознания совершенной мести. «Наверняка уже успел насолить Потёмкину. Да и мне пора заканчивать с лирикой». Он закончил свою речь на оптимистичной ноте и стал жать протянутые в его сторону руки окружающих людей. Приобняв уже начинающего осознавать свою ошибку Воробьёва Валерия Васильевича мэр и его люди вновь направилась к зданию администрации. Зайдя внутрь и скрывшись от внимательных людских глаз, он скинул руку с плеча своего секретаря и зло, сощутив глаза прошипел:

- Здесь хозяин только я! Я не потерплю неподчинения. Тирания и сила – это всё на чём здесь держится порядок. А ты пока посиди и подумай о своих ошибках.

Боярский подозвал стоявшего у стойки охраны ближайшего заместителя Танаева и скомандовал:

- Арестовать его. Посадить в отдельную камеру, и без шума. Ты меня понимаешь?

Человек с прозрачным взглядом и крепким затылком кивнул в ответ и, одев на ошалевшего Воробьева наручники, повел его к запасному выходу. Растерянный Валерий Васильевич хотел что-то крикнуть Боярскому, но растерявшись от нахлынувших чувств не смог произнести ни слова. Его увели. У Рудольфа Владимировича закололо сердце. Он поднялся в свой кабинет и отправил свою красавицу секретаршу за медсестрой. «Как некстати всё это». Подумал он.

В этом же здании сын арестованного Воробьева Сергей едва мог унять бьющееся в груди сердце. Он дрожащими руками дважды проверил, заперта или нет дверь. Он

Аномальная зона. Герт С.И.

сжимал в руке несколько секретных папок. Он знал, что испробовав несколько комбинаций, сможет их открыть. Он только сомневался, сможет ли он также беспрепятственно и незаметно вернуть их на место. В здании была тишина, но, сколько ещё она продлится.

Он выглянул в окно и, увидев на площади стихийный митинг, решил, что минут двадцать на ознакомление у него есть. Он не хотел и задумываться, что будет, если его поймают за этим заданием. Скорее всего, даже отец не сможет вытащить его из этой передрыги. Но любопытство взяло верх, и он приступил к открытию самой толстой папки. Ему повезло, подошла уже третья комбинация шифра. «Видимо руководство не сильно беспокоилось о том, что папку взломают. Надеялись на толстостенный советский сейф. И напрасно».

Сергей аккуратно достал первые документы и принялся бегло их рассматривать. В них содержались листы, исписанные вручную очевидцами важного события, прилагалось несколько карт. От волнения он не сразу постигал смысл слов и только через пару минут, найдя аккуратно напечатанный на плотной бумаге отчет смысл букв, стал ему понятен. В документе содержалась информация о первых неделях бедствия, постигшего зону. Сергей ахнул, когда прочитал о предательстве, которое совершило военное руководство страны. Оказывается, зона была подвергнута нескольким бомбежкам с воздуха. Когда пик истерии достиг предела президент России и главнокомандующий вооруженными силами издали приказ об уничтожении города Лигат.

Аномальная зона была подвержена несколькими десятками бомбовых ударов с воздуха, но случилось то, что ввергло руководство в шок. Зона поглотила снаряды, не дав им достигнуть земли, лишь несколько снарядов упали на окраине города, не причинив ощутимого разрушения. В панике взрывы населением было воспринято как ещё одно проявление аномальной зоны.

Сейчас на территории города Лигат создана секретная станция, в которой служило пять человека. Они с помощью самодельных локаторов ежедневно исследуют небо зоны и периодически засекают эти неразорвавшиеся, повисшие между небом и землей снаряды. В абсолютно не оптимистичном заключении было сказано о том, что рано или поздно, когда аномальная зона решит больше не

защищать своих пленных жителей, эти снаряды превратят город в руины. То есть в любую секунду наше государство может нас уничтожить. Сергей внимательно рассмотрел карты, стараясь запомнить расположение локаторных установок сам не зная зачем. Он достал чистый лист бумаги, чтобы переписать часть документа, но передумал, в конце концов, память у него была отличная, а лист он умудрится потерять. Смысл прочитанного врезался в память, и колкие иглы страха кольнули в груди. «Да мы просто смертники. Что для нас это аномальное облако? Друг или враг? Сможем ли мы выжить без него?».

Немного посидев, он сложил документы в папку в прежнем порядке и немало помучился, перед тем как её закрыть. В коридоре слышались нервные шаги многих людей. Сердце в груди Сергея Воробьёва подпрыгнуло. Он взял другую папку, но на этот раз шифр не поддавался и, потратив на бесплотные попытки минут десять, он решил закончить на этом своё ознакомление. «Попробую в следующий раз. Я немало буду рисковать, сейчас возвращая их на место». Но все прошло удачно. По коридору носились люди, из обрывков разговоров он понял, что Рудольфу Владимировичу стало плохо с сердцем и над ним колдуют врачи. Он вернул документы и чтобы сильно не привлекать внимания к своему хождению по коридорам, когда все население города на уборке он с деловым спешащим видом направился к кабинету отца. Он был закрыт. Сергей был рад этому обстоятельству и торопливо зашагал к выходу. Ему не терпелось покинуть место своего преступления.

На улице, вдохнув полную грудь свежего воздуха, он не перестал считать себя виноватым. «Я такой же гражданин, как и все и вправе знать всю информацию, которую от меня скрывают. Если уж быть готовым умереть, то знать отчего». Мысль о смерти немного испортило его настроение. Он не мог решить только одно. Сообщать ли об увиденных документах Марии Беккер. Он знал, что она не будет долго думать и тут же растрезвонит об этом на весь мир и этим может подвергнуть себя опасности. Сергей сам ещё не понимал, как сильно влюбился в эту гибкую женщину без чувств и принципов. Он думал в первую очередь не о себе, а о ней. Он догадывался, что весь мир, оставшийся за пределами аномальной зоны,

вряд ли с восторгом воспримет эту информацию. Но стоит ли молчать, когда сама разрушенная земля города Лигат требует справедливости?

Самуил Денисович Денкер устав от тёмных стен лаборатории решил выйти на улицу и подышать свежим воздухом. К тому же он не хотел признаваться сам себе, но он вдруг почувствовал всю горечь своего одиночества и свою бесполезность, что потянулся к людям. Утром он, как и все собрался на уборку территории, но охранник мэра не выпустил его, сказав, что от него больше пользы здесь. Он не посмел возразить. К вечеру люди Боярского куда-то испарились, и он беспрепятственно покинул этот дом.

На улице уже вечерело, и молчаливые уставшие люди возвращались с субботника. Те, кому повезло в свой сохранившийся после бури дом, остальные на место развалин или в здание временного пристанища. Денкер внимательно всматривался в лица, но они ему казались закрытыми и окаменевшими, словно профиль на монете. Он старался рассмотреть знакомых в толпе, но никто ему не встречался. Денкер всё же воодушевился, тому, что жители города не сломались, а продолжают бороться за свое выживание. Так не торопливо он добрался до площади уже почти в приподнятом настроении. На пути он встретил всегда веселого Ефима Ивановича Бороду. Старик одним своим видом придавал всем оптимизм.

На площади толпились люди. Самуил Денисович всматривался, но никак не мог увидеть по какому поводу они собрались. Решив, что возможно там собрание, он направился в сторону толпы и лишь когда подошел ближе он осознал свою ошибку. На площади совершалась казнь. Он предпринял попытку выбраться из толпы, но уже не смог, так как напор людей плотно сковал его со всех сторон. На кое-как сколоченной сцене стоял тощий изможденного вида человек и зачитывал имена казненных и их преступления. Преступники стояли рядом. Их было шесть человека. Один из них молча смотрел на небо, остальные отчаянно сопротивлялись и выкрикивали проклятия в толпу. Их держали в оцеплении военные. Толпа, то затихало, то кричала проклятия в ответ.

Ученого замутило, он почувствовал во рту привкус крови. Из прочитанного обвинения Денкер понял, что четыре из них мародеры, а двое насильников. Расстрел состоялся быстро. После прочтения приговора преступникам завязали глаза и построили в шеренгу к гранитной стене. На счет три раздались выстрелы, и люди, словно куклы упали на гнилые доски. Последовала гнетущая тишина, женщины в толпе крестились, кто-то заплакал. Самуил Денисович закрыл глаза, он никогда не видел ничего подобного. Трупы казненных мужчин быстро убрали и толпа уставших от богатого событиями дня начала расходиться.

Расстроенный ученый Денкер, не разбирая дороги, направился вперед. Одна мысль занимала его рассудок. «Как? Как в нашем цивилизованном мире, возможно, то, что случилось только что? Казнь на площади как в средневековье. Неужели нет других более гуманных методов воздействия на населения. А эти люди. Ни капли милосердия, одни призывы к насилию». Ученый вытирал некстати нахлынувшие слезы. В душе он был как ребенок и глубоко переживал увиденное зрелище. Он присел на колченогую лавочку, когда понял, что в сумерках заблудился. От страха он окончательно расстроился и путал направления. Наконец, присмотревшись, он обнаружил знакомое очертание дома Подорожниковых и словно потерявшийся ребенок кинулся к калитке. Дом встретил его отчаянным рёвом младших детей. Старший Володька Никитин что-то строгал на скамейке. Растрёпанная Вера носилась по комнате, держа в руках младшенького Николая. Она не сразу узнала в вошедшей тени Самуила Денисовича.

- Кто там? - Встревоженным голосом окликнула женщина.

- Это я Самуил Денисович Денкер. Я заблудился. Можно я немного побуду у вас. От волнения Денкер произнес эти слова на английском языке. Но как ни странно Вера поняла смысл его слов. Она кивнула и вновь стала быстрыми шагами ходить по комнате. Если бы Денкер был в своем обычном состоянии тонко чувствующего интеллигентного человека, он бы увидел близкое к истерике состояние Веры Васильевны и тут же покинул этот дом. Но он был сам не в наилучшей форме и ничего не замечал вокруг. Он лишь спросил опять на английском:

- Что-то случилось? Я могу вам помочь?

Вера остановилась у кровати и положила на него затихшего сына. Она застыла на минуту и потом заговорила. Она не могла остановить поток слов. Она забыла, что перед ним человек, проживший в России много лет перед иммиграцией. И подумав, что он всё равно не поймёт того, что она скажет, решила выговориться. Скорее не решила, а стресс последних дней, напряжение и страх нашли выход в этой нечаянной исповеди.

- Случилось. Родной отец не может вырваться из больницы к своему больному ребенку. Почему. Он жесток? Нет, он просто решил, что в больнице он сейчас нужнее, чем здесь. Мы справимся сами. Это всего лишь простуда. А я одна. Схожу с ума. У Коли второй день температура, продуктов осталось на пару дней, живот лезет. А у меня нет сил, ну просто нет сил, больше это выдерживать. Понимаете? Она всплеснула руками и присела на колени перед сидевшим на лавке Самуилом Денисовичем. Слезы потоком лились из её глаз и переходили в рыдание.

- Господи как тяжело здесь женщине одной с тремя детьми, к тому же четвёртый на подходе. Я устала. Я больше не могу, не могу. А если я сломаюсь? Подумайте кому? Кому будут нужны мои дети? Мужу? Людям? Никому. Понимаете никому. Их загонят в холодный и голодный приют.

Самуил Денисович обнял женщину и прижал её к своей груди как свою дочь. Ему было до слез жаль эту женщину. Она постепенно начала затихать. Он усадил Веру на скамью и принёс воды. Отыскав в своих карманах конверт с лекарствами, он дал ей таблетку успокоительного средства. Немного успокоив Подорожникову, он осмотрел Николая. Мальчик был слаб, но температура была невысокой. Отыскав таблетки жаропонижающего и для него, он передел его в свежую одежду. Вера, не спавшая до этого несколько дней, под действием препарата уснула, наклоняясь спиной к стене. Рядом с Самуилом Денисовичем засуетился Володька.

- С тётей будет всё в порядке?

Денкер посмотрел на мальчугана и заверил его:

- Конечно, просто она утомилась. Поспит и сразу выздоровеет.

Мальчуган закивал головой.

- Это мы все виноваты. И я, и дядя, и Колька и Варька. Я убежал из укрытия искать папу, тётя Вера очень испугалась за меня. Колька заболел, а Варька только и может, что весь день ходить и канючить сладкое, А дядя всегда на работе.

Они прошли на кухню в поисках съестного. Денкер захотел накормить голодных детей. Он растопил печь и поставил на огонь котелок с кашей. Вовка с гордостью стал рассказывать Самуилу Денисовичу историю о поиске отца.

- А знаете, я все-таки был прав в том, что он жив. - Закончил он свой долгий рассказ.

Вернувшись под утро из больницы, врач Пётр Соломонович с удивлением обнаружил вместе со спокойно спящей семьёй ещё и храпящего в обнимку с портфелем знаменитого нобелевского лауреата.

Рассветное голубое небо завораживало своей кристальной синевой. Было ровно шесть утра. Рассвет был настолько красив, что немногие утренние прохожие с восторгом смотрели на небо. Утром было прохладно, но предполагалось, что день будет теплым и без осадков. Вдруг окружающую тишину нарушил неопознанный шум, словно где-то летел рой пчел. Жжж – слышалось вокруг. Прохожие стали оглядываться по сторонам. Многие останавливались в немом удивлении, и в страхе уставившись на небесный свод. В небе совсем низко над городом кружили несколько самолетов бомбардировщиков. Они напоминали стальных чаек и беспощадно низко кружили над зданиями. Их появление было настолько неожиданное, что растерялись все, включая военных, хотя город Лигат за всю свою историю повидал немало. Танком на улице во все времена удивить было сложно. Все жители знали и привыкли верить, что зона крепко держит их в куполе.

Боярский в это время не спал и по первому сигналу выскочил на открытую площадку на крыше администрации. Он с горечью посмотрел на кружащие самолеты и, плюнув на мраморный пол, вернулся в кабинет. Он взял в руки мобильную рацию, но не нажимал кнопку вызова. На его столе лежал сверток. Он развернул его и на его ладонь выпал небольшого размера невзрачный камешек. Но в нём было что-то не так. Он приподнялся с ладони мэра и повис в воздухе.

Рудольф Владимирович потянулся к записке, которая содержала в себе лишь несколько строк.

«Это не настоящий философский камень, а фикция, но он обладает магическими свойствами и будет обладать ими ещё месяц. Отдай его, пусть эти собаки подавятся. Взамен мне нужна пожизненная индульгенция от своих проделок. Чёрный человек». Вдали раздался глухой взрыв. Перепуганный молоденький военный, постучавшись, заглянул в кабинет мэра.

- Что? - Спросил Боярский.

- Развалины старого завода.

- Это пока все разрушения?

Военный кивнул.

- Что ж его давно нужно было снести.

Больше не раздумывая не секунды, он включил кнопку вызова.

В городе началась паника, хотя кроме одного снаряда, больше бомбардировок не было. Вдруг в яростной тишине послышался чистый звон колоколов храма. Он не прекращался до тех пор, пока небо над зоной не покинул последний самолет.

Аномальная зона. Герт С.И.